

М. И. МАКСИМОВА

АРТЮХОВСКИЙ КУРГАН

ЛЕНИНГРАД
«ИСКУССТВО»

Ленинградское отделение

1979

63.4(2)

М 17

*Печатается по решению Ученого совета
Государственного Эрмитажа*

Научный редактор К. С. Горбунова

Артюховский курган — один из самых выдающихся археологических комплексов II в. до н. э. — получил мировую известность сразу же после его открытия в 1879 г. В находках из этого кургана отразилось развитие материальной и духовной культуры Боспорского царства на протяжении всей его тысячелетней истории. Работа доктора исторических наук М. И. Максимовой, ныне покойной, представляет собой первое полное издание этого археологического комплекса и предлагает новое толкование, основанное на последних достижениях науки.

«Искусство», 1979 г.

М 10602-079
023(00-79

Артюховский курган — памятник истории культуры Боспорского царства

I. ИСТОРИЯ РАСКОПОК

В 1878 г. Н. П. Кондаков предпринял раскопки на Таманском полуострове в цепи курганов, расположенных между хутором сотника Артюхова и горой Цымбалы (их протяженность с запада на восток около 2 км)¹. Работы 1878 г. не дали результатов. В следующем 1879 г. В. Г. Тизенгаузен начал раскапывать курган, оставшийся неисследованным в 1878 г. и позже получивший широкую известность под именем Артюховского. Раскрытие им двух богатых нетронутых и нескольких разоренных гробниц и последующие работы в том же кургане, производившиеся С. И. Верebrюсовым, нашли отражение в отчетах Археологической комиссии за 1878—1879 гг.² Эти отчеты являются основными документами при изучении всех раскрытых погребений и их инвентаря, однако сведений по истории раскопок почти никаких не дают. То же можно сказать и о тексте Л. Стефани, сопровождающем публикацию значительной части памятников из Артюховского кургана³ и основанном на упомянутых отчетах⁴.

Некоторые данные о ходе раскопок с описанием нетронутой женской могилы и письмо Верebrюсова, представляющее большой интерес, можно найти в труде Д. Я. Самоквасова⁵. Этот ученый побывал на месте раскопок после окончания работ экспедиции Тизенгаузена и высказал о них несколько критических замечаний. Он же настоял затем на продолжении раскопок в этом кургане Верebrюсовым.

Довольно ясное представление о деятельности Тизенгаузена и Верebrюсова можно получить на основании двух документов: дневника Верebrюсова и плана раскопок Артюховского кургана, составленного Ф. И. Гроссом, по-видимому, сразу по окончании работ, так как Верebrюсов вел раскопки до 7 сентября 1879 г., а план Гросса⁶ был отправлен в Петербург при рапорте № 6 от 22 сентября 1879 г.⁷

Наш обзор раскопок начнем с экспедиции Тизенгаузена. Вопреки утверждению Самоквасова, что после этой экспедиции он нашел «курган... раскопанный продольной сквозной траншеей, проведенной посередине кургана в направлении с востока на запад», на плане Гросса (рис. 1) никакой сквозной траншеи через середину кургана не обозначено⁸. Там указаны две широкие траншеи № 1 и 3, прорезанные в средней части кургана; они не сходятся друг с другом и ни одна не доходит до центра кургана. Между ними проведена узкая соединительная мина длиной в 14 м. Неточен Самоквасов и тогда, когда говорит, будто Тизенгаузен проделал три глухие боковые траншеи в южной половине насыпи. На самом деле их четыре (№ 4—7), причем из траншеи № 6 была проведена длинная мина (№ 8), которая, однако, также не достигла центра кургана. Кроме того, Тизенгаузен выкопал еще одну траншею (№ 2) — в северной поле кургана. Таким образом, благодаря плану Гросса легко убедиться в довольно большом размахе работ Тизенгаузена, однако его траншеи не доходят до центра кургана, а между ними остаются не затронутые исследованием пространства, особенно обширные в северной поле. Неправильны сообщения Самоквасова и относительно гробниц, открытых Тизенгаузенем. Он называет лишь три погребения (№ 9, 10, 12), неточно их локализуя, и умалчивает

¹ ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1891, с. XI.

² Там же, с. XLIV—LI. Рукописный отчет Тизенгаузена (Архив ЛОИА АН СССР, д. АК 4/1879, л. 9—12) ничего существенного к печатному отчету не добавляет. Рукописный отчет Верebrюсова (там же, д. АК 6/1879, л. 40—44) в дальнейшем именуется нами дневником; из него в печать попали только краткие извлечения.

³ ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 1.

⁴ Как уже было отмечено М. И. Ростовцевым (Ск. и В., с. 273, примеч. 2), между отчетами и текстом Стефани есть расхождения относительно расположения вещей в могилах. В нашем перечислении находок в подобных случаях текст снабжен примечаниями. Описание гробниц у М. И. Ростовцева (там же, с. 273), к сожалению, изобилует неточностями — перечислено 7 гробниц вместо 8; имеются недоразумения в описании отдельных находок, — например, надгробная плита с рельефом, прикрывавшая гробницу IV, приписана гробнице I.

⁵ Самоквасов Д. Я. Могила русской земли. Спб., 1908, с. 158.

⁶ Архив ЛОИА АН СССР. Альбом рисунков Ф. И. Гросса за 1879 г., п. 17.

⁷ Архив ЛОИА АН СССР, д. АК 4/1879. Следует отметить, что только по плану можно узнать размеры кургана, имеющего в окружности около 141 м и высоту 6,4 м и значительно уступающего такому гиганту, как Большая Близица (окружность которой 340 м, высота 15 м)

⁸ Самоквасов Д. Я. Могила русской земли, с. 158.

о гробнице № 11 в траншее № 7. В действительности в ходе работ были открыты сперва две ограбленные могилы: каменный склеп № 12 и каменный ящик № 11. Затем, в один и тот же день (29 июня), Тизенгаузен нашел два богатых нетронутых погребения: каменную гробницу № 9 и каменный склеп № 10. Удовлетворенный успехом, он прекратил исследования — 29 июня было последним днем работы его экспедиции.

Вскоре после отъезда Тизенгаузена курган осмотрели Верebrюсов и Самоквасов. «На мой вопрос, — рассказывает Самоквасов⁹, — почему оставлены неисследованными северная половина Артюховского кургана и большие промежутки между боковыми траншеями, С. И. Верebrюсов отвечал, что северная половина кургана всегда оставляется нераскопанной директорами и членами императорской Археологической комиссии по той причине, что в этой половине гробниц не встречается, как показала предыдущая практика раскопок, а промежутки между боковыми траншеями оставлены нераскопанными потому, что в траншеях не встретились отески камня, служащие указаниями гробниц». Этот ответ, однако, не убедил Самоквасова, и он посоветовал Верebrюсову продолжить начатое дело.

Верebrюсов приступил к работе 15 августа 1879 г. Он стремился главным образом исследовать части кургана, оставленные Тизенгаузеном без внимания. Прежде всего он провел мину из траншеи № 2 по направлению к центру, но, не найдя ничего, скоро ее оставил¹⁰. Затем продолжена была траншея № 4 (по нумерации Верebrюсова — № 16), имеющая длину примерно в 6 м. В ней на материке обнаружены были «следы угля и жженный точёк». С целью расследования последнего из западного угла траншеи были проведены две мины, одна к северу, другая к западу, длиной около 2 м каждая, здесь, как значится в дневнике, и «прекратились следы пепелища». От восточного угла раскопа была прорыта по направлению к центру еще одна мина, с тем чтобы проследить полосу камки, замеченную на правой стенке траншеи. В мине нашли и разобрали большую кучу камки, однако, как говорится в дневнике, «без всяких последствий».

Затем из раскопа 7 сделан был прорез к северу (№ 13), тоже не давший результатов.

После этого стали бурить скважины, доводимые до материка. Прежде всего исследовался таким методом широкий промежуток между траншеями № 1 и 2, вернее, только его невысокая часть, прилегающая к краю кургана. Здесь также ничего обнаружено не было. В промежутке между траншеями № 5 и 6 встретились плиты из мягкого известняка, и благодаря прорезу к северу из траншеи № 5 была открыта построенная на материке каменная гробница № 18, совершенно разграбленная.

Между траншеями № 6 и 7 Верebrюсов успел проделать только шесть скважин и сразу нашел там плиты из белого известняка, лежавшие на материке. Прорытая затем от края кургана траншея № 14 вскрыла богатое нетронутое женское погребение № 19, находившееся между открытыми Тизенгаузеном гробницами № 10 и 11 всего на расстоянии около 1,5 м от них.

Самый большой просвет между раскопками Тизенгаузена имелся в северной поле кургана, между траншеями № 2 и 3. Судя по плану Гросса (рис. 1, раскоп 17), Верebrюсов провел от подошвы кургана по направлению к центру траншею шириной, примерно, 2 м¹¹. С правой ее стороны встретился обрез, и здесь была обнаружена на материке земляная гробница № 20; для обследования последней траншея была расширена. Ближе к центру и левее погребения № 20 нашли затем детскую гробницу № 21. В том же раскопе, недалеко от центра кургана, стали попадаться в изобилии отески белого известняка. Желая установить площадь их распространения, Верebrюсов провел три мины (две к центру и одну к раскопу 3), но работы были вскоре прекращены. «Так как отески тянулись все далее к центру, — говорится в дневнике, — то следовало заключить, что в

⁹ Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли, с. 158.

¹⁰ Нумерация траншей в дневнике Верebrюсова не сходится с нумерацией на плане Гросса, однако отождествление указаний дневника с планом не представляет труда. В нашем изложении мы придерживаемся нумераций плана.

¹¹ Текст его дневника в этом месте несколько сбивчив.

Рис. 1.
План раскопок Артюховского кургана
 (из альбома рисунков Ф. И. Гросса за 1879 г.)

этом месте производилась обработка камня для главной центральной гробницы». Почему не было сделано попыток открыть эту главную центральную гробницу, остается непонятным.

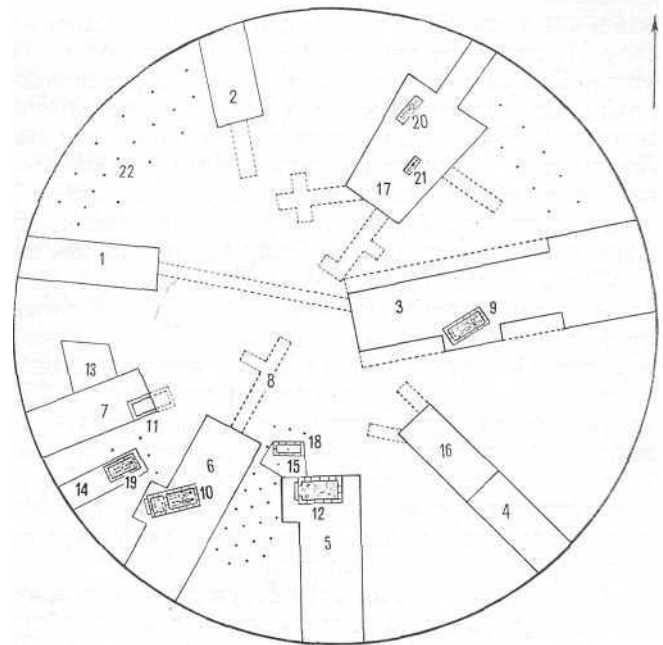
Дневник Верebrюсова сообщает еще об одной проведенной мине и девяти буровых скважинах, не давших результатов, не локализованных в дневнике и не обозначенных на плане. Там же говорится, что пола кургана между раскопами 3 и 4 обследована не была, так как она «закрыта высоким ярусом земли и короткий бур здесь не достигал материка».

В 1880 г. Верebrюсов публикует сообщение о том, что в 1880 г. им проведены работы «для окончательного расследования большого Артюховского кургана», причем эти работы «удостоверили, что в нем никаких других гробниц более не находится»¹². Сведений об объеме раскопок 1880 г., насколько нам известно, не сохранилось. Поэтому трудно установить, имелись ли у Верebrюсова основания для столь категорического заявления. Археологическая комиссия, видимо, удовлетворилась заключением Верebrюсова и никаких дальнейших исследований в кургане не произвела.

Между тем, принимая во внимание характер раскопок 1879 г., трудно согласиться с окончательным выводом Верebrюсова, тем более, что примененный метод работы при помощи буровых скважин не обеспечивает полноты результатов, не говоря уже о том, что он совершенно неэффективен для изучения насыпи кургана и скрытых в нем остатков сооружений, связанных с культом мертвых¹³. Таким образом, приходится сделать вывод о том, что Артюховский курган разделит судьбу многих подобных памятников, раскопанных в XIX в. Археологические исследования Тизенгаузена и Верebrюсова познакомили нас с отдельными захоронениями и их богатым содержанием, но весь памятник в целом как один из крупных исторически сложившихся фамильных некрополей Боспора остался не полностью изученным и потому частично потерянным для науки. Однако, даже при учете отрицательных сторон произведенных работ, научное значение находок, добытых описанными раскопками, столь велико, что Артюховский курган занял одно из самых видных мест среди археологических комплексов Боспора эпохи эллинизма.

II. ДАТИРОВКА АРТЮХОВСКОГО КУРГАНА

Как известно, Л. Стефани при первом издании памятников Артюховского кургана отнес их к третьей четверти III в. до н. э. Его датировка находила всеобщее признание в течение почти 80 лет. Главным основанием для нее служил золотой статер Лисимаха, обнаруженный в гробнице II нашего кургана. Стефани правильно определил принадлежность статера к посмертным выпускам лисимаховских монет Византия, самые поздние из которых, по мнению нумизматов XIX в., относились к 20-м гг. III в. до н. э. Он также считал, что статер боспорского царя Перисада,

¹² ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. XI.

¹³ Инструмент, который Верebrюсов называет буром, был, по-видимому, простым шупом. Этот короткий инструмент достигал материка только в низких частях кургана, прилегающих к его подошве. Почти вся средняя часть кургана осталась, таким образом, фактически неисследованной.

найденный вместе с указанным статером Лисимаха, принадлежал Перисаду II, царствовавшему до третьей четверти III в. до н. э. Исходя из этого, Стефани и пришел к своей, встретившей общее одобрение, датировке. Однако нумизматы XX в. и среди них известный советский нумизмат А. Н. Зограф пришли к убеждению, что выпуски посмертных монет Лисимаха в Византии продолжались в течение всего II и начале I в. до н. э., вплоть до времен понтийского царя Митридата Евпатора¹⁴. Но традиционная датировка Артюховского кургана так прочно укоренилась в науке, что выводы нумизматов не сразу оказали на нее влияние.

Лишь совсем недавно и независимо друг от друга были предприняты две попытки передатировать весь наш комплекс в целом. Одна из них принадлежит немецкому ученому Х. Кютману, который после тщательного изучения нескольких памятников кургана пришел к выводу о необходимости перенести дату комплекса примерно к 100 г. до н. э.¹⁵ Несколько иного мнения придерживается автор настоящего труда, сначала предложивший датировать комплекс серединой и третьей четвертью II в. до н. э., а впоследствии уточнивший дату до 140—125 гг. до н. э.¹⁶ Эта точка зрения встретила, насколько нам известно, широкое признание у советских и зарубежных ученых, однако нельзя утверждать, что в этом вопросе достигнуто полное единодушие¹⁷.

В настоящее время существуют три точки зрения относительно того, к какому периоду II в. принадлежат все приблизительно одновременные нетронутые погребения Артюховского кургана. О двух из них мы уже упоминали. Третья принадлежит Р. Хиггину, который высказался в пользу принадлежности кургана к самому началу II в. до н. э., не подкрепляя, впрочем, свое мнение какими-либо аргументами¹⁸.

Мы не будем повторять здесь нашего критического разбора взглядов Кютмана¹⁹ и Хиггинса²⁰. Выскажем лишь кратко те соображения, на которых основывается наша датировка, и упомянем недавно опубликованные новые данные, целиком, как мы полагаем, отрицающие мнение Хиггинса и подтверждающие наши выводы.

Изучая материалы Артюховского кургана, мы заметили, что ряд предметов, тождественных нашим, но происходящих из других областей античного мира, был найден вместе с монетами середины и третьей четверти II в. до н. э. Это относится, например, к памятникам Арт. 19, 63, 64, 66, 93, 112²¹. Кроме того, типы наших серебряных вазочек столь значительно отличаются от типов таких же предметов из гробниц конца IV и III в. до н. э., что не может быть и речи о каком-либо сближении во времени этих комплексов. То же можно сказать и относительно стиля ювелирных изделий. Для памятников этой категории, происходящих из Артюховского кургана, характерна достигшая полной зрелости полихромия, тогда как на изделиях III в. появляются только первые признаки этой пришедшей с востока моды.

В настоящее время наука располагает новыми весьма убедительными данными, исключающими возможность отнесения Артюховского кургана к началу II в. до н. э.²²

В 1956 г. в Малой Азии, в местечке Мектепине во Фригии, был случайно обнаружен огромный клад серебряных тетрадрахм²³. Хотя небольшая его часть и успела разойтись по рукам, удалось сохранить и изучить 753 монеты. Как показало детальное изучение, эти монеты, представляющие собой выпуски монетных дворов многих эллинистических государств и городов, относятся к периоду раннего эллинизма. Наиболее поздние из них принадлежат к первым годам II в. до н. э. Это наблюдение, а также самое место находки клада у дороги, пересекавшей Малую Азию от Никеи до Киликийских ворот, позволили А. Сейригу высказать убедительную гипотезу о зарытии клада вскоре после битвы при Магнезии (190 г. до н. э.), в результате которой вся Малая Азия вышла из-под власти Селевкидов.

¹⁴ См., например, Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, 1951, № 16, с. 182, 184.

¹⁵ Kùthmann, *Beiträge*, S. 94—127.

¹⁶ Максимова М. И. О дате Артюховского кургана. — СА, 1960, № 3, с. 46—58. Доклад на эту тему был прочитан в 1957 г.

¹⁷ Недавно, впрочем, была сделана попытка вернуться к датировке кургана III в. до н. э. (см. Брабич В. К вопросу чеканки золотых статеров при Перисаде II. — СГЭ, 1961, вып. 21, с. 48—51). Однако вряд ли можно считать, что автор этой заметки достиг своей цели. Он не учел того обстоятельства, что монета Левкона II, на которой главным образом основывается датировка кургана, была найдена в разграбленном погребении V (см. приложение I), т. е. в одной из пяти расширенных гробниц, относящихся, судя по немногим уцелевшим в них предметам, к разному времени — от III в. до н. э. до начала I в. н. э. Поэтому датировать гробницу II по монете, найденной в гробнице V, не рекомендуется. Точку зрения Стефани разделяют и авторы каталога открытой в США временной выставки античных золотых изделий (см.: Hoffmann H., Davidson P. F. *Greek Gold from the Age of Alexander*. Brooklyn, 1965, p. 54, 55). К сожалению, при издании настоящего труда автор

по не зависящим от него причинам не смог полностью использовать названную книгу, так же как и работу Д. Стронг (Strong D. L. *Greek and Roman Gold and Silver Plate*. London, 1966), которая принимает датировку Артюховского кургана II в. до н. э. Что же касается составленного Р. Хиггинсом краткого каталога выставки ювелирных изделий (Higgins R. A. *Jewellery from Classical Lands*. Oxford, 1965), то он ничего нового для решения нашей проблемы не дает.

¹⁸ Higgins R. A. *Greek and Roman Jewellery*. London, 1961, p. 221.

¹⁹ См.: СА, 1962, № 4, с. 248—252. Убедительным аргументом против поздней датировки Кютмана служит также характер инвентаря погребений, относящихся

В составе этого клада—38 тетрадрахм Лисимаха посмертного чекана в Византии, отличающихся от статеров того же происхождения только монограммами. Исходя из общей датировки клада, к первым годам II в. до н. э. могут принадлежать лишь наиболее поздние из данной находки тетрадрахмы этой серии. Между тем, они очень отличаются от статера, найденного в Артюховском кургане²⁴: последний носит ясные признаки более значительной деградации фактуры и стиля изображения, а также надписи, что ясно говорит о более позднем времени его изготовления. А. Сейриг, который до находки клада в Мектепини датировал статер из Артюховского кургана примерно 200 г. до н. э., теперь относит его ко времени не ранее 160 г. до н. э. Таким образом, датировка Артюховского кургана началом II в. до н. э. окончательно опадает, а наша датировка получает новое, чрезвычайно убедительное подтверждение. Это не может не оказать влияния как на историю художественного ремесла эпохи эллинизма, так и на историю Боспорского царства.

III. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Погребальные сооружения Артюховского кургана погипли, надо думать, вскоре после раскопок 1879 г. Для воссоздания их типов мы в настоящее время располагаем следующими источниками: 1) печатные отчеты Тизенгаузена и Веребрюсова²⁵, чрезвычайно краткие в том, что касается конструкций гробниц, и дающие только самые общие и нередко сбивчивые представления о них; 2) дневник Веребрюсова²⁶; 3) письмо Веребрюсова к Самоквасову²⁷; 4) план Артюховского кургана (рис. 1); 5) альбом рисунков Гросса за 1879 г. (рис. 2 и 3).

Однако даже при использовании всех этих источников многие детали конструкций остаются неясными.

По-видимому, в Артюховском кургане имелись гробницы четырех типов.

Тип первый — каменный ящик, сложенный из тесаных плит. К этому типу принадлежат гробницы I, IV и VIII.

Гробница I. Нетронутая гробница с женским захоронением открыта Веребрюсовым в западной поле кургана (рис. 1; № 19, раскоп 14). В Отчетах Археологической комиссии²⁸ она описана как каменная гробница, перегородженная на одном конце (уног покойницы) черепицей, отделяющей от собственно гробницы помещение, в котором была установлена домашняя посуда²⁹. Некоторые дополнительные сведения можно почерпнуть из дневника Веребрюсова и из его письма к Самоквасову. В дневнике, где гробница значится под № 7, дано ее описание. Это каменная шсттовая гробница из белого известняка, устроенная на материке. Она сложена из четырех продольных и двух поперечных плит, поставленных на ребро. Длина и ширина плит около 0,71 м, толщина около 0,26 м. Внутреннее пространство гробницы составляло около 2 м в длину и около 0,71 м в ширину. На расстоянии 0,02 м от западного края в ногах остова ящик перегороден широкой цельной плоской черепицей. Гробница устроена на материке и не имела каменного пола. Из письма Веребрюсова к Самоквасову узнаем, что покрытие гробницы состояло «из двух широких плит...»³⁰

Гробница IV, открытая Веребрюсовым в южной поле кургана (рис. 1; № 18, раскоп 15), кратко описана в Отчетах Археологической комиссии как «разоренная каменная гробница»³¹. Далее там подробно говорится о надгробной стеле с рельефом, использованной для перекрытия. В дневнике Веребрюсова это захоронение значится под № 6. Отметим, что верх гробницы прикрывался двумя рядами плит, установленными косо и составляющими покатую на обе стороны крышу. Как писал Веребрюсов в дневнике, «прах расстился тонкой полосой на самом дне гробницы

несомненно ко времени Митридата VI, как, например, Северский курган — см.: Смирнов К. Ф. Северский курган. М., 1953, вып. 2. Буерова могила.

²⁰ СА, 1964, № 3, с. 334—337.

²¹ Все предметы из Артюховского кургана хранятся в Эрмитаже. Арт. 19 и т. д. означают номера инвентарной описи Эрмитажа.

²² Максимова М. И. Еще раз о дате Артюховского кургана.— СА, 1967, № 2, с. 240—242.

²³ Olcau N., Seyrig H. *Le Trésor de Mektépinién Phrygie. Institut Français d'Archéologie de Beyrouth. Bibliothèque archéologique et historique* Paris, 1965, vol. 82.

²⁴ См. рис. 1 а: Olcau N., Seyrig H. *Op. cit.*, pl. 6, № 141.

²⁵ ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLVIII.

²⁶ Архив ЛОИА АН СССР, д. АК 6/1879, л. 40—44.

²⁷ Самоквасов Д. Я. Могила русской земли, с. 158.

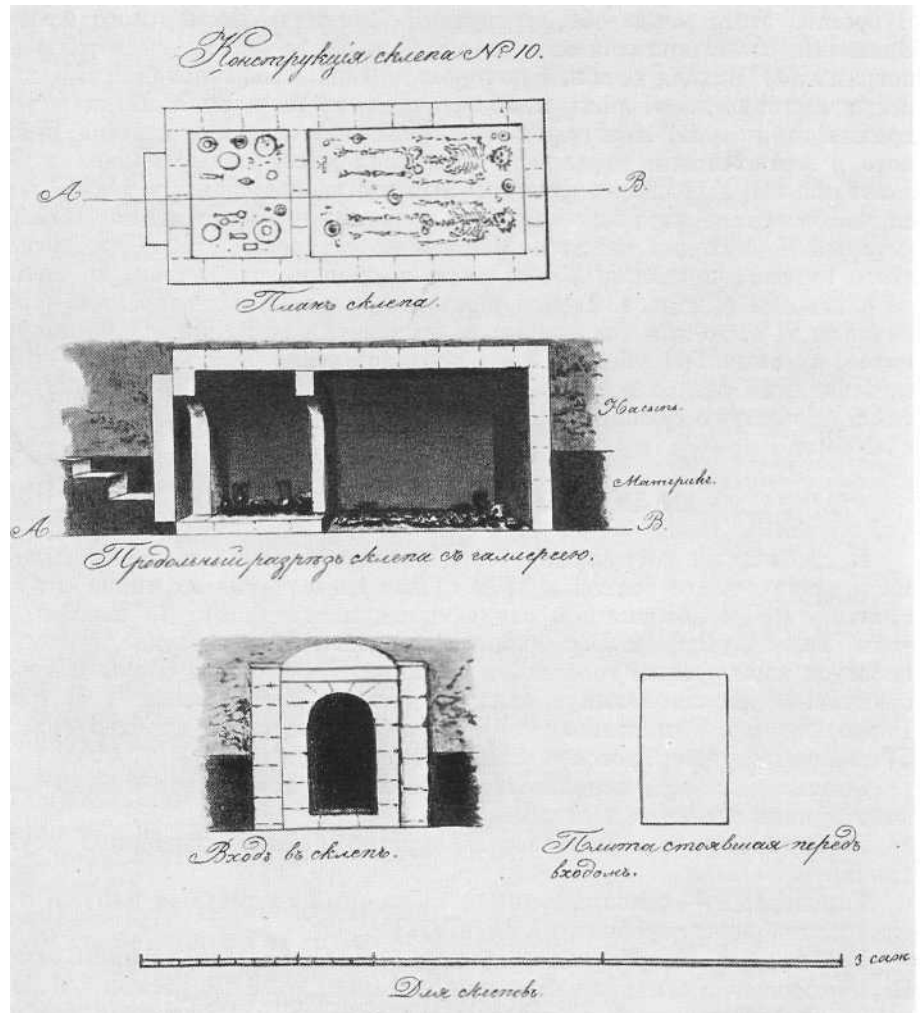
²⁸ ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. ХVХ.

²⁹ См. также: Ск. и Б., с. 275.

³⁰ Самоквасов Д. Я. Могила русской земли, с. 159. В этом описании ошибочно сказано, что одна из плит была украшена рельефом.

³¹ ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLVIII. У Ростовцева (Ск. и Б.) не описана.

Рис. 2.
Склеп II
Артюховского кургана
(рисунок Ф. И. Гросса)

по материку»³². Одна из плит перекрытия оказалась надгробной стелой с рельефом³³ (рис. 58).

Гробница VIII, открытая Тизенгаузенем в раскопе 7 в западной поле кургана, видимо, также представляла собой каменный ящик (рис. 1, № 11).

Гробницы в виде каменного ящика, сложенные из тесаных плит, имели широкое распространение на Боспоре, в частности, в его азиатской части. Однако на Тамани этот тип погребальных сооружений применялся, очевидно, только в курганных захоронениях состоятельных слоев населения, тогда как в сплошных могильных насыпях, характерных для некрополей рядовых городских жителей, — он, насколько нам известно, не встречается³⁴. Это, надо думать, объясняется редкостью, а следовательно, и дороговизной строительного камня на Тамани. Вероятно, по той же причине пол каменных ящиков Артюховского кургана оставался земляным и не покрывался камнем, а в качестве строительного материала употреблялись иногда снятые с других могил надгробные стелы с рельефами.

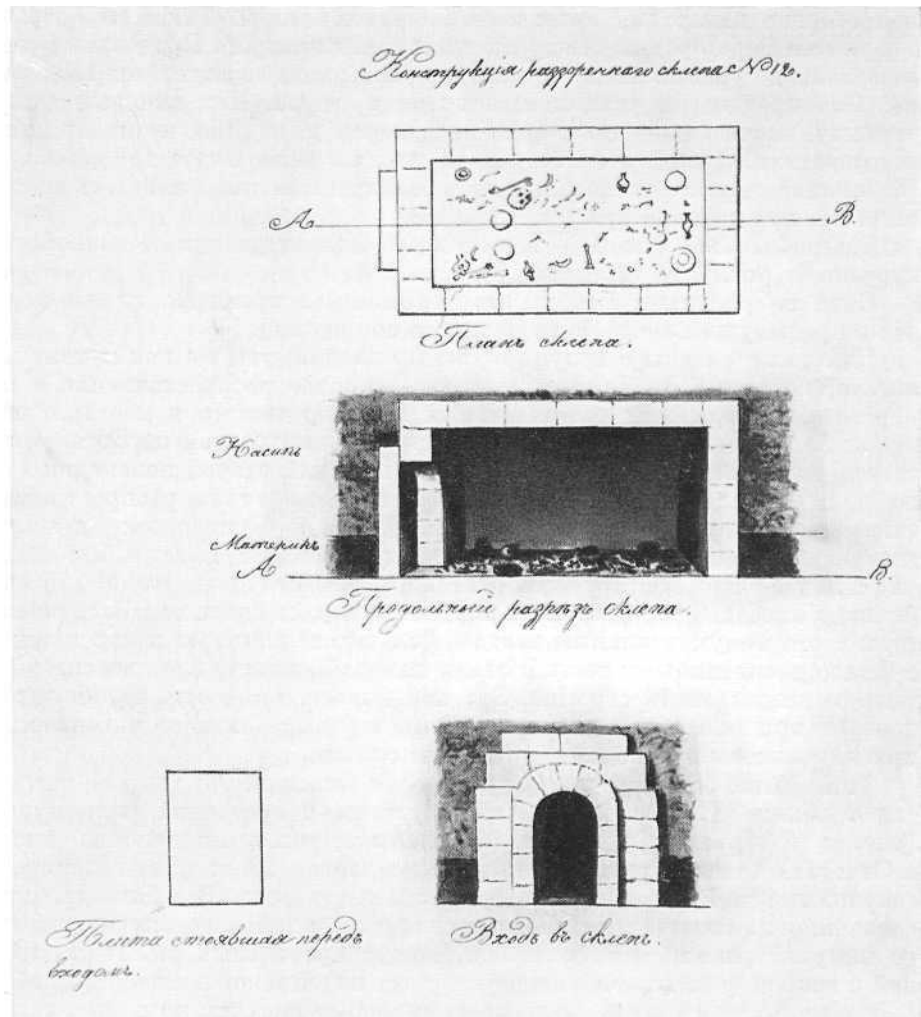
В курганных захоронениях на Тамани гробницы в виде каменных ящиков — явление очень распространенное³⁵. Приводимый нами далеко не полный список показывает, что в Артюховском кургане гробницы первого типа по своей конструкции следовали существовавшей на Тамани тради-

³² Отсюда можно заключить об отсутствии и в этой гробнице каменного пола.

³³ Употребление надгробных стел с рельефами для перекрытия гробниц, которые имели форму каменных ящиков, встречается на Боспоре довольно часто (гробница VIII Артюховского кургана и многие др.). См также: Kjeseritzky H., Watzinger K. *Griechische Grabreliefs aus Südrussland*. Berlin, 1909, Nr. 449, Taf. XXXII; Nr. 454, 456.

³⁴ Блаватский В. Д. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. — МИА, 1951, № 19, с. 189—226; Кобылина М. М. Раскопки южного некрополя Фанагории в 1947 г. — МИА, 1951, № 19, с. 236—240;

Рис. 3.
Склеп VII
Артюховского кургана
(рисунок Ф. И. Гросса)

ции. Двускатная крыша гробницы IV, сложенная из поставленных в наклоне положении плит, видимо, делалась по типу черепичных гробниц³⁶. Перегородка из черепицы внутри гробницы I также имеет аналогии в гробницах Тамани³⁷.

Тип второй — каменный склеп. В Артюховском кургане было найдено два каменных склепа, оба крытых полусферическим сводом, — гробницы II и VII.

Нетронутая гробница II с парным захоронением мужчины и женщины³⁸ (рис. 1; № 10, раскоп 6). «Близ самой подошвы кургана оказался вполне сохранившийся каменный склеп, к которому вход с западной стороны был завален большой тесаной плитой. Склеп этот, наполовину впущенный в материк и внутри оштукатуренный, с полукруглым сводом, состоял из двух отделений: меньшего, составлявшего входную галерею, и большего, заключавшего в себе собственно усыпальницу».

Это краткое описание дополняется рисунками Гросса³⁹, где даны план и разрез склепа, его фасад и вид плиты, которой был заложен вход (рис. 2). Судя по масштабу, приложенному к чертежам, длина склепа с запада на восток приблизительно 3,5 м, ширина—1,4 м, высота до шельги свода—1,6 м. Стены склепа сложены из больших тесаных камней. Вход на запад-

Кобылина М. М. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1948 г. — МИА, 1951, № 19, с. 241—249; Марченко И. Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг. — МИА, 1956, № 57, с. 102—127; Кастанаян Е. Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н. э. и местные их особенности. — МИА, 1959, № 69, с. 288—295 (некрополь на мысе Тузла и некрополь у хутора Кротенко); Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов. — МИА, 1959, № 69, с. 154.

³⁵ См., например: ОАК за 1870—1871 гг. Спб., 1874, с. XV (у хутора Пивнева каменная гробница, покрытая лубком и толстым слоем морской

ной стороне имеет вид арки из клинчатых камней. Таким же образом оформлена перегородка между преддверием и камерой. Продольные стены возведены до уровня пяты свода. Над аркой входа возвышается свод sklepa. Пол преддверия устлан каменными плитами. Пол камеры, судя по чертежу, значительно ниже пола преддверия и, видимо, не имеет каменного настила. Дромос отсутствует. Ко входу в склеп ведут три ступеньки. На нижней ступени устанавливалась большая каменная плита, полностью закрывавшая дверной проем.

Разграбленный склеп VII, открытый Тизенгаузенем в южной поле кургана⁴⁰ (рис. 1; № 12, раскоп 5).

Судя по рисункам Гросса, этот склеп имел примерно ту же форму, что и предыдущий, но состоял из одного помещения.

Каменные склепы с полуциркульным сводом, так же как и каменные ящики, получили на Тамани довольно широкое распространение в подкурганых некрополях состоятельных слоев греческого и местного населения⁴¹. Древнейшим склепом с полуциркульным сводом на Боспоре считается склеп № 47 Юз-Обы, обычно датируемый второй половиной IV в. до н. э. В дальнейшем подобные гробницы получили распространение также на Тамани и в других областях Северного Причерноморья и стали главенствующей формой подкурганых склепов. На Тамани был открыт ряд склепов такой конструкции, относящихся к эпохе эллинизма⁴². По сравнению с наиболее парадными из них, например, со склепом I Васюринской горы с его монументальным входом, большими конскими захоронениями, с богато расписанным вестибюлем и камерой, склепы Артюховского кургана выглядят очень скромно. Это показывает, что люди, в них захороненные, при всем богатстве приданного им погребального инвентаря, не принадлежали к местным владетельным семьям.

Тип третий остается для нас не вполне выясненным, так как нетронутая гробница III, открытая Тизенгаузенем в восточной поле кургана (рис. 1; № 9, раскоп 3), представляющая этот тип, очень неполно описана в Отчетах Археологической комиссии, а зарисовок ее, к сожалению, не сохранилось⁴³. В своем отчете Тизенгаузен говорит: «Это была гробница, сложенная из больших тесаных плит известкового камня, внутри тщательно оштукатуренная и выбеленная. В двух продольных стенах ее, северной и южной, у изголовья каждого из двух покойников находилась небольшая полукруглая ниша». Судя по суммарному рисунку на плане, гробница имела примерно те же размеры, что и склеп II, но в ней было только одно помещение.

Поскольку Тизенгаузен в двух случаях, когда он имеет дело со склепами, неизменно отмечает наличие в них свода и бокового входа, а по отношению к гробнице III он этого не делает, то вряд ли можно причислять данную гробницу к погребальным склепам. С другой стороны, ее невозможно считать простым каменным ящиком первого типа из-за значительной высоты стенок, которые, по словам Тизенгаузена, были тщательно оштукатурены и выбелены. Особенно досадно полное умолчание о перекрытии гробницы, несомненно существовавшем. Это вытекает из всего описания Тизенгаузена, а также из того факта, что над гробницей было разбито и сожжено погребальное ложе, остатки которого найдены. Учитывая все приведенные данные, можно предполагать, что гробница III, скорее всего, относилась к типу нередко встречающихся на Боспоре небольших погребальных камер, покрытых каменными плитами⁴⁴. Что касается ниш в стенках гробниц, то подобные устройства известны как в Керчи, так и на Таманском полуострове⁴⁵.

Тип четвертый — простые земляные гробницы прямоугольной формы, имевшие чрезвычайно широкое распространение на Тамани, в частности в грунтовых некрополях больших городов. К этому типу принадлежат две гробницы — V и VI, открытые Вереврюсовым в восточной поле кургана.

травы); ОАК за 1873 г. Спб., 1876, с. XV (ряд каменных ящиков в цепи курганов к западу от ст. Сенной); ОАК за 1881 г. Спб., 1883, с. VI (окрестности Лианы); ОАК за 1870—1871 гг. Спб., 1874, с. XVIII; АДЖ, с. 42, 44 (Васюринская гора); ОАК за 1868 г. Спб., 1870, с. V; АДЖ, с. 14 (Большая Близница); ИАК, 1912, вып. 60, с. 24, рис. 6 (Зеленский курган).

³⁶ См., например: ДБК, с. 35 и план В.

³⁷ См., например: ОАК за 1878 г. Спб., 1881, с. XLIV.

³⁸ ОАК за 1879 г., Спб., 1881, с. XLVI (в данном случае печатный текст в точности повторяет рукописный отчет Тизенгаузена); Ск и Б., с. 274 (гр. II).

³⁹ Архив ЛОИА АН СССР. Альбом рисунков Ф. И. Гросса за 1879 г., л. 17 (рисунки воспроизведены: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 12); Русск. древн., с. 24, рис. 21, 22; Minns, *Sc. and Gr.*, p. 433, fig. 323, 324.

⁴⁰ Архив ЛОИА АН СССР. Альбом рисунков Ф. И. Гросса за 1879 г., л. 17 (чертежи склепа).

⁴¹ О склепах с цилиндрическим сводом см.: АДЖ, с. 98; Гевирц Я. Г. О сводах в постройках Ольвии. — Труды Всероссийской Академии художеств, 1947, т. I, с. 1—14; Карасев А. Н. Архитектура. — В кн.: Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955, с. 210.

⁴² См., например: АДЖ, с. 112; Ск и Б., с. 270 (склеп Вандервейде); Ск и Б., с. 296 (склеп близ Анапы); ОАК за 1882—1888 гг. Спб. 1891, с. XIX; АДЖ, с. 111 (склеп у станции Благовещенской); АДЖ, с. 30, 42 (два склепа Васюринской горы).

⁴³ ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLVIII; Ск и Б., с. 273.

⁴⁴ См., например: ДБК, с. 19 (Карантинное шоссе); МИА, 1959, № 68, с. 194, 198, 202 (некрополь у деревни Кыз-Аул, мог. 6, 7, 11). Такие же маленькие камеры или глубокие каменные ящики встречаются и на Тамани.— ОАК за 1868 г. Спб., 1870, с. X.

⁴⁵ АДЖ, с. 33, рис. 8, 9 (склеп I Васюринской горы); АДЖ, с. 150, рис. 28, 29 и ДБК, табл. В, с. СХLIX, № 6 (склеп с Пигмеями на горе Митридат).

Гробница V (рис. 1; № 20, раскоп 17), судя по найденной здесь монете Левкона II, относилась еще ко второй половине III в. до н. э.

Если верить дневнику Верebrюсова, где найденный в гробнице VI стеклянный флакон назван «слезницей», это погребение следует отнести к римскому времени.

Судя по зарисовке на плане, гробница VI (рис. 1; № 21, раскоп 17) также представляла собой прямоугольную яму. Была ли земляная гробница VI вырыта в материке, или в насыпи, в описаниях не сказано.

Итак, вскрытые в Артюховском кургане могилы соответствуют распространенным на этой территории типам погребальных сооружений. В этом отношении курган сооружен целиком соответственно традициям, установившимся на Тамани еще в конце IV и III в. до н. э., и не может дать нам ничего нового.

IV. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

К несколько иным результатам мы приходим при изучении погребальных обрядов. Правда, доминируют обряды, порожденные верой в загробную жизнь. Однако эти древние верования, свойственные племенам и народностям, населявшим Северное Причерноморье в античную эпоху, и сохранявшиеся греческими переселенцами гораздо дольше, чем в метрополии, со временем подверглись изменениям. Как раз в Артюховском кургане ясно проявляются признаки отхода от унаследованной от предков обрядности в сторону новых эсхатологических представлений⁴⁶.

Вера в то, что умершие продолжают жить в местах их захоронения, в их οἶκος αἰώνιος — «вечном доме»⁴⁷, требовала создания там условий, привычных для них при жизни на земле. Поэтому покойника облачали в парадные одеяния и украшали драгоценностями, гробницы наполняли личным имуществом усопших, всякой утварью, оружием, туалетными принадлежностями и т. д. Туда же помещали запасы еды и питья. Те же представления породили ритуальные убийства и захоронение вместе с покойником его жены, наложниц, рабов, а также любимых животных. В установленные сроки у могил справлялись тризны с жертвоприношениями и возлияниями крови жертвенных животных.

В Артюховском кургане среди восьми открытых в нем гробниц нет ни одного погребения с трупосожжением⁴⁸. Как и в некоторых других курганах Тамани, например, в Большой Близнице, гробницы ориентированы на восток с большими или меньшими отклонениями к северу. Покойники, в тех случаях когда это можно было установить, лежали на спине, в вытянутом положении. Следов гробов нигде не было найдено. В гробницах I и VIII тела находились прямо на земле без всякой подстилки. То же самое имело место, возможно, и в гробнице П. Судя по чертежу Гросса (рис. 2), в этом склепе не существовало каменного настила. Однако широко распространенный в Северном Причерноморье обычай класть покойника на подстилку из камки применялся, надо полагать, и в Артюховском кургане, о чем свидетельствует куча заготовленной камки, обнаруженная Верebrюсовым в траншее № 16.

Покойники погребались в парадных облачениях со всеми своими драгоценностями и регалиями. Иногда верхняя одежда развешивалась по стенам камеры. Во всех трех нетронутых погребениях был найден многочисленный набор предметов обихода и личного имущества захороненных: парадная и простая посуда — серебряная, бронзовая и глиняная; светильники, курильницы, туалетные принадлежности, стригили и т. д. Словом, здесь, как и в более древних курганах, замечается стремление окружить умерших теми предметами, среди которых протекала их жизнь на земле. В дневнике Верebrюсова, как указывалось выше, имеется упоминание

⁴⁶ О погребальных обрядах на Боспоре см.: АДЖ, с. 58; К а с т а н а я н Е. Г. Обряд тризны в боспорских курганах. — СА. 1950, XIV, с. 124—138 и указанную там литературу.

О погребальных обрядах греков и других племен и народностей античного мира см.: Rohde E. *Psyche*. Tübingen, 1907. RE, s. v. Bestattung (Mau); s. v. Totenteil (Brack); *Olynthus*, vol. XI.

⁴⁷ См.: *Mon. ant.*, vol. 7, 1956, p. XXXIII.

⁴⁸ Из этого факта, однако, рискованно было бы делать вывод о полном отсутствии трупосожжений в Артюховском кургане, поскольку, как мы уже неоднократно отмечали, значительная часть кургана осталась неисследованной.

о «пепелище», на которое он натолкнулся при дополнительных работах в траншее №4 Тизенгаузена (на плане Гросса — № 16). Веребрюсов произвел здесь лишь самое поверхностное обследование, так что это пепелище осталось, по сути дела, неизученным.

Так же обстоит дело с другой находкой, имеющей прямое отношение к погребальным обрядам. В насыпи над гробницей III (рис. 1; № 9, раскоп 3) Тизенгаузен обнаружил остатки ложа—сломанные и сваленные в кучу бронзовые его части и украшения с остатками обуглившегося дерева (Арт. 129). Тизенгаузен, видимо, не исследовал той части насыпи, где была сделана эта находка, и ограничился выемкой из земли сохранившихся бронзовых предметов. А между тем, место и обстоятельства находки ложа (тризны часто справлялись над могилами) позволяют предположить, что тщательные раскопки обнаружили бы здесь и другие остатки погребального пиришества, после свершения которого погребальное ложе вместе с другими предметами было сломано и сожжено на костре.

Итак, в Артюховском кургане продолжают господствовать старые боспорские традиции не только в отношении структуры гробниц, но и в том, что касается погребальных обрядов.

Как мы говорили выше, в Артюховском кургане были обнаружены лишь незначительные следы культовых действий—во время похорон и в определенные «поминальные» дни. Однако один из зафиксированных в этой связи фактов все же оказывается необычным для боспорского погребального обряда.

Во многих больших и малых курганах Боспора и Кубани V—II вв. до н. э. сохранились более или менее значительные следы обряда тризны⁴⁹. В некоторых из них (Большой Близище, Васюринской горе, Карагодеуашхе и др.) найдены фрагменты колесниц, на которых тела умерших доставлялись к месту захоронения, обнаружены конские уборы и кости коней, впряженных в эту колесницу во время похоронной процессии и затем убитых и похороненных в том же кургане. Но, насколько нам известно, нигде не было встречено ложа, сломанного и сожженного над гробницей и, следовательно, служившего, вероятно, катафалком, а может быть и носилками в траурной процессии. Это ложе, форма которого может быть полностью восстановлена, представляет собой обыкновенную греческую клину, какие были найдены *in situ*, например, в Приене, в жилых домах. На таких клипах греки спали, на них они возлежали во время вкушения пищи, на них же помещали во время церемонии «оплакивания» и прощания с покойником убранные для предания земле тела умерших, и эти же клины служили носилками на похоронах⁵⁰. Ложе из Артюховского кургана тоже служило домашней мебелью, на что указывает характер украшавших его рельефов, и не было специально предназначено для погребального ритуала. А поскольку возле гробницы III не оказалось конских погребений, которые, вероятно, были бы замечены Тизенгаузеном, есть все основания полагать, что в данном случае ложе заменило собой обычные в этих случаях на Боспоре колесницы и катафалки, в чем, несомненно, обнаруживается влияние греческих обычаев.

О частичном принятии эллинских погребальных обрядов свидетельствуют и золотые венки, украшавшие головы четырех из пяти покойников, похороненных в трех нетронутых погребениях нашего кургана, а также золотые монеты, найденные при женском и мужском костяках в гробнице II. Но в этом отношении Артюховский курган не дает ничего нового, так как эти чисто греческие обычаи были освоены таманской знатью еще в IV в. до н. э.

Необычные для больших курганов Тамани и очень показательные черты погребального обряда можно заметить при изучении инвентаря погребений Артюховского кургана и способа захоронения покойников в гробницах II и III.

⁴⁹ К а с т а н а я н Е. Г.
Обряд тризны. . . , с. 124.

⁵⁰ В найденной на острове Кеос надписи конца V в. до н. э. содержатся предписания к совершению погребального обряда. Там, между прочим, говорится, что покойника надо выносить из дома на клине.
Dittenberger W.
Sylloge inscriptionum graecarum nunc tertium editae. Lipsiae, 1920, vol. 3, Nr. 1218.

О составе инвентаря в целом мы будем говорить подробно ниже. Здесь мы отметим вкратце только несколько его отличительных черт, свидетельствующих об отмирании древних представлений о загробной жизни.

Сюда прежде всего относится почти полное отсутствие в гробницах Артюховского кургана запасов пищи и питья для покойников. Здесь нет обычных в богатых курганах костей домашних животных, находимых в больших бронзовых котлах или в других вместилищах,—остатков приготовленных для покойников туш баранов, лошадей и других животных (Куль-Оба, Чертомлык, Карагодеуашх и др.)—отсутствуют и ряды амфор, в которых с той же целью хранились масло и вино. Вместо этих вещественных даров в Артюховском кургане при мужских костяках в гробницах II и III были найдены имевшие скорее символическое значение горсточка орехов, лежавшие на тарелках,—пережиток древнего обычая предоставления пищи покойнику.

Еще явственнее отход от старых погребальных обычаев и обрядов проявляется в отказе от ритуальных закланий и убийств. В Артюховском кургане не найдено ни одной конской могилы, не обнаружено конских костей и предметов конской упряжи. Возможно, в этом сказалась сильная эллинизация похороненных там представителей местной знати. Однако, как мы убедимся при анализе погребального инвентаря, очень сильное влияние эллинской культуры не могло все же полностью оторвать этих боспорцев от родной почвы, и если бы традиционный обычай не расставаться с конем и после смерти был еще жив в их среде, то они не отказались бы от него и в данном случае. А между тем здесь не найдено даже никаких вещественных доказательств пережитков этого обычая—уздечек, псалий и т. д. Равным образом нет здесь также никаких следов заклания других домашних животных, например, собак, как в гробнице на Васюринской горе.

Отсутствуют и человеческие жертвоприношения—ритуальные убийства. Правда, в двух из трех нетронутых погребений Артюховского кургана было обнаружено по два костяка, в обоих случаях костяки мужчины и женщины. Однако вся обстановка этих захоронений не позволяет говорить об убийстве жены ради сопровождения в потусторонний мир ее мужа и господина.

В тех случаях, когда были открыты захоронения скифского вождя или представителя местной знати, сопровождавшиеся ритуальным убийством или самоубийством, женский костяк лежал всегда либо в другом помещении гробницы, нежели тело мужчины (Карагодеуашх, Чертомлык), либо в той же камере, но в некотором отдалении от покойника, за перегородкой (Куль-Оба). Этим подчеркивалось подчиненное положение убитых по отношению к их повелителю. В парных погребениях Артюховского кургана, наоборот, все говорит о равном положении умерших при жизни, об одинаковом почете, оказываемом им после смерти. Тела покоятся рядом, как бы на супружеском ложе: головы женщин увенчаны такими же золотыми венками, как головы мужчин, на пальцах они носят одинаковые перстни-амулеты. А по количеству украшений и предметов обихода, приданных покойникам, женщины имеют преимущество перед похороненными с ними мужчинами. В данном случае это парные захоронения супругов, умерших в разное время и по взаимному уговору похороненных в одной гробнице, вероятно, построенной с этой целью заранее, еще при их жизни. Между этим типом захоронений и погребениями с ритуальными убийствами имеется огромное принципиальное различие, отражающее не только эволюцию эсхатологических представлений, но и изменение во взглядах на положение женщины в семье и обществе.

Мы не имеем возможности в рамках настоящего труда проследить историю парных супружеских захоронений на Боспоре и ограничимся лишь краткими замечаниями. Насколько нам известно, в курганных по-

гребениях местной знати Тамани, предшествующих по времени гробницам Артюховского кургана, подобных парных захоронений обнаружено не было⁵¹. Нет их, по-видимому, и в богатых греческих погребениях доэллинистического периода на Юз-Обе и в Глинище⁵², а также в грунтовых некрополях Пантикапея⁵³ и Таманского полуострова. Среди боспорских эпитафий, называющих имена совместно похороненных мужа и жены, к III—I вв. до н. э. относятся лишь единичные экземпляры⁵⁴, тогда как в первые века нашей эры они довольно многочисленны. О том же, т. е. о распространении на Боспоре в римское время обычая захоронения в одной гробнице мужа и жены, свидетельствуют и такие монументальные памятники, как склеп Каллисфена⁵⁵, саркофаг из Мирмекия⁵⁶ и найденные в Керчи надгробные статуи мужчины и женщины⁵⁷. Этот тип погребения широко внедрился в первые века нашей эры, но начало процесса относится еще к эпохе эллинизма. Гробницы II и III Артюховского кургана дают нам ранний пример совместного погребения мужа и жены в одной специально построенной для этой цели гробнице: пример особенно интересный тем, что Артюховский курган, таким образом, приобретает характер памятника переходного времени, стоящего на грани двух исторических периодов и частично уже близкого к Боспору первых веков нашей эры. К такому же выводу приводит нас и анализ инвентаря погребений этого курганного некрополя.

V. ИНВЕНТАРЬ ЗАХОРОНЕНИЙ

Обычай помещать в могилу вместе с покойником часть его имущества явился причиной сохранения до наших дней многих предметов—непосредственных свидетелей жизни ряда поколений былых времен. В этих памятниках отразилась как материальная, так и духовная культура прошлого, и нередко случаи, когда погребальный инвентарь дает более полное и яркое представление о носителях ушедшей в историю культуры, чем надгробные надписи и монументы. К числу таких красноречивых серий вещественных памятников принадлежит и инвентарь нетронутых погребений Артюховского кургана.

По своему составу наборы предметов, найденные в каждой из трех нетронутых могил, мало отличаются друг от друга. Правда, погребение III значительно беднее двух других по числу найденных там золотых и серебряных вещей, но это различие количественное, а не качественное. Во всех трех гробницах (иногда в двух) были обнаружены идентичные вещи как среди украшений, так и среди предметов обихода. Это свидетельствует не только о приблизительной одновременности погребений, но и о принадлежности погребенных к одному социальному слою населения.

Количество найденных при мужских костяках предметов сравнительно невелико и намного уступает имуществу погребенных в гробницах II и III женщин.

Голову мужчины из гробницы III украшал золотой венок (Арт. 122), на его палец был надет железный перстень с железной же вставкой (Арт. 128); в нише у его головы лежали обрывки тонкого листового золота—остатки какого-то ислевшего предмета, может быть, головного убора; при костяке были найдены еще железный стригиль (Арт. 126) и железный нож (Арт. 127); рядом стояли две вазы (Арт. 123, 124) и крышка леканы с орехами (Арт. 125).

Состав предметов при мужчине из захоронения II несколько богаче. Голова его также была увенчана золотым венком (Арт. 81); на груди лежал статер Перисада (Арт. 82), у пояса—золотая бляха-застежка (Арт. 83); на левой руке—золотой перстень с железной вставкой; справа от костяка находились 4 серебряные трубочки неизвестного назначения

⁵¹ Ганина О. Д. О женских захоронениях в парных погребениях скифского времени.— ЗООИД, 1960, т. 1 (34), с. 96—104. Изучив 27 курганных погребений VI—IV вв. до н. э. с парными захоронениями, автор пришел к выводу, что, может быть, только в двух из них были погребены на равноправных началах муж и жена. Эти два захоронения, впрочем, тоже во многом отличаются от артюховских.

⁵² Цветаева Г. А. Курганный некрополь Пантикапея.— МИА, 1957, № 56, с. 227—250.

⁵³ Цветаева Г. А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав.— МИА, 1951, № 19, с. 63—86;

Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов. ... ИОСРБ, II, № 68, 105.

⁵⁴ ОАК за 1894 г. Спб., 1896, с. 44.

⁵⁵ Саверкина И. И. Мраморный саркофаг из Мирмекия.— ТГЭ. Л., 1962, т. 7, с. 247, рис. 1.

⁵⁷ Кобылина М. М. Скульптура Востора.— МИА, 1951, № 19, с. 176, рис. 3.

(Арт. 85), а в преддверии склепа, на стороне мужского костяка,—два железных стригиля (Арт. 99, 100), серебряная пряжка (Арт. 98) и три простых глиняных сосуда (Арт. 95, 96, 97).

Привлекает внимание полное отсутствие среди этих вещей какого бы то ни было оружия. Нет здесь и знаков власти и регалий. Золотые венки, специально изготовленные для похорон, что явствует из их фактуры, по греческому обычаю, символизируют героизацию покойного; вместе с другими золотыми украшениями они также свидетельствуют о его богатстве. К сожалению, не сохранилось никаких остатков одежды, если не считать двух пряжек при костяке в склепе II. Круглая застежка—медальон (Арт. 83) греческого образца, может быть, скальвала плащ; серебряная пряжка сарматского типа (Арт. 98) украшала ременной пояс. Однако она была найдена не на костяке, а в преддверии склепа, вместе со стригилем покойного и, следовательно, ее едва ли можно с полной уверенностью считать частью погребального одеяния. Личные вещи, таким образом, не дают прямых указаний на общественное положение, которое занимали их владельцы при жизни, однако все же определенным образом характеризуют последних. Ясно, что захороненные происходили из состоятельных слоев местного населения и по греческому обычаю они охарактеризованы как идеальные палестриты, т. е. мужи, воспитавшие в себе силу и доблесть и увенчанные за это золотыми венками героев.

Более богатую картину дают наборы предметов, принадлежавшие женщинам⁵⁸. Так же как и в мужских погребениях, состав и номенклатура этих наборов по отдельным гробницам мало отличаются друг от друга. И здесь опять-таки бросается в глаза относительная бедность имущества женщины в гробнице III.

Наиболее богатый набор предметов был найден при женщине, похороненной в склепе II. Голова ее была увенчана золотым венком (Арт. 37); на лбу лежал золотой начельник (Арт. 38); золотая булавка с кисточками (Арт. 39), вероятно, украшала прическу; на голове был обнаружен и статер Лисимаха (Арт. 41); в ушах—роскошные золотые серьги с подвесками в виде голубей (Арт. 40); на шее—золотая гривна (Арт. 42) и несколько (вероятно, шесть) ожерелий из золотых и разноцветных каменных и стеклянных бус и пронизок (Арт. 43—45, 73)⁵⁹. На груди лежали золотой медальон с рельефным изображением Афродиты и Эроса (Арт. 46) и круглые золотые бляшки (Арт. 47, 60); руки были обвиты двумя парами золотых браслетов (Арт. 48—51); на левой руке оказалось пять (Арт. 52—56), на правой—два золотых перстня (Арт. 57, 58). Вдоль всего костяка лежали золотые нити (Арт. 59),—вероятно, остатки золототканной материи от одежды или покрывала. На полу были расставлены серебряный сервиз из семи предметов (Арт. 61—64, 66—68), серебряная пиксида и ложечка (Арт. 65, 69), два серебряных веретена (Арт. 70, 71) и серебряная палочка неизвестного назначения (Арт. 72). В ногах помещались большое бронзовое зеркало художественной работы (Арт. 75), бронзовый светильник (Арт. 76), бронзовый амулет в виде ладанки (Арт. 77), обрывок кожаной плетенки (Арт. 80), небольшая пластинка овальной формы (Арт. 74) и две глиняные вазы (Арт. 78, 79). В преддверии со стороны женского костяка нашли еще семь глиняных сосудов (Арт. 86—92), бронзовую позолоченную чашу (Арт. 93) и бронзовую ухвертку (Арт. 94).

Список предметов, происходящих из одиночного женского погребения I⁶⁰, во многом совпадает с составом только что описанного инвентаря гробницы II. Здесь также было много (вероятно, шесть) ожерелий (Арт. 3—6, 24, 25), золотая гривна (Арт. 2), булавка с кисточкой (Арт. 7), золотой медальон с изображением Афродиты и Эроса (Арт. 8), четыре такие же круглые золотые бляшки, как в захоронении II (Арт. 16), пара серег с подвесками в виде эротов (Арт. 10), пара эмвидных браслетов (Арт. 11, 12) и три золотых перстня (Арт. 13—15). В отличие от захоро-

⁵⁸ Интересно отметить, что в парных погребениях II и III количество вещей из личного имущества женщин более чем в четыре раза превышает число вещей, приданных мужчинам — 42 : 9 — в гробнице II и 17 : 4 — в гробнице III. Так как более ранних парных погребений на Тамани не найдено, трудно проверить, является ли такой значительный количественный перевес инвентаря при женских костяках постоянным явлением в данном районе Северного Причерноморья. Может быть (мы говорим об этом в сутобо осторожной форме), здесь сказываются пережитки матриархата, согласно греческим авторам, чрезвычайно живучие у племен этих мест. О том же может быть, свидетельствует и факт находки золотых гривен — знаков высокого социального

происхождения — на шеях женщин, а не мужчин.

⁵⁹ Количество ожерелий не поддается точному определению, так как часть бус и пронизок была найдена рассыпанной по полу гробницы.

⁶⁰ Многие мелкие украшения были найдены в разных местах гробницы, что объясняется «хозяйничанием» сусликов.

нения II голова женщины в захоронении I не была увенчана золотым венком, вместо этого ее украшала усыпанная гранатами золотая диадема (Арт. 1). В гробнице оказалась еще одна золотая серьга (Арт. 9). Набор серебряных вазочек состоял из трех предметов (Арт. 17, 18, 21); серебряные пиксида (Арт. 19) и флакон (Арт. 20) представляли собой туалетные принадлежности; были здесь и серебряное веретено (Арт. 23) и две серебряные трубочки неизвестного назначения (Арт. 22), а также бронзовое зеркало художественной работы (Арт. 26). За особой перегородкой стояли в гробнице две шкатулки, от которых сохранились лишь костяные шарниры (Арт. 35) и фрагменты железных ключей (Арт. 36); здесь же лежали ныне утраченные части медного замка и восемь глиняных сосудов.

Имущество женщины в захоронении III было значительно скромнее. На голове—золотой венок (Арт. 101), на шее—одно золотое (Арт. 102) и два или три ожерелья из каменных и стеклянных бус (Арт. 108, 109), в ушах—золотые серьги (Арт. 103), на пальцах—золотой (Арт. 105) и железный (Арт. 110) перстни. В погребении найдены серебряная (Арт. 107), бронзовая (Арт. 112) и алебастровая (Арт. 117) вазочки, простенькое бронзовое зеркало (Арт. 111), бронзовая ухвертка (Арт. 118), три бронзовых кольца неизвестного назначения (Арт. 119), части костяного веретена (Арт. 120), раковина с остатками румян (Арт. 121) и четыре глиняных сосуда. Кроме того, на гвозде, вбитом в стену, висела меховая повязка, а в стенной нише на стороне женщины стояла еще одна серебряная вазочка (Арт. 106).

От одеяний покойниц из этих гробниц ничего не сохранилось. Судя по некоторым признакам, их убор носил смешанный, а не чисто греческий или чисто варварский характер. К оборотной стороне золотых медальонов с изображением Афродиты и Эроты, найденных на груди женщин в захоронениях I и II, припаяны в одном случае трубочки, в другом петли: Стефани предположил, что эти украшения скрепляли на груди перекрестные перевязи, которые гречанки часто носили поверх пеплоса и хитона. Следовательно, женщины носили, по всей вероятности, греческую одежду. В то же время в захоронении III, как уже указывалось, оказалась распавшаяся в момент открытия гробницы меховая повязка,—может быть, меховой воротник от накидки—принадлежность туалета, чуждая гардеробу греческой женщины. Возможно, на голову погребенной было накинуто покрывало, на что указывает форма прикрывавшего лоб начельника.

Женщины в захоронениях I и II имеют золотые гривны на шее, указывающие на их знатное происхождение. Остальные предметы (украшения из золота и цветных камней, серебряные сервизы, туалетные принадлежности из серебра и бронзы и орудия труда—серебряные и костяные веретена) характерны для почтенных матрон и примерных хозяек. Особенно показательны в этом отношении веретена, найденные во всех женских погребениях; у греков эти предметы были своего рода символом примерной супруги, хозяйки дома.

Итак, в то время как мужчины, захороненные в Артюховском кургане, охарактеризованы как идеальные палестриты, женщинам приданы черты идеальных супругов и хозяек—то и другое согласно греческим погребальным обычаям. Один этот факт уже может служить показателем высокой степени эллинизации погребенных здесь боспорцев, что подтверждается и рядом других наблюдений.

В литературе неоднократно отмечалось преобладание в Артюховском кургане греческих по своему типу вещей. Действительно, за единичными исключениями, все найденные там предметы независимо от места их изготовления—на Боспоре или за его пределами—носят греческий характер и аналогии к ним находятся во всем эллинистическом мире. Это относится как к ювелирным изделиям, так и к предметам домашней обстановки. Мы видим также, что лица, погребенные в Артюховском семейном некро-

поле, знали греческий язык и письменность, носили греческие имена и не были чужды греческой литературе и искусству того времени.

Женщина, погребенная в склепе II, носила на пальце левой руки золотой перстень тонкой работы (Арт. 53), на котором выведена золотыми буквами греческая надпись 'Εστίατος Μαρμίας—Гестией Маммии [подарил]. Это типичная дарственная надпись, и едва ли можно сомневаться, учитывая подчеркнута супружеский характер погребения, что обладательница перстня и была той Маммией, которую называет надпись, а покоящийся рядом с ней супруг был Гестиеем—дарителем этого украшения.

Многие предметы, находившиеся в гробницах Артюховского кургана, украшены рельефными изображениями. Почти все их сюжеты и образы заимствованы из греческой мифологии. Так, на золотом перстне (Арт. 105) вырезана фигура Геракла; камня, вставленного в другой перстень (Арт. 55), передает эпизод из созданной в эпоху эллинизма сказки об Амуре и Психее; на двух золотых медальонах (Арт. 8, 46) представлена группа Афродиты и Эроса; центральное место на золотой диадеме (Арт. I) занимает миниатюрная группа—орел, уносящий на Олимп Ганимеда; бронзовая обкладка погребального ложа (Арт. 129) украшена двумя медальонами с бюстами юношей, может быть, вакхических персонажей, и тремя фигурами, заимствованными из популярной в эпоху эллинизма композиции. Она представляет Гермафродита, дремлющего в тени густого дерева в окружении эротов, которые игрой на музыкальных инструментах навешивают на него сладкие грезы. Оригинал этой композиции, известной нам по многочисленным античным повторениям, была, вероятно, какая-то знаменитая картина в духе эллинистической буколической поэзии. Крышка большого бронзового зеркала (Арт. 75) украшена рельефной группой, изображающей борьбу Сциллы с товарищем Одиссея. Это единственный сюжет, связанный с гомеровской тематикой, но и он передан здесь в совершенно новой, негомеровской трактовке. Шестизевное двенадцатирукое чудовище Гомера⁶¹ превратилось в грозную, но прекрасную морскую деву, вступившую в единоборство с нарушителем покоя водной стихии. Как показывает тщательный анализ зеркала, произведенный З. А. Билимович⁶², этот рельеф первоначально украшал какой-то другой предмет и, надо думать, после гибели последнего, был перенесен на зеркало. Это греческое художественное изделие, видимо, представляло собой тщательно оберегаемую семейную драгоценность, переходившую из поколения в поколение до того, как оно было погребено в Артюховском кургане вместе со своей последней обладательницей.

Нельзя не заметить еще одной особенности художественных изделий из Артюховского кургана. Среди них нет предметов с сюжетами из местных легенд и мифов или отражающими местный быт, столь обычными для произведений греческих мастеров, работавших для местной знати более старых поколений. К середине II в. до н. э. эти сюжеты в той же общественной среде, видимо, стали значительно менее популярны, что частично объясняется возникшим интересом к произведениям современного греческого искусства с его мифологической тематикой—черта, весьма показательная для эволюции духовной культуры социальной среды в изучаемый исторический период.

Высокая степень приобщения социальной верхушки Тамани середины II в. до н. э. к эллинистической культуре выявляется из только что изложенного достаточно ясно. Однако этот факт не дает нам, конечно, права говорить о полной эллинизации этих слоев населения Боспора. Освоение некоторых греческих обычаев и взглядов и насыщение быта изделиями греческого художественного ремесла не может скрыть и других элементов, из которых складывается культурный облик боспорцев,—элементов, частично сосуществующих с греческими заимствованиями, а частично с ними сливающихся.

»», *Ном Од*, XII 73

⁶² Билимович З.Л.
Зеркало из
Артюховского кургана.—
ТГЭ. л., 1962, т. 7, с. 133.

Мы имеем в виду, во-первых, пока еще слабые признаки сарматских влияний и затем (и главным образом) коренные местные традиции, властно пробивающиеся сквозь густую пелену чужеземных заимствований.

Мы уже упоминали серебряную пряжку сарматского типа, найденную рядом со стригилем в преддверии склепа II и, следовательно, принадлежавшую, надо полагать, похороненному там боспорцу. Эта пряжка является боспорским вариантом поясной пряжки в виде уложенной горизонтально восьмерки. Подобные украшения характерны для раннесарматской культуры Нижнего Поволжья и заволжских степей⁶³. Отсюда во второй половине II в. до н. э. они проникли в Северное Причерноморье, где и подверглись некоторой эллинизации, удержав, однако, основные черты первоначального типа. К тому же культурному кругу, судя по массовым находкам таких же изделий в сарматских погребениях Дакии, следует отнести браслеты из крученого четырехгранного дрота (Арт. 50/51), а может быть, и исполненную в той же технике золотую гривну (Арт. 2), найденную на женском костяке погребения I. В той же гробнице оказались несколько крупных сферических бус из голубого халцедона, аналогии которым в большом числе встречаются также в сарматских погребениях Дакии. Эти немногие предметы являются как бы провозвестниками сарматизации боспорской культуры, принявшей столь широкие размеры в последующее время.

Отличен по своим типам и фактуре от изделий греческого художественного ремесла и связан с местными обычаями и местным производством еще ряд предметов из погребений Артюховского кургана. Это уже упоминавшаяся меховая повязка, золотая иранского типа гривна (Арт. 2), может быть, начельник (Арт. 38), золотые и железные перстни с железными вставками (Арт. 56, 84, 110, 128) и наборы примитивных по технике исполнения золотых бляшек (Арт. 16, 47, 104). К разряду местных предметов принадлежит и простенькое бронзовое зеркальце (Арт. 111), какие часто встречаются в рядовых погребениях Прикубанья. Все эти предметы, хотя и немногочисленные, показывают приверженность боспорцев к местным обычаям, несмотря на мощное воздействие эллинской культуры.

Но особенно сильно местные традиции сказываются не в предпочтении этих немногих предметов, связанных с местным бытом, а в сохранении, хотя и в несколько измененном виде, унаследованных от предков погребальных обычаев и обрядов, о чем мы уже говорили выше. К ярким проявлениям местного культурного уклада и местной идеологии принадлежат также два явления, которые привлекают к себе внимание при изучении инвентаря гробниц Артюховского кургана.

Во-первых, обилие золотых украшений у погребенных здесь представительниц таманской знати.

Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что погребальный убор женщин из захоронения II был такой же, как праздничный наряд, в котором она появлялась в торжественных случаях при жизни. Аналогии этому мы найдем не в Греции, а в странах Востока. Например, надгробные рельефы Пальмиры, особенно те, которые относятся к периоду процветания этого торгового города—второй половине II в. н. э., показывают, что количество драгоценностей пальмирских женщин может поспорить с убранством погребенных в Артюховском кургане⁶⁴. Жительница Пальмиры по имени Хаббе⁶⁵ имеет узорчатый начельник⁶⁶, медальон-застежку, браслет, серьги, четыре искусно подобранных ожерелья, из которых одно, видимо, состоит из бус, а три из золота со вставками из цветных камней. У женщины по имени Салмат две золотые диадемы с медальоном и подвесками, серьги, семь разнообразных наборных ожерелий, браслеты, перстни. Маккей, автор статьи о ювелирных изделиях Пальмиры, указывает, что обычай украшать себя таким количеством драгоценностей известен также по памятникам Кипра VI в. до н. э. и Индии II—I вв. до н. э.⁶⁷ Великолепной

⁶³ Мошкова М. Г. Раннесарматские бронзовые пряжки.— МИА, 1960, № 78, с. 299.

⁶⁴ См.: Mackay D. *The Jewellery of Palmyra and Its Significance*.— "Iraq", 1949, vol. 11, part 2, p. 160—187.

⁶⁵ Mackay D. *Op. cit.*, pl. LII, 2.

⁶⁶ Маккей считает его матерчатым.

⁶⁷ Mackay D. *Op. cit.*, p. 170.

иллюстрацией к этому восточному обычаю могут служить и женские погребения многих боспорских курганов, в том числе и Артюховского.

Вторая явно неэллинская черта, характерная для упомянутых погребений,—немногочисленность предметов, связанных с официальными культурами Боспора. К ним относятся только два золотых медальона (Арт. 8, 46) и, может быть, серебряная пряжка сарматского типа (Арт. 98). На медальонах изображена группа Афродиты и Эрота. Этот сюжет имел на Боспоре чрезвычайно широкое распространение и, по мнению многих исследователей, связан с образом местной богини плодородия Афродиты Апатуры, храм которой находился на Тамани. Женская фигурка на серебряной пряжке (Арт. 98), к сожалению, плохо сохранилась. Однако ее поза и очертания заставляют вспомнить образ местного женского божества, знакомого нам по пластинкам из Карагодеуашха и Мерджан и ряду других памятников Боспора.

Что касается памятников с изображением греческих мифологических персонажей, о которых мы говорили выше, то вряд ли они имели какое-либо отношение к культуре. Они свидетельствуют не о приобщении местного населения к почитанию греческих богов, а об интересе к занимательным греческим мифам, в которых боспорцы, впрочем, если судить по искажениям, допущенным в передаче мифа о Ганимеди на диадеме (Арт. 1), не всегда хорошо разбирались.

Но если официальные культы Боспора в инвентаре погребений Артюховского кургана нашли лишь слабое отражение, то тем более бросается в глаза чрезвычайно обилие представленных в этом кургане всякого рода амулетов и талисманов, предназначенных для спасения людей от подстерегающих их на каждом шагу таинственных и злых сил. И не только количество, но и состав подобных предметов свидетельствует о необычном даже для древнего мира распространении в этой общественной среде всевозможных суеверий—остатков анимизма; наряду с местными и распространенными на Боспоре греческими оберегами здесь встречаются амулеты, завезенные из заморских стран, из далекого Египта.

Особенно популярен здесь, как и во всем эллинистическом мире, так называемый гераклов узел, которому приписывалась чудодейственная целительная сила⁶⁸. Он украшает головные уборы, перстни, ожерелья, его форма придана ручкам серебряных вазочек (Арт. 61, 106) и бронзовой лампы (Арт. 76). Около женщины из захоронения II обнаружен талисман распространенного во всем греческом мире типа, хорошо известного и на Боспоре,—ладанка (в данном случае бронзовая, в виде небольшой трубочки), предназначенная служить футляром для скатанной тонкой металлической пластинки или кусочка материи с наговорами и заклинаниями.

На шее у женщины захоронения I оказалось ожерелье из разноцветных стеклянных бус и десяти подвесок-амулетов из так называемого египетского фаянса (Арт. 24). Подобные ожерелья с подвешенными к ним амулетами известны и по другим боспорским находкам, но здесь особенно любопытен смешанный набор подвесок, состоящий из оберегов, хорошо известных на Боспоре, и оберегов, очень редко там встречающихся или вовсе ему чуждых; к первым принадлежат лунница и рука с пальцами, сложенными в кукиш, а также птичка, ко вторым—апотропей в виде головы негра и пять экземпляров египетского амулета в виде сердца.

Кроме этих знакомых всему эллинистическому миру амулетов, в Артюховском кургане найдены обереги, имевшие хождение только в местной среде и, видимо, порожденные какими-то местными суевериями. Это золотые и железные перстни со вставками в виде куса необработанного железа. В других областях античного мира такие украшения, насколько нам известно, не встречаются, а в Артюховском кургане четверо из пяти погребенных в нетронутых могилах имели по такому перстню. Из приведенных в нашем каталоге аналогий видно, что подобные предметы не являются

⁶⁸ Plin. N. H., XXVIII, 63.

редкостью в богатых погребениях Тамани. Видимо, в местных суевериях какую-то роль играло железо и вера в его чудодейственную силу.

К числу амулетов следует также отнести круглые золотые бляшки, которые найдены около каждой из трех погребенных в Артюховском кургане женщин. Наборы из четырех или трех подобных бляшек, очень сходных между собой и чрезвычайно примитивных как по технике выполнения, так и по рисунку, выглядят очень странно среди тончайших изделий греческого ювелирного искусства, составляющих погребальный убор покойниц. Присутствие их здесь предполагает, надо думать, какое-то особое, не только декоративное их назначение, и здесь опять-таки приходится вспомнить о склонности к талисманам.

Амулеты, талисманы, магические заклинания и наговоры—все эти проявления веры в демонические, непонятные для человека силы природы—занимали видное место в быту всех народов древнего мира. И все же наблюдаемая в погребениях Артюховского кургана особая склонность к самозащите от враждебных влияний не совсем обычна, и ее следует отметить, тем более, что речь здесь идет, по-видимому, о прочной местной традиции. Именно в богатых мужских и женских погребениях Тамани и соседних с ней областей неоднократно были встречены наборы оберегов, иногда весьма причудливых по своему виду. Вспомним, например, IV Семибратний курган, в главном погребении которого при костяке мужчины оказалось восемь амулетов, вероятно, носившихся на шее в виде ожерелья. Среди них были звериный зуб, личинки кузнечика, цилиндрики и сердолик грушевидной формы в золотой оправе⁶⁹. Из Большой Близницы происходит женское ожерелье из пронизок в виде гераклова узла вперемешку с амулетами в форме головы Горгоны, маски сатира, головы негра, лягушки, цикады, головы барана и астрагала⁷⁰; во впускном погребении Зеленского кургана оказалось четыре пары амулетов (два цилиндрика и два звериных зуба, две звериные лапы из коралла и два сердоликовых шарика)⁷¹, из которых составлялось ожерелье погребенного там воина; в женской гробнице кургана Марьевской станицы найдено четыре шарика-амулета из янтаря и фигурка египетского бога врачевания Имхотепа⁷². Количество подобных находок можно было бы без труда умножить. Таким образом, наличие оберегов в погребальном инвентаре Артюховского кургана не представляет собой исключения. Обычай ограждать себя с помощью амулетов от всяких напастей был боспорцами унаследован от прежних поколений, и греческая образованность ни в какой мере не освободила их от старых суеверий и предрассудков.

Итак, изучение погребального инвентаря гробниц Артюховского кургана вносит ряд новых черт в ту характеристику культуры высшего слоя населения Тамани, которая уже начала вырисовываться в результате анализа погребальных обрядов и погребальных сооружений этого семейного некрополя. Ясно, что уровень социально-экономического и культурного развития высшего слоя населения азиатской части Боспора не тот, что известен нам по курганным погребениям той же области конца IV и первой половины III в. до н. э.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Артюховский курган — яркий памятник культуры местной знати Таманского полуострова накануне восстания Савмака

Артюховский курган по обилию найденных в нем золотых и серебряных изделий занимает видное место среди курганных некрополей Тамани. Семьи, которые хоронили в нем своих близких, несомненно, принадле-

⁶⁹ ОАК за 1877 г. СПб., 1880, табл. II, с. 11, 27.

⁷⁰ ОАК за 1869 г. СПб., 1871, табл. I, 15, с. 128.

⁷¹ ИАК, 1916, вып. 60, с. 26. См. также: Максимова М. И. Амулет из Горгишпий. СА, 1962, № 2, с. 226.
⁷² ИАК, 1913, вып. 49, с. 128—132.

жали к весьма состоятельному слою местного населения, что подтверждается и монументальностью гробниц и размерами курганной насыпи. Однако сравнение нашего комплекса с такими гигантскими и великолепными погребальными сооружениями, как Большая Близница или Васюринская гора, предостерегает нас от причисления Артюховского кургана к усыпальницам местных вождей или князьков, тем более, что в его могилах, если не считать двух золотых гривен женщин в I и II захоронениях, указывающих, вероятно, только на благородное происхождение последних, не оказалось никаких знаков власти. Принимая во внимание местоположение описываемого кургана в длинной цепи больших и малых курганов, тянувшейся на 2,5 км к северо-востоку от Таманского залива, можно думать, что Артюховский курган, скорее всего, был усыпальницей крупных землевладельцев, вероятно, так или иначе связанных с близлежащим городом Кепы⁷³. В таком случае наш погребальный комплекс не может считаться исключительным для Тамани явлением. Он типичен для состоятельного слоя местного населения этой области на определенном отрезке времени, и это еще более увеличивает его ценность как исторического памятника.

Как показывает анализ найденных в нем изделий, Артюховский курган следует отнести к середине II в. до н. э. или к немного более позднему времени, т. е. к тому периоду, когда, по мнению многих исследователей, Боспорское царство переживало полосу экономического и политического упадка⁷⁴. Бросающееся в глаза богатство погребального инвентаря кургана и его глубоко мирный характер как будто не согласуются с такой характеристикой общего положения боспора в указанный период. Однако следует вспомнить замечания многих ученых, обращавших внимание на то обстоятельство, что упадок коснулся, видимо, лишь европейской части Боспора; на Тамани же, наоборот, судя по ряду конкретных наблюдений, можно отметить в это время известный экономический подъем. В связи с этим высказывались даже предположения об отделении в это время азиатской части Боспора от его западных владений⁷⁵. Характерные для Артюховского кургана черты—изобилие драгоценностей и полное отсутствие оружия—не противоречат, таким образом, тому представлению, которое складывается у нас о положении Тамани накануне бурных событий конца II в. до н. э., и весь комплекс в целом может служить веским аргументом в пользу отмеченных выше наблюдений.

Поскольку Артюховский курган является погребальным комплексом, типичным для определенного слоя населения Тамани, то в нем должны обнаружиться черты, унаследованные от семейных некрополей предшествовавших поколений той же этнической среды. И действительно, между богатыми подкурганными погребениями Тамани конца IV и первой половины III в. до н. э. — такими, как Большая и Малая Близница, Зеленский курган, расписной склеп Васюринской горы—и Артюховским курганом существует преемственная связь, выражающаяся как в форме погребальных сооружений и в погребальных обычаях и обрядах, так и в наборе и составе приданного покойникам имущества. Но именно потому, что Артюховский курган позволяет судить о верности местным традициям, особенно знаменательны те проявления новых веяний, которые сказываются в нем очень ясно и свидетельствуют о принадлежности памятника к иному периоду истории Боспора, нежели вышеназванные курганы.

Прежде всего здесь следует отметить дальнейшее расширение и углубление влияния эллинской культуры. Не говоря уже о том, что весь инвентарь погребений кургана, за немногими исключениями, состоит из греческих вещей и среди художественных памятников доминируют произведения современного греческого искусства, а не местные сюжеты в греческой трактовке, как это было раньше, показательны те сдвиги, которые наблюдаются в погребальном ритуале. Они свидетельствуют об отмирании

⁷³ См.: Соколовский Н. И. Кепы.— В кн.: Антический город. М., 1963, с. 97, сл. и указанную там литературу.

⁷⁴ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.—Л., 1949, с. 298.

⁷⁵ Жебелев С. А. Основные линии экономического развития Боспорского государства.— В кн.: Северное Причерноморье. М.—Л., 1953; с. 149, сл., 3 о г р а ф А. Н. Античные монеты. . . , с. 181; К о б ы л и н а М. М. Фанагория.— МИА, 1956, № 57, с. 33.

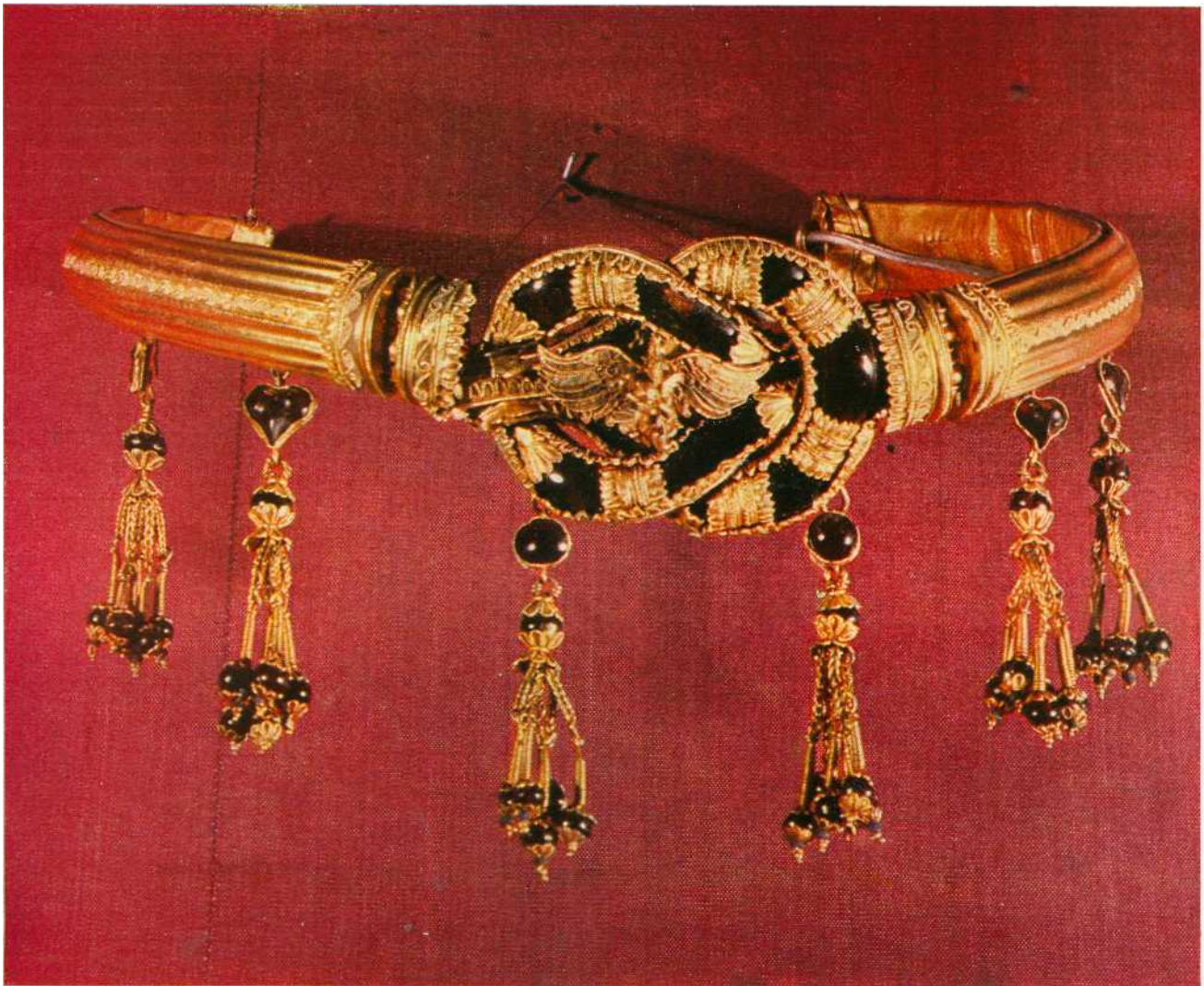
прежних эсхатологических представлений—веры в продолжение жизни умерших в местах их погребений — и о постепенном проникновении в эту местную среду новых идей, воспринятых из эллинского мира. О том же, т. е. о совмещении в Артюховском кургане старых и новых течений, говорит и анализ типов многих предметов, входивших в состав инвентаря погребений. В то время как некоторые ювелирные изделия и произведения торевтики по своим формам тяготеют к прошлому, другие целиком принадлежат к типам предметов, ставших особенно популярными в I в. до н. э. и в последующие времена. Все это, вместе взятое, свидетельствует о том, что боспорское общество середины II в. до п. э. вступило на путь слияния местных и эллинских культурных элементов.

Крупную роль в этом процессе взаимного проникновения двух первоначально чуждых друг другу культурных элементов сыграл, как известно, третий элемент—культура новых соседей Боспора—сарматов. Признаки сарматизации в Артюховском кургане еще слабы, но они бесспорны, и этот факт особенно ясно показывает, какое место надлежит отвести нашему памятнику в ряду таманских курганов.

Артюховский курган отражает начальный этап переходного периода в истории Боспора. В нем еще сильны отзвуки высокого расцвета Боспорского царства в III в. до н. э., но наряду с этим прослеживается зарождение новых форм культуры и быта—тех форм, которые стали определяющими для эпохи второго расцвета Боспора в первые века нашей эры. Именно в этом и заключается крупное значение Артюховского кургана как исторического памятника.

Золотая диадема

Арт. 1

Золотой начельник
Золотые булавки

Арт. 38

Арт. 7 и 39

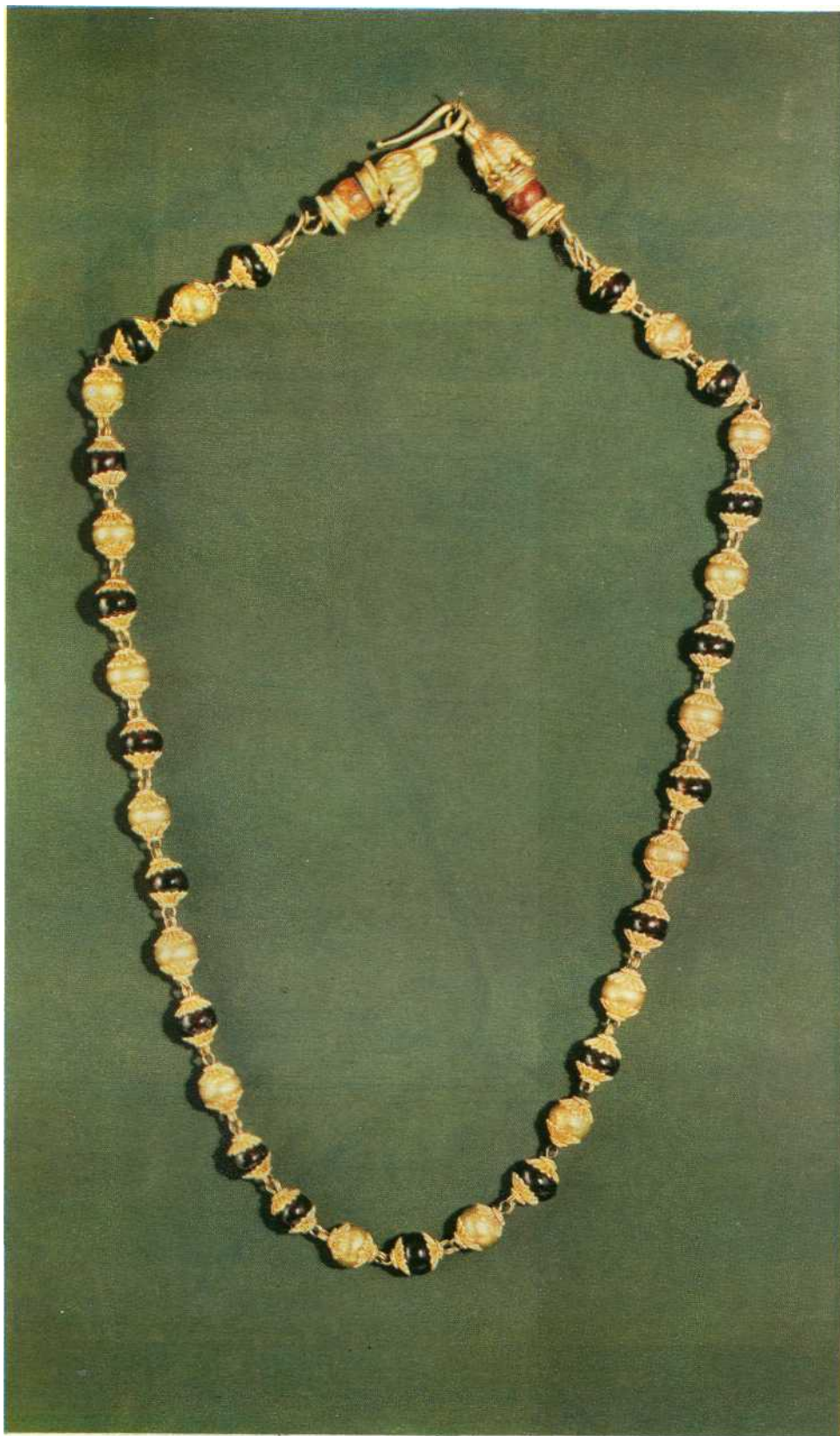
Золотые серьги

Арт. 40

Ожерелье из золотых
и гранатовых бус

Арт. 5

Золотое ожерелье
Перстень с халцедоном
Перстень с камеей

Арт. 6

Арт. 52
Арт. 55

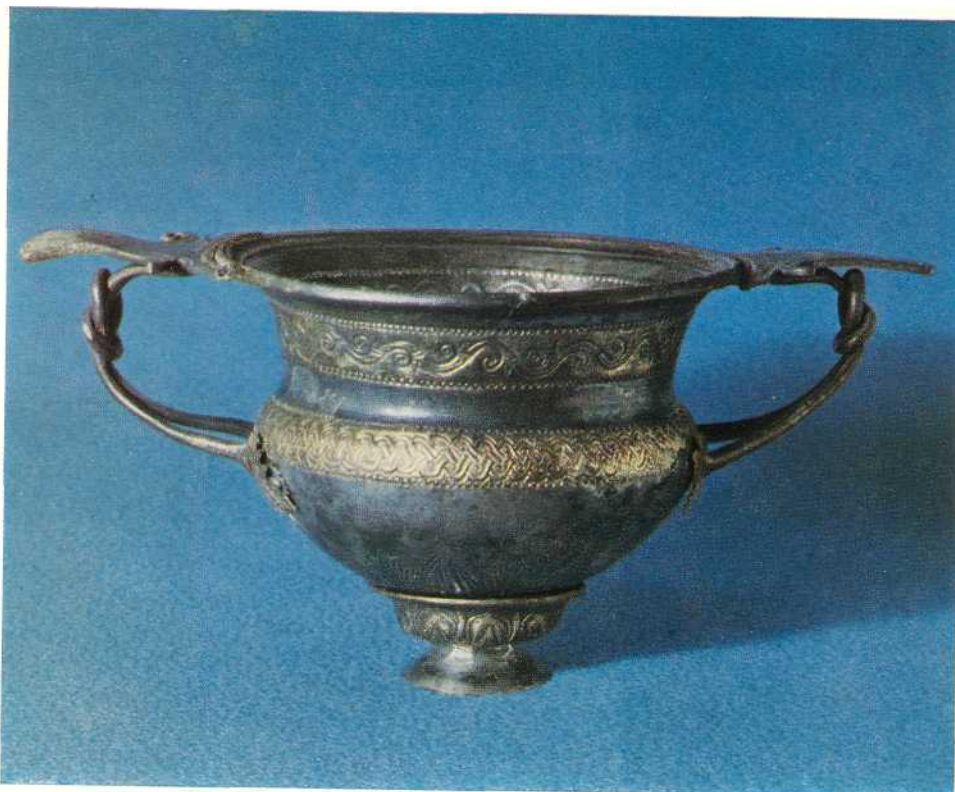
Низка золотых бус,
пронизок и аграфов

Арт. 44

Серебряный канфар
Бронзовое зеркало
с изображением Сциллы

Арт. 106

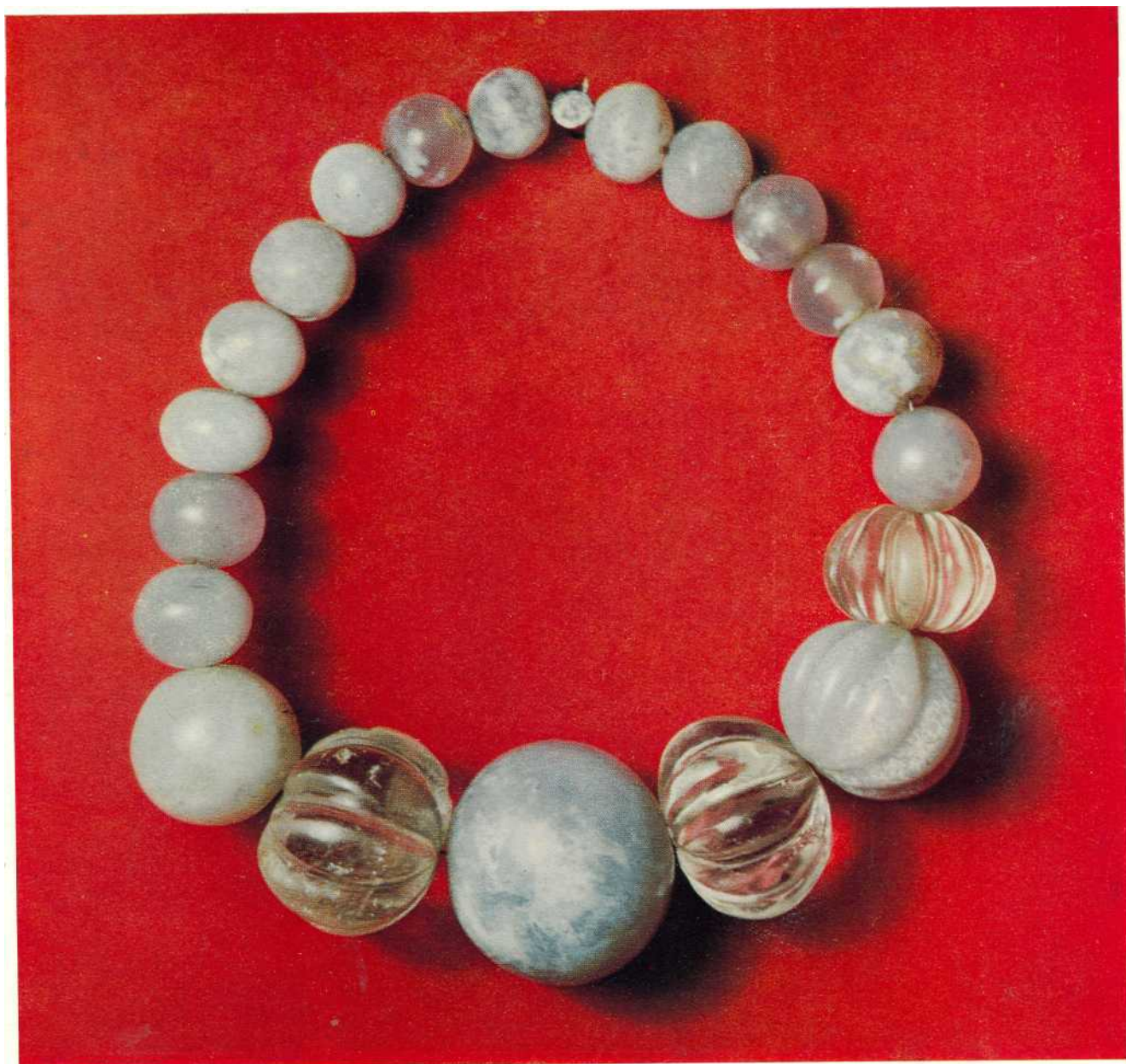

Арт. 75

Низка бус
из голубого халцедона
и горного хрусталя

Арт. 25

Описание и исследование памятников, происходящих из трех нетронутых погребений Артюховского кургана

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЗОЛОТА

По ряду причин датировка золотых украшений представляет большие трудности. Во-первых, типы золотых украшений эволюционировали гораздо медленнее, чем, предположим, керамика. Во-вторых, в качестве семейных драгоценностей они часто передавались из поколения в поколение. И наконец, надо иметь в виду, что большая часть памятников, на которых строятся наши представления о путях развития ювелирного искусства, не имеет паспортизации и попала в музеи путем покупки. Дата изготовления этих предметов определяется при помощи стилистического анализа и сравнения с довольно немногочисленными ювелирными изделиями, происходящими из датированных комплексов. Северное Причерноморье находится в этом отношении в особо благоприятных условиях, так как был открыт ряд богатых золотом погребений, дата которых может быть определена довольно точно, и это дает исследователю надежные опорные пункты для восстановления истории отдельных типов украшений и их художественного стиля. Далеко не все возможности, предоставляемые в этом отношении боспорским материалом, использованы наукой; однако и сейчас в трудах как отечественных, так и зарубежных, посвященных ювелирным изделиям эпохи эллинизма, можно найти немало ссылок на предметы боспорского происхождения, привлекаемые для датировки памятников, найденных в других областях. Особенно часто в такой связи упоминается Артюховский курган. Датировка кургана серединой III в. до последнего времени не вызвала сомнений. Теперь же, когда дата его существенно изменилась, все выводы, основанные на таких сопоставлениях, нуждаются в пересмотре. Прежде всего необходимо выяснить, какое место занимают золотые изделия Артюховского кургана среди родственных им памятников раннего и позднего эллинизма и тем самым проверить на этом материале правильность новой датировки Артюховского кургана.

В своих трудах, посвященных Северному Причерноморью, М. И. Ростовцев неоднократно обращался к вопросу о дате Артюховского кургана⁷⁶. В своих высказываниях он всегда подчеркивал близкое сходство, почти тождество, якобы существующее между находками в комплексах раннего эллинизма (и, в частности, в погребениях у Карантинного шоссе близ Керчи) и памятниками, происходящими из Артюховского кургана. Если бы такое сходство действительно существовало, то оно явилось бы убедительным аргументом против датировки кургана серединой II в. до и. э., так как большая часть погребений у Карантинного шоссе принадлежит к началу первой половины III в. до н. э., на что указывают найденные там прижизненные статоры Лисимаха и керамика ранних групп так называемого стиля «западного склона»⁷⁷. Однако столь тесное сближение Артюховского кургана с группой погребений у Карантинного шоссе неоправданно. Ростовцев, видимо, обосновывал свои выводы совпадением

⁷⁶ С.А., 1960, № 3, с. 47.

⁷⁷ Книпович. К вопросу, с. 271—284.

форм отдельных предметов, а не сличением комплексов в целом. Между тем, когда речь идет об изделиях из драгоценных металлов, отдельные случаи совпадений, как мы уже говорили, мало показательны.

Можно назвать несколько очень сходных между собой предметов, происходящих из той и другой серии золотых украшений. Это браслеты в виде свернувшейся змеи Арт. 11, 12 и 48, 49⁷⁸; серьги Арт. 10 и ЮЗ⁷⁹; булавки Арт. 7 и 39⁸⁰; перстни Арт. 52 и 57⁸¹; несколько видов золотых бус и подвесок⁸².

Все перечисленные изделия, действительно, однотипны, но этот факт не может скрыть глубоких расхождений, существующих между сопоставляемыми сериями украшений.

Прежде всего, внимательное изучение украшений обнаруживает их известную эволюцию. Так, булавки с кисточками Арт. 7 и 39 гораздо больше по размерам, чем их более ранние аналогии, а их орнаментация несравненно богаче. То же можно сказать и о названных выше перстнях и серьгах. Особенно показательна эволюция форм погребальных венков. Как было установлено еще Стефани⁸³, на протяжении последних веков до нашей эры боспорские золотые венки, имитирующие растительные ветки, постепенно эволюционируют в сторону схематизации и в I в. до н. э. превращаются в простые золотые обручи или ленты, орнаментированные растительными мотивами. На венках Артюховского кургана эта эволюция явственно сказывается: листва венков уже довольно бедная, хотя еще и сохраняет реалистический характер.

Большое значение для установления разновременности сопоставляемых комплексов имеют наблюдаемые здесь случаи не эволюции, а полной смены форм—случаи, свидетельствующие об изменении вкусов потребителей и возникновении в связи с этим новых типов украшений. Так, можно заметить, что в комплексах у Карантинного шоссе встречаются украшения, по своим формам и технике исполнения тесно связанные с традициями IV в. до н. э., тогда как в Артюховском кургане украшения таких типов полностью отсутствуют. И в то же время в наборах золота из Артюховского кургана появляются новые типы ювелирных изделий, не имеющие аналогий в комплексах раннего эллинизма, но получившие дальнейшее развитие и широкое распространение в I в. до н. э. и в первые века н. э.

Приведем несколько примеров.

В погребениях у Карантинного шоссе были найдены золотые ожерелья, состоящие из многорядной плетенки, со стрелчатыми или амфоровидными подвесками⁸⁴, весьма сходные с такими же украшениями, происходящими из погребений конца IV и начала III в.⁸⁵ Как показал на основании изучения обширного материала П. Амандри, ожерелья этого типа были в большой моде во второй половине IV и в начале III в., позже они уже не встречаются⁸⁶. Все три женщины, погребенные в Артюховском кургане, имели по несколько ожерелий, однако среди последних нет ни одного экземпляра описанного выше типа. Вместо них здесь фигурируют гонкие золотые цепочки или плетеные жгуты с фермуарами в виде золотых звериных головок на пронизках из цветного камня или из стекла⁸⁷ и ожерелья, составленные из оправленных в золото гранатовых, изумрудных, ониксовых бус и пронизок, иногда заменяемых цветным стеклом⁸⁸. Ожерелья-цепочки встречаются и в отдельных погребениях раннего эллинизма⁸⁹, но там они еще сравнительно редки, тогда как в Артюховском кургане каждая из погребенных женщин имела по ожерелью этого типа. И что особенно интересно, соединительное звено между звериной головой и цепочкой у всех ранних ожерелий данного типа—всегда удлиненный конус, сделанный из золота и украшенный филигранью, в то время как у таких же ожерелий из Артюховского кургана на этом месте находится пронизка той же формы, но из цветного камня. Ожерелий из

⁷⁸ Ср.: ЖМВД, 1839, табл. III, 8; ДБК, табл. XIV, 6.

⁷⁹ Ср. ДБК, табл. VII, 7.

⁸⁰ Ср. ЖМВД, 1839, табл. I, 3; ДБК, табл. XXIV, 6.

⁸¹ Ср. ЖМВД, 1839, табл. ДБК, табл. XVIII, 10 (Аджи-Мушкай), 11 (Катерлес).

⁸² См. ожерелья Арт. 44, 45.

⁸³ ОАФ за 1875 г. СПб., 1877, с. 16—26.

⁸⁴ ДБК, табл. IX, 1.

⁸⁵ См., например: ожерелья из Феодосии (ДБК, табл. XII, 4); из подступного склепа Херсонеса (Manzewitch A. *Ein Grabfund aus Chersones*, Leningrad, 1932, Taf. 11, 1).

⁸⁶ Амандри, *Coll. Stathatos*, текст к № 252.

⁸⁷ Арт. 3, 43, 102.

⁸⁸ Арт. 4, 5, 6.

⁸⁹ МАР, 1894, т. 13, табл. IV, 4 (Карагодеуашх); Manzewitch A. *Op. cit.*, Taf. 1, 7 (Херсонес); ИАК, 1913, вып. 47, с. 13, рис. 1 (Пантикапей); ДБК, табл. XI, 4 (Карантинное шоссе).

цветных камней и золота в погребениях у Карантинного шоссе нет, зато в период позднего эллинизма и в первые века н. э. они, как известно, находят широкое распространение.

Примерно так же обстоит дело и в отношении одного типа серег. Характерные для V и IV вв. до н. э. серьги в форме несомкнутого колечка с одним сужающимся концом и другим концом в виде человеческой или звериной головы⁹⁰ еще встречаются в погребениях у Карантинного шоссе⁹¹ и в подстенном склепе Херсонеса⁹², но в Артюховском кургане они не были обнаружены.

Очень показательны и многочисленные перстни, происходящие из тех же комплексов. Развитие форм античного перстня в период эллинизма происходило под знаком поисков путей слияния металлического перстня с каменной вставкой. До III в. до н. э. геммы носили обычно на перекидных дужках, а перстни всегда были цельнометаллическими. Поиски новой формы перстней долго не давали удовлетворительных результатов. В III в. один за другим рождались разные виды перстневых оправ для гемм, но быстро выходили из употребления из-за недостатков в их конструкции. Все перстни из погребений у Карантинного шоссе принадлежат к таким переходным типам. Тут встречаются полые, сделанные из очень плотного золотого листа перстни огромных размеров, тяжелые и чрезвычайно неудобные⁹³, либо кованные или литые золотые перстни с плоской жуковиной, на которой камень закреплялся при помощи добавочных скрепов и надставок, органически не слитых с перстнем и плохо обеспечивающих надежность креплений⁹⁴. Многие перстни Артюховского кургана тоже принадлежат к переходным типам, но здесь уже заметен известный прогресс: они сформованы из тонкого листового золота и потому много легче своих предшественников. Однако еще недостаточная для принятия камня емкость гнезда и плохая спайка золота обнаруживают неполное освоение производства перстней нового типа⁹⁵. Правда, один из этих перстней уже дает правильное решение поставленной задачи. Это полый перстень Арт. 55, сделанный из двух кусков золотого листа, хорошо спаянных друг с другом; он создает впечатление массивности, и в то же время вес его необременителен, а форма удобна. Жуковина его достаточно просторна и вмещает довольно большую камею. Этому типу перстня, не представленного среди находок в погребениях у Карантинного шоссе, суждена была долгая жизнь. Он стал господствующим в период позднего эллинизма и в течение первых веков нашей эры; он продолжает существовать и вплоть до наших дней.

В пользу разновременности сравниваемых наборов золотых украшений говорит и их художественный стиль. Развитие греческого ювелирного искусства эпохи эллинизма протекало под знаком перехода к многокрасочности, чуждой этому виду художественного ремесла классического периода. Золотых дел мастера стремились теперь не столько к изяществу форм и тонкости орнаментации, сколько к живой красочности изделий. Яркие тона цветных камней и мягкие переливы эмалей в сочетании с блеском золота создавали удивительные цветовые эффекты. Новые течения пришли к грекам с Востока, где издавна существовала склонность к украшению золота цветными камнями. Походы Александра Македонского открыли новые возможности для взаимных влияний между Востоком и Западом. Надо думать, что главная роль в создании полихромного стиля ювелирного искусства принадлежала ювелирным мастерским Сирии и, может быть, Египта. А через некоторое время новый стиль завоевал широкую популярность во всех эллинистических странах⁹⁶. Подробности этого процесса ускользают от нас прежде всего потому, что деятельность ювелиров восточных эллинистических государств нам почти неизвестна. Но что касается времени распространения полихромного стиля, то Ростовцев и позднейшие исследователи полагали, что уже в начале или в сере-

⁹⁰ Hadaczeck K. *Der Ohrrschmuck der Griechen und Etrusker*. Wien, 1903, S. 27 ff.

⁹¹ ЖМВД, 1839, табл. II, 18.

⁹² Manzewitch A. *Op. cit.*, Taf. I, 2.

⁹³ Эрмитаж, инв. П. 1838. 15—17; Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955, с. 442, табл. 5, 6; ДБК, табл. XV, № 9—15.

⁹⁴ Например, перстни: Эрмитаж, инв. П. 1838. 18—22.

⁹⁵ См. Арт. 15. 54.

⁹⁶ О зарождении и развитии полихромного стиля в ювелирном искусстве эпохи эллинизма см.: Rostovtzeff, *Ir. and Gr.*, p. 172 ff.

дине III в. до н. э. новый стиль не только распространился на западе Малой Азии, в Македонии, Греции и по Северному Причерноморью, но и достиг там полной зрелости⁹⁷. Основным аргументом в пользу быстротечности процесса вызревания нового стиля служат для названных исследователей памятники Артюховского кургана, каковые, согласно датировке Л. Стефани, они приурочивали примерно к середине III в. до н. э. В настоящее время в связи с передатировкой кургана этот аргумент потерял свою силу. Возможно, конечно, что отдельные золотые предметы из инвентаря погребений Артюховского кургана много старше захоронений, в которых они были найдены, однако взятые в целом серии этих драгоценностей должны быть отнесены ко II в. до н. э.

В самом деле, нетрудно заметить, что тенденция к многокрасочности в золотых изделиях раннего эллинизма проявляется еще слабо. Только немногие предметы — отдельные венки, медальоны, перстни, булавки — украшаются иногда единичной вставкой из цветного камня или стекла, но нигде еще нет нагромождения вставок различных контрастирующих тонов на одном изделии. Это лишь первые шаги в новом направлении, эксперименты смелых новаторов, но большинство выпускаемых изделий еще верно манере декора при помощи филиграни и зерни. Иную картину представляют золотые изделия Артюховского кургана. Их художественный стиль определяется красочными эффектами обильно рассыпанных по золотому фону цветных вставок и разноцветной эмали. Узоры из тонких золотых нитей и зерни отступают здесь на второй план. Такие изделия, как знаменитая диадема (Арт. 1), серьги с подвесками в виде голубей (Арт. 40), перстни, украшенные стеклянной мозаикой (Арт. 13, 53), ожерелья из оправленных в золото гранатов, изумрудов, аметистов и других камней (Арт. 4, 5, 6) принципиально отличаются от изделий, свидетельствующих о первых попытках перехода к полихромии и знакомых нам по комплексам раннего эллинизма. Это образцы вполне созревшего, достигшего расцвета полихромного стиля, пришедшего на смену монохромному стилю греческого ювелирного искусства V—IV вв. до н. э.

В свете всего сказанного хронологическая близость золотых изделий Артюховского кургана и погребений первой половины III в. становится маловероятной. Полихромия не была быстропроходящей модой. Она ознаменовала коренной переворот во вкусах общества, в ней по-своему отразились новые условия эпохи эллинизма, ее широкие горизонты, международные связи и культурный синкретизм. Новый стиль прочно внедрился в античное ювелирное искусство и оставил в нем длительный и глубокий след. Исследование путей его становления — дело будущего, но на основании изложенного можно уже в настоящее время предполагать, что это был процесс длительный, потребовавший многих десятилетий для своего полного утверждения.

При изучении археологических комплексов Северного Причерноморья исследователь неизбежно сталкивается с задачей возможно более четкого разделения материала на местный и привозной. Совершенно очевидно, что именно таким путем можно приблизиться к разрешению многих вопросов экономики и истории государственных образований Северного Причерноморья, в частности, выяснению объема и характера местного производства и торговых связей. Далеко не всегда, однако, это деление удастся довести до конца, так как многие проблемы еще не решены. Тем не менее, постановка такого вопроса по отношению к ювелирным изделиям, в частности, к тем, которые нас сейчас интересуют, необходима, и мы попытаемся дать на него хотя бы частичный ответ.

При попытке выделить изделия местного производства из богатых серий золотых украшений, найденных в Артюховском кургане, можно взять за основу следующие критерии. Даже при беглом просмотре материала удастся заметить несколько вещей, которые своей примитивностью резко

⁹⁷ Segall, *Museum*, S. 45 ff.; Amandry, *Coll. Stathatos*, p. 124.

выделяются на фоне сложных по технике и утонченных по художественному вкусу драгоценностей из Артюховского кургана. Эти вещи не могли выйти из рук греческих ювелиров и, скорее всего, их следует считать изделиями местных кустарей и умельцев. Встречаются также предметы, свидетельствующие о хорошем овладении мастерами, их создавшими, ювелирной техникой, но по своему типу, а иногда и по орнаментации связанные с местными обычаями и традициями и чуждые античному миру в целом. Весьма вероятно, что такие предметы изготавливались на месте искусными греческими мастерами, а может быть, и их учениками из коренных жителей Боспора. Интересно отметить, что в некоторых случаях удается даже подметить местные производственные традиции, сложившиеся на Боспоре при изготовлении предметов определенного типа и чуждые предметам того же назначения, изготовленным в других областях.

За вычетом перечисленных предметов, составляющих лишь небольшую часть ювелирных изделий, найденных в Артюховском кургане, остается большая группа золотых украшений, лишенных каких бы то ни было локальных признаков и ничем не отличающихся от аналогичных вещей, находимых во всем эллинистическом мире.

Не подлежит сомнению, что это изделия греческих мастеров, но где находились мастерские, в которых работали ювелиры,—на Боспоре или за его пределами и, в последнем случае, в каких именно странах—на эти вопросы при настоящем уровне наших знаний едва ли возможно дать определенный ответ; приходится ограничиться высказыванием некоторых общих более или менее вероятных предположений.

К числу украшений, исполненных в упрощенной технике и отличающихся весьма несложным художественным замыслом, относятся, прежде всего, золотые бляшки Арт. 16, 47 и 104. Для их изготовления требовался минимум технических навыков: круглые бляхи вырезались из золотого листа и затем тупой палочкой на них выдавливался орнамент в виде кружков, прямых линий и точек. Только одна из этих бляшек декорирована рельефным изображением женской головы в фас, полученным при помощи набивки или тиснения. Каждая из трех женщин, погребенных в Артюховском кургане, была обладательницей трех или четырех таких очень сходных между собой бляшек, носимых, надо думать, на груди в виде подвесок к перевязям. По примитивности техники и неряшливости исполнения бляшки резко контрастируют с другими золотыми украшениями этих женщин. Весьма вероятно, что подобные бляшки носились в виде амулетов и были связаны с какими-то местными суевериями, от которых не освободились и представительницы высших эллинизированных слоев местного общества.

Очень интересен начальник Арт. 38, так как он дает возможность познакомиться с некоторыми приемами работы местных мастеров. На первый беглый взгляд, это сверкающее золотом и гранатами украшение кажется таким же парадным головным убором, как и многие другие, часто встречаемые в богатых женских погребениях Боспора. Однако при более внимательном изучении оказывается, что это лишь не совсем удачное подражание греческому изделию такого типа. Центральное место на современных ему греческих диадемах всегда занимает гераклов узел. Он часто окружается сложным тончайшим орнаментом, исполненным чеканом, филигранью и зернью и расцвеченным эмалью и инкрустацией из цветных камней или стекла. Иногда здесь же помещались миниатюрные золотые фигурки или даже сложные фигурные композиции. Что же мы видим на начальнике Арт. 38? Изготовивший его тореут, владевший только самыми простыми навыками золотых дел мастерства, пытался передать такой гераклов узел на своем изделии. Но вместо сложного переплетения петель узла он изобразил горизонтальную восьмерку, а богатый орнамент превратился у него в пять вставок из гранатов и смальты накрест в виде

звезды. Все это сделано при помощи самых примитивных технических приемов. Резко контрастируют с этими украшениями кисточки, подвешенные к нижнему краю начельника. Это образцы тончайшего ювелирного искусства, ничем не отличающиеся от кисточек диадемы Арт. 1 и булавок Арт. 7 и 39. Они, несомненно, изготовлены другим искусным ювелиром, а не мастером начельника, и последний, очевидно, прикрепил их к своему изделию, чтобы придать ему вполне «столичный» вид. Перед нами — интересный пример смешения стилей в одном произведении ювелирного искусства. Он не единичен. Можно назвать еще два золотых изделия, бытовавшие на Боспоре в ту же эпоху и сделанные каждый руками двух различных мастеров. Только в этом случае мы имеем дело с обратным явлением. Имеются в виду очень сходные диадемы: диадема Арт. 1 и происходящая из Пантикапея диадема собрания Лёб (Loeb). Обе сработаны искусными греческими мастерами, но на обеих имеются переделки, выдающие руку других (несомненно, местных) мастеров, частично искавших первоначальный замысел. Несколько более поздним примером использования произведений греческого искусства для украшения местного изделия может служить знаменитая диадема из Новочеркасского клада, на лобной части которой красуется греческая камея.

Весьма возможно, что начельник Арт. 38 был изготовлен спешно по специальному заказу для похорон, когда не хватало времени для получения более совершенного изделия из большой мастерской столицы Боспорского царства. В таких же условиях были, несомненно, сделаны и погребальные венки, найденные в Артюховском кургане. Ряд черт свидетельствует о том, что они изготовлялись по мерке и предназначались для покойников, а не для живых людей. Техника их изготовления очень проста и не требует ни сложных инструментов, ни большого искусства. В то же время, сравнивая эти венки с аналогичными изделиями из других областей античного мира — Малой Азии, Греции и Италии, — не трудно убедиться в том, что им свойственен ряд характерных особенностей, чуждых венкам небоспорского происхождения. Можно думать, что в процессе производства этого вида золотых изделий на Боспоре сложилась собственная ремесленная и художественная традиция.

К изделиям местных мастеров следует, как мы полагаем, отнести и браслеты в виде свернувшейся змеи. Подобные украшения, носившиеся как на руках, так и на ногах, были широко распространены в эту эпоху во всем античном мире. Но браслеты Арт. 11, 12 и Арт. 48, 49 отличаются упрощенными формами и несложной техникой изготовления. Здесь нет характерной для многих подобных украшений гравировки, передающей змеиную чешую, нет моделировки головы, инкрустации глаз и т. д.⁹⁸ На браслетах Арт. 11, 12 змеиное тело сделано из простой полоски, вырезанной из плотного золотого листа, на других — из золотой пластинки с выпуклым ребром (Арт. 48, 49). Головы змей не моделированы, их глаза и рты переданы простыми нарезными линиями. Чешуя на браслетах Арт. 48, 49 вовсе не обозначена, а на браслетах Арт. 11, 12 изображена условно при помощи «елочки» на шее и хвосте. Вероятно, эти изделия, скорее всего, местные подражания привозным образцам.

Из золотых украшений, найденных в Артюховском кургане, можно выделить несколько изделий, отличающихся высоким художественным качеством и блестящей техникой исполнения; боспорское происхождение их, однако, весьма вероятно ввиду некоторых их особенностей, связанных с местными обычаями. Это прежде всего полая гривна ирано-боспорского типа, затем гривна Арт. 42 и пара браслетов из крученого четырехгранного дрота (Арт. 50, 51). Последние предметы принадлежат к типам украшений, появившимся на Боспоре значительно позднее, чем гривна типа Арт. 2. Их история еще недостаточно выяснена, но эллинскому миру подобные украшения чужды.

⁹⁸ Ср., например: Amandry, *Coll. Stathatos*, № 255—263; Breglia, *Catal.*, N. 837; Vernier E. *Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Bijoux et orfèvrerie*. Le Caire, 1927. № 52094; ДБК, табл. XIV, 1.

В эпоху эллинизма распространилась мода на золотые круглые брошки-медальоны с рельефными полуфигурами богов и сложным орнаментом. В погребениях I и II Артюховского кургана было найдено по медальону этого типа с изображением Афродиты и Эрота (Арт. 8, 46). Такие же сюжеты и в сходной композиции встречаются и на медальонах, обнаруженных в других областях античного мира. Однако чрезвычайная распространенность на Боспоре медальонов, бляшек и других изделий с повторением той же композиции придает большую обоснованность предположению об особом значении этого образа для населения Боспорского царства, о его связи с культом Афродиты Апатуры. Благодаря находке в Тиритакке штампа с таким же изображением, нет никакого сомнения в том, что местные золотых дел мастера могли сами удовлетворять существовавший на Боспоре большой спрос на подобные изделия, и весьма вероятно, что и медальоны, хотя техника их изготовления значительно сложнее, исполнялись на месте, а не привозились издалека.

Ряд наблюдений позволяет отнести к числу боспорских изделий и несколько золотых перстней из числа найденных в Артюховском кургане. Это прежде всего два перстня (Арт. 56, 84) со вставками в виде необработанного куска железа. Античный мир не знает перстней с подобными вставками. Зато на Боспоре и особенно на Тамани они встречаются нередко. Далее, как показывают остатки застрявшего в камне золотого стерженька, камея Арт. 55 первоначально была снабжена оправой старого типа, с перекидной дужкой. Впоследствии, согласно новой моде, появившейся в III в. до н. э., старая оправка была заменена новой, на этот раз перстневой. Трудно представить себе, что для осуществления подобной операции камея была отослана в заморские края. Вероятно, замена производилась мастером, работавшим на Боспоре, и, судя по качеству изделия, мастером весьма опытным.

К произведениям тончайшего ювелирного искусства следует отнести перстень Арт. 53, между тем его боспорское происхождение также не исключается. Как свидетельствует надпись, перстень был сделан по заказу, а не просто выбран из числа импортированных на Боспор украшений.

Итак, из золотых изделий, найденных в Артюховском кургане, можно выделить некоторое количество предметов, часть которых несомненно, а часть, весьма вероятно, изготовлена на Боспоре. По своему техническому и художественному уровню эти памятники неодинаковы. Среди них есть примитивные по технике исполнения и художественной трактовке, а есть и высокохудожественные произведения. Первые, очевидно, представляют собой работы местных кустарей, вторые могли выйти только из рук мастеров своего дела — греческих ювелиров, знакомых со всеми современными достижениями искусства и работавших, скорее всего, в столице Боспорского царства. Таким образом, гипотеза о существовании в Пантикапее собственной ювелирной мастерской, обслуживавшей богатые слои боспорского общества и выпускавшей продукцию высшего качества, — мастерской, в которой наряду с заезжими греческими мастерами работали и местные их ученики, — получает некоторое подтверждение".

Тем не менее, о большей части золотых изделий из этого кургана по-прежнему невозможно с уверенностью сказать, являются ли они импортными или происходят из боспорских ювелирных мастерских. Причина этих затруднений — степень исследования этих вопросов в современной науке. Хотя в музеях Европы и Америки хранится немало золотых изделий эпохи эллинизма, только небольшое их число может быть приписано определенным производственным центрам. Поэтому лицо даже крупных ювелирных мастерских, их роль в создании тех или иных новых видов изделий остаются загадкой.

До недавнего времени только в Северном Причерноморье, и особенно на Боспоре, были найдены значительные и богатые серии драгоценностей.

⁹⁹ Rostovtzeff. *Ir. and*

В археологических комплексах других областей античного мира встречались лишь отдельные предметы, на основании которых трудно было составить представление о работе местных мастерских в целом. Поэтому, хотя неоднократно высказывались предположения о создании отдельных типов украшений в том или ином центре и об экспорте их в другие страны, эти предположения не могли считаться доказанными, поскольку приходилось считаться с большим количеством неизвестных данных.

В 30-х гг. нашего столетия в Фессалии был обнаружен богатый набор ювелирных изделий эпохи эллинизма, представляющий собой, по-видимому, продукцию одной крупной мастерской (возможно, как думает Амандри, мастерской, обслуживавшей македонский двор). Таким образом появилась возможность сравнения двух обильных серий ювелирных изделий одного времени — боспорской и фессалийской. Что же оно показывает?

Прежде всего бросается в глаза сходство представленных в обеих сериях типов изделий, их художественного стиля, орнаментации и технических приемов. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить несколько ювелирных изделий разного происхождения с изображением гераклова узла¹⁰⁰. Однако при большой близости, можно даже сказать тождестве типов и системы орнаментации, в каждом наборе драгоценностей есть свои особенности, почти всегда имеются варианты и отклонения в деталях. Благодаря этому обе серии ювелирных изделий при большой близости все же сохраняют свое лицо. Такое положение наводит на мысль о том, что в эпоху эллинизма наряду с экспортом изделий мог широко практиковаться обмен опытом путем миграции мастеров.

Хорошо известно, что в эпоху эллинизма благодаря расширению и развитию коммуникаций, а также торгового и культурного обмена не только прославленные живописцы и скульпторы, но и рядовые мастера часто работали на чужбине¹⁰¹. Для ювелиров переезд с места на место не представлял затруднений, ибо, как заметил де Риддер¹⁰², «нет ничего более легкого, подвижного и портативного, чем мастерская золотых дел мастера». Его опыт воспринимался местными ювелирами, и таким путем налаживалось производство созданных в других центрах типов золотых украшений и расширялся ассортимент выпуска мастерской. При этом местные мастера могли варьировать заимствованные образцы и вносить в них свои черты.

Процесс обмена опытом облегчался еще одним широко распространенным в это время приемом работы, который может быть условно назван механизацией производства. Это явление хорошо известно по эллинистической рельефной керамике, в изготовлении которой большую роль играли формы, штампы и матрицы; эти приспособления рассылались по мастерским различных областей, где они и использовались в производстве.

Нечто подобное существовало, по-видимому, и в ювелирном деле, что подтверждают наблюдения над одним из самых популярных тогда типов украшений — серег в виде дисков с подвешенными к ним фигурками эротов. Предполагают, что этот тип украшений был создан в Александрии¹⁰³, но затем его производство освоили и другие ювелирные мастерские, о чем свидетельствует, между прочим, и большое количество найденных в разных областях подобных серег с фигурными подвесками. Сходные в общих чертах по композиции, изделия разнятся в деталях. Варьируются позы, атрибуты, одежда фигурок. Детали изготовлялись обычно отдельно и добавлялись к литой фигурке¹⁰⁴. Можно предположить, что формочки для отливки подобных фигурок импортировались в любые центры ювелирного производства. Отливка производилась на местах, причем мастера имели возможность разнообразить свои изделия путем добавления к отлитым частям отдельно изготовленных деталей.

Мысль о существовании в эллинистическом мире такой практики подтверждается находкой нескольких экземпляров подобных серег, где мож-

¹⁰⁰ Например, геракловы узлы диадем № 28—30 по кн.: Segall, *Museum*; № 264 по кн.: Amandry, *Coll. Stathatos* ср. с диаемой Арт. 1; серьги № 75—79 по кн.: Segall, *Museum* — с Арт. 103; ожерелья № 250 по кн.: Amandry, *Coll. Stathatos* — с Арт. 3, 102; кисточки № 247, 248 по кн.: Amandry, *Coll. Stathatos* — с Арт. 1, 7, 38 и 39 и многое другое.

¹⁰¹ См., например, чрезвычайно показательные в этом отношении списки мастеров, уроженцев Родоса, работавших в других городах, и мастеров из 29 греческих городов, работавших на Родосе. R.E. s. v. Rhodos. Supplementband 5, 1931, Sp. 829—832 (Hiller von Gaertringen).

¹⁰² *Coll. de Clercq*, p. 8.

¹⁰³ Zahn R. *Festschrift Schumacher*, S. 202 (цит. по кн.: Amandry, *Coll. Stathatos* p. 135).

¹⁰⁴ Zahn, *Samml. Schiller*, Taf. 52. Nr. 62.

но наблюдать резкий контраст в уровне мастерства исполнения литой фигурки и добавочных деталей. Так, у одного экземпляра серег, хранящегося в Британском музее, руки эрота сделаны из золотой проволоки¹⁰⁵, а на серьгах, найденных в Палекастро в Фессалии, хорошо промоделировано литое тело эрота, а его одежда местного покроя грубо исполнена из листового золота¹⁰⁶

Изложенные здесь общие соображения и конкретные наблюдения могут, как мы полагаем, помочь понять причину появления в ювелирном деле эпохи эллинизма своего рода *κοιυτη*, т. е. унификации форм художественного стиля и технических приемов. Для распределения продукции по производственным центрам и отделения импортных изделий от местных эта унификация создает большие трудности. Только тщательное и подробное изучение оригиналов различного происхождения, а также новые археологические находки, особенно в областях эллинистического Востока, смогут обогатить науку свежими фактами и открыть новые пути для знакомства с историей ювелирного дела этой эпохи.

Что касается золотых изделий Артюховского кургана, то приходится, таким образом, ограничиться попыткой выделения небольшой группы украшений, носящих те или иные признаки, связывающие их с местными условиями и потому, по всей вероятности, сделанных на месте. Относительно большей части золотых украшений, имеющих многочисленные аналогии в других областях античного мира, не будем делать каких-либо определенных выводов, допуская, впрочем, возможность изготовления многих из них в ювелирной мастерской Пантикапея.

И. ОТДЕЛЬНЫЕ ВИДЫ ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЗОЛОТА

Венки

1. *Венок из листьев маслины с цветком вьюнка в центре* (рис. 4)¹⁰⁷. Стержень венка состоит из длинной узкой полоски золотого листа, сложенной в плоскую трубочку. Листья сделаны из толстой золотой проволоки, один конец которой, расплющенный и раскатанный, получил форму овального цельнокроеного листа; нерасплющенная часть проволоки образует черенок последнего; жилки листьев переданы тиснением. Листья насажены на стержень следующим способом. На полоску из листового золота, из которой сделан стержень, помещена—еще до того, как полоска была сложена в трубочку,—золотая проволока. Концы черенков пропущены сквозь отверстия, сделанные в полоске, и обмотаны вокруг лежащей на полоске проволоки. Цветок вьюнка также вырезан из золотого листа; путем тиснения на нем обозначены четыре лепестка со слегка загнутыми краями; у центра цветка проделано два отверстия и сквозь них продета проволока, короткий конец которой припаян к тыльной стороне цветка, а длинный закреплен на проволоке, лежащей на пластинке, таким же способом, как черенки листьев. После этого вся пластинка сложена в длину, чтобы скрыть проволоку, вокруг которой обмотаны концы черенков, и стержню придана форма плоской трубочки. Концы стержня вставлены друг в друга и обмотаны лежащей внутри проволокой. Листья прикреплены таким образом, что они конвергируют к центру. Затылочная часть венка лишена листьев.

2. *Венок из листьев и плодов маслины, с цветком в центре* (рис. 4)¹⁰⁸. Приемы изготовления те же, что у венка Арт. 122, с той разницей, что внутренняя проволока местами выпущена наружу и лежит на задней поверхности обруча. Листья имеют более удлиненную форму, и у них

¹⁰⁵ Marshall, *Jewellery*, No. 1858.

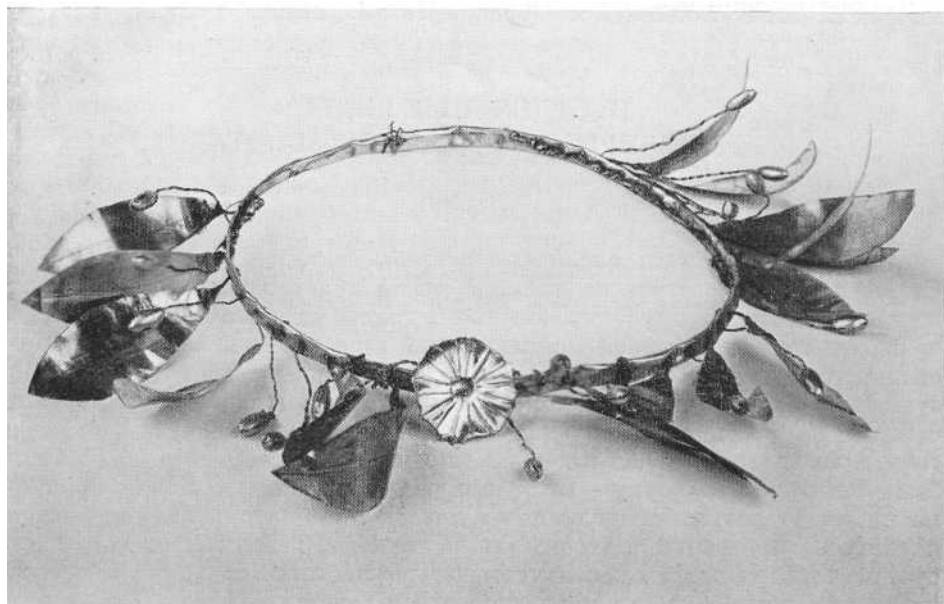
¹⁰⁶ Arranitonopulos A. S. *Ein Thessalischer Gold- und Silberfund.* — *AM*, 1912, Bd. 37, S. 79—118. Küthmann-Küsel H. *Thessalischer Goldschmuck im Hamburger Museum für Kunst und Gewerbe* — *AM*, 1925, Bd. 50, S. 167 ff.

¹⁰⁷ Арт. 122. Гробница III. Издан: ОАГ за 1880 г. Спб., 1882, табл. IV, 7, с. 20, 82. Диаметр 0,23 м, окружность 0,55 м. Сохранилось 17 листьев. Судя по количеству отверстий на стержне, утрачено 7 листьев.

¹⁰⁸ Арт. 101. Гробница III. Издан: ОАГ за 1880 г. Спб., 1882, табл. IV, 2, с. 22, 89. Диаметр 0,21 м, окружность 0,45 м. В настоящее время на венке 16 листьев и 16 плодов. К оборотной стороне цветка в новое время была припаяна проволочная петля, через нее продета античная золотая проволока, нижние концы которой закреплены на стержне венка.

Рис. 4
Венки

Арт. 122

Арт. 101

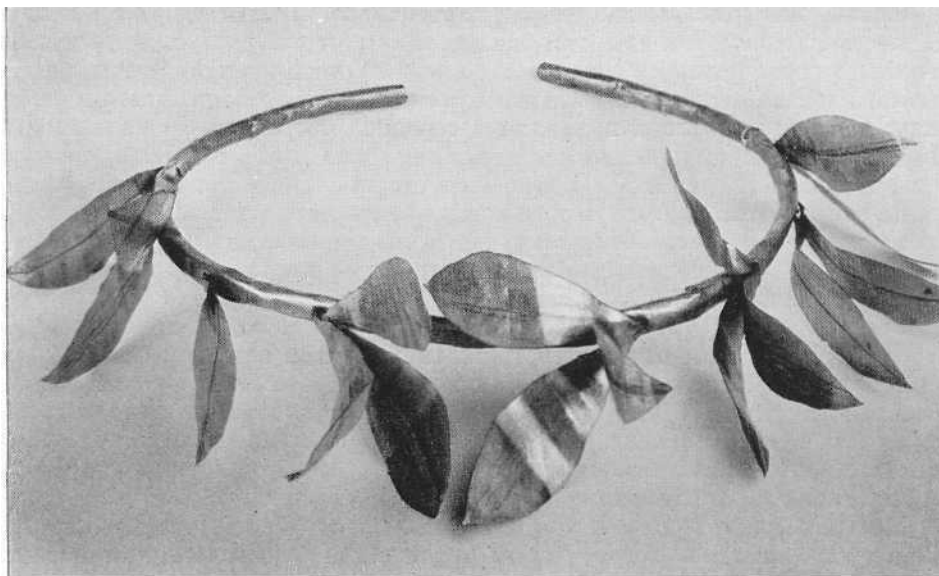
обозначена только средняя прожилка. Плоды сделаны из двух половин, вложенных друг в друга краями, и насажены на длинную крученную проволоку. Цветок, вероятно, представляет иную, нежели у Арт. 122, разновидность вьюнка.

3. *Лавровый венок* (рис. 5)¹⁰⁹. Стержень скатан из полоски довольно плотного золотого листа. Листья продолговатые, овальные, цельнокроенные, с одной продольной жилкой в середине; изготовлены так же, как листья венка Арт. 122, и таким же способом прикреплены к стержню, но здесь иногда в одно отверстие вставлено по два или три черенка. Лобная часть стержня гладкая, без украшений.

¹⁰⁹ Арт. 37. Гробница II. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. III. 1, с. 15, 76. Диаметр 0,21 м. Отломано два листа. Всего в настоящее время 17 листьев. Стержень погнут.

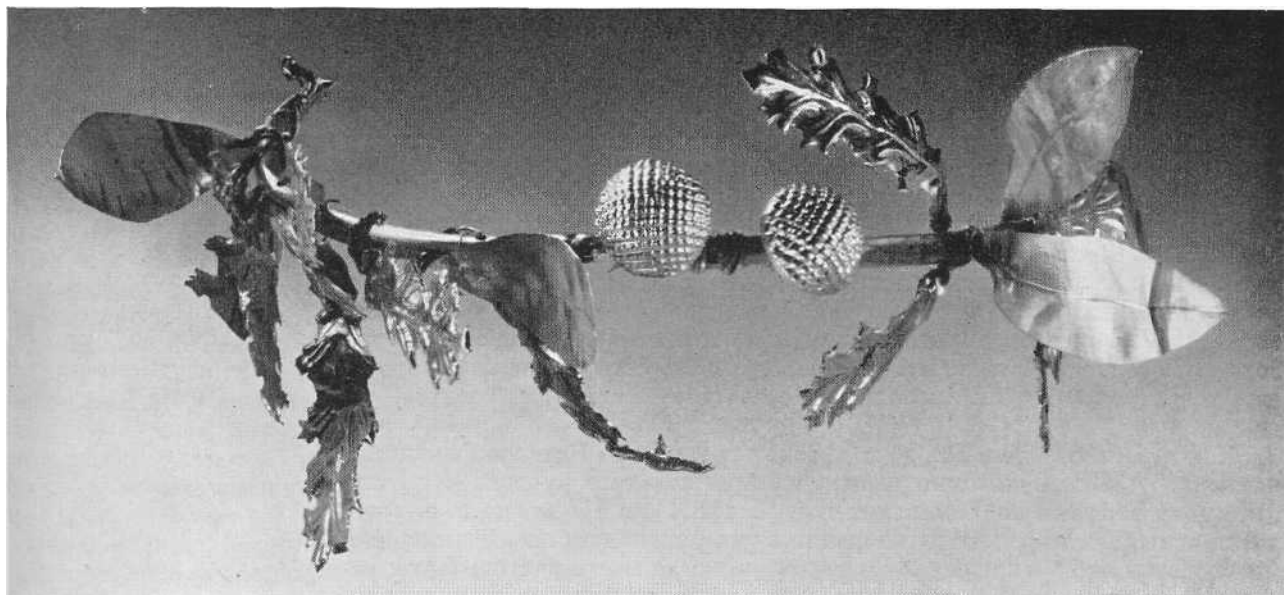
Рис. 5
Венок

Фрагмент венка

Арт. 37

Арт. 81

4. *Фрагментированный венок из листьев двух видов, с двумя ягодами на лобной части* (рис. 5)¹¹⁰. Сохранились только передняя и боковые части венка. Стержень сделан из скатанного в трубку довольно плотного золотого листа. Венок украшен пятью продолговатыми, цельнокроеными листьями с одной продолговатой жилкой (лавр?), тринадцатью лапчатыми листьями с разветвляющимися жилками и двумя плодами в виде полусферических колпачков с рельефной сетчатой поверхностью. Плоды определяются П. Якобсталем как ягоды земляничного дерева, этому же растению исследователь, по-видимому, приписывает и лапчатые листья¹¹¹, Стефани определял их очень неуверенно как листья аканфа¹¹², а в инвентаре

¹¹⁰ Арт. 81. Гробница II. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. II, 1, с. 15, № 16, с. 57. Диаметр 0,017 м. В Отчетах Археологической комиссии за 1878—1879 гг. говорится, что венок поврежден обвалившейся штукатуркой. Стержень венка сломан (направо от ягод); кроме того, имеется надлом на правой половине венка. От многих лапчатых листьев

Эрмитажа они описаны как листья чертополоха. Листья лавра (?) и лапчатые листья изготовлены тем же способом, что и листья предыдущих венков, с последующей (у лапчатых листьев) штамповкой. Ягоды земляничного дерева, видимо, исполнены путем набивки золотого листа на матрицу; золотая проволока припаяна к середине оборотной стороны ягоды. Листья и ягоды прикреплены к стержню венка иным способом, нежели у венков Арт. 122, 101, 37. Отверстия в стержне здесь парные и расположены одно против другого. Проволочный черенок листьев пропущен в оба отверстия и конец его обвит вокруг того же или соседнего черенка. Проволока ягод тоже продета сквозь пару отверстий и многократно закручена вокруг стержня венка.

Золотые венки у греков служили высокой наградой, присуждаемой народным собранием отдельным гражданам полиса или посторонним лицам за особые «благодеяния», оказанные городу. Венки играли также видную роль в культе. Смысл обычая надевать золотые венки на головы покойников не вполне ясен, однако имеются основания полагать, что он связан с кругом религиозных представлений (героизация умершего), а не с полученной им при жизни наградой¹¹³.

Местная аристократия Боспора переняла этот обычай у греков. На Тамани он внедрился в погребальный обряд в IV в. до н. э., как это видно по погребениям Большой и Малой Близницы, Зеленского кургана и другим.

Венки Артюховского кургана, видимо, были изготовлены специально для похорон. На это указывают, во-первых, отсутствие листьев на затылочной части и, во-вторых, способ крепления листьев, которые могут поранить кожу живого человека, так как оборотные стороны стержней усеяны твердыми и острыми шипами, проволочными петлями и концами. Способ изготовления таких венков настолько прост, что любой местный кустарь, немного знакомый с обработкой золота, мог сделать их в короткий промежуток времени между смертью человека и его погребением. Сравнение с венками, найденными в других областях античного мира—в Малой Азии, Греции, Италии¹¹⁴,—вскрывает ряд признаков, отличающих боспорские венки от таких же изделий иного происхождения. Это относится как к способу крепления веток и листьев к стержню, так и к их распределению по окружности венка. А поскольку эти отличительные признаки свойственны не только венкам Артюховского кургана, но и другим золотым боспорским венкам IV—II вв. до н. э., есть основания для того, чтобы говорить о существовавшей здесь собственной ремесленной традиции.

Как известно, уже в I в. до н. э. золотые венки на Боспоре фактически исчезают¹¹⁵. При сравнении венков из Артюховского кургана с густыми пышными венками из Таманских погребений IV и III вв. до н. э. становится ясным, что процесс дегенерации этого украшения сказывается здесь уже совершенно четко: недалеко то время, когда место растительных венков займут простые обручи из листового золота, иногда украшенные напоминающим стилизованные листья орнаментом.

Диадема

Золотая диадема, украшенная гранатами и стекловидной пастой (рис. 6 и на с. 25)¹¹⁶, состоит из трех частей: средней налобной—в форме гераклова узла и двух боковых частей в виде уплощенных полых трубок. В центре гераклова узла—пластическая группа, изображающая орла с Ганимедом; к каждой из трех частей диадемы прикреплено по две подвески сложной конструкции из гранатовых и смальтовых бус в золотых оправах и золотых цепочек.

Гераклов узел центральной части диадемы состоит из двух вставленных друг в друга, положенных горизонтально петель, концы которых упря-

сохранились только фрагменты. Первоначально было не две, а три ягоды (на это указывает проволока, закрученная вокруг стержня венка между обеими ягодами). Стержень и многие листья помяты.

¹¹¹ Jacobsthal P. *Greek Pins*. Oxford, 1956, p. 68, No. 3. Очевидно, имеется в виду *Arbutus unedo* L с крупными съедобными плодами, упоминаемый Феофрастом. См.: Ф о ф р а с т . Исследование о растениях. М.—Л., 1951, кн. III, §16, 4.

¹¹² ОАК за 1880 г. СПб., 1882, с. 76.

¹¹³ О золотых венках см.: ОАК за 1875 г. СПб., 1878, с. 16—26; D.-S., *Dict.*, s. v. Corona; Marshall, *Jewellery*, p. XXXI ff.

¹¹⁴ См., например, Segall, *Museum*, Taf. 17, Nr. 44; Coche de La Ferté, *Bijoux*, pl. XXIII, № 1; Amandry, *Coll. Stathatos*, p. 16; Pollack, *Sammli. Neliidow*, Taf. I—III; Marshall, *Jewellery*, No. 1626—1632.

¹¹⁵ ОАК за 1875 г. СПб., 1878, с. 16—26.

¹¹⁶ Арт. 1. Гробница I. Издана: ОАК за 1880 г. СПб., 1882, табл. I, I, с. 7, № 1; Русск. дрвн., т. I, с. 54, рис. 71; Minns, *Sc. and Gr.*, p. 432, fig. 322; Zahn R. *Hellenistischer Goldschmuck. Diadem aus der Sammlung des Herrn James Loeb*.—In: *Antike Denkmaler*, 1929, Bd. 4, S. 75, Abb. 7;

таны во втулки, примыкающие к боковым частям диадемы. Подкладкой для петель служит вырезанная из плотного золотого листа лента. На ее края напаяна поставленная на ребро полоска из листового золота, верхний край которой вырезан волнообразно. Снаружи нижний край этой полоски окаймлен рубчатой и гладкой проволокой, а ее верхний волнообразный край оформлен в виде полоски ов, причем контуры каждой овы обозначены рубчатой проволокой. Полоски с овами образуют боковые стенки петель гераклова узла. В углубленное ложе между ними вставлены обточенные и отполированные гранаты-альмандины прекрасного густо-вишневого цвета. Всех гранатов девять: четыре—на левой (от зрителя) петле и пять—на правой. Для закрепления гранатов полоска ов боковых стенок петель прижата к камням. Этой же цели служат украшенные филигранью перехваты двух видов: в виде пальметок и в виде лент. Перехваты закреплены на местах при помощи двух проволок, припаянных к оборотной стороне каждого перехвата; концы этих проволок пропущены сквозь отверстия, сделанные в основании петель гераклова узла, и затем перевиты друг с другом. На середине тыльной части гераклова узла напаян собранный из нескольких кусочков золотой лист, на котором закреплены концы двух проволок от центральной группы орла и Ганимеда. Втулки центральной части диадемы сделаны из листового золота и украшены филигранью¹¹⁷.

Боковые части диадемы представляют собой согнутые в дуги трубки из плотного золотого листа; их внешняя округлая поверхность украшена выпуклыми ребрами и полоской прерывистой волны из мелкой рубчатой проволоки (посередине). Трубки наполнены черной массой (по свидетельству Стефани, смолой). Втулки, украшающие внутренние концы трубок, идентичны по форме и орнаменту втулкам центральной части диадемы. На гладких боковых поверхностях втулок боковых и средней частей диадемы находятся петли, скрепленные пропущенной через них золотой проволокой и образующие шарнир. На внешних концах трубок—такие же втулки с несколько упрощенным орнаментом. Они плотно насажены на концы трубок и прикреплены к ним особым стержнем. Эта предосторожность была необходима, так как к гладким пластинам, прикрывающим боковые отверстия втулок, припаяно по петле из золотой проволоки, предназначенной для завязок диадемы, а при стягивании завязок втулки могли соскочить с трубок.

В центре гераклова узла диадемы изображен орел, уносящий на Олимп мальчика Ганимеда. Огромная птица парит в воздухе. Широко раскрыв крылья и схватив мальчика когтями, она устремляется ввысь. Ноги Ганимеда уже не касаются земли, они подогнуты в коленях и отведены назад; его правая рука приподнята и обращена ладонью кверху, левая опущена; за плечами маленькие раскрытые крылышки. Фигурка целиком, кроме крыльев, литая. Крылья сделаны отдельно и припаяны к спине. Туловище орла и его голова с огромным клювом составлены из двух половинок, сформированных из золотого листа на матрицах и припаянных друг к другу, лапы с большими когтями сделаны из проволоки и припаяны к туловищу птицы и к бедрам мальчика. Основу крыльев и распущенного веером хвоста составляет лист золота; отдельные перья обрамлены мелкой рубчатой проволокой и расцвечены зеленой, лиловой или розовой смальтой.

Шесть кисточек сложной конструкции подвешены к диадеме на особых петельках из расплющенной проволоки, припаянных к нижнему краю всех трех ее частей (рис. 6). Все кисточки идентичны, с той единственной разницей, что у двух средних верхняя составная часть—гранат в обкладке из листового золота—имеет круглую выпуклую форму, а у боковых подвесок он походит на листик плюща.

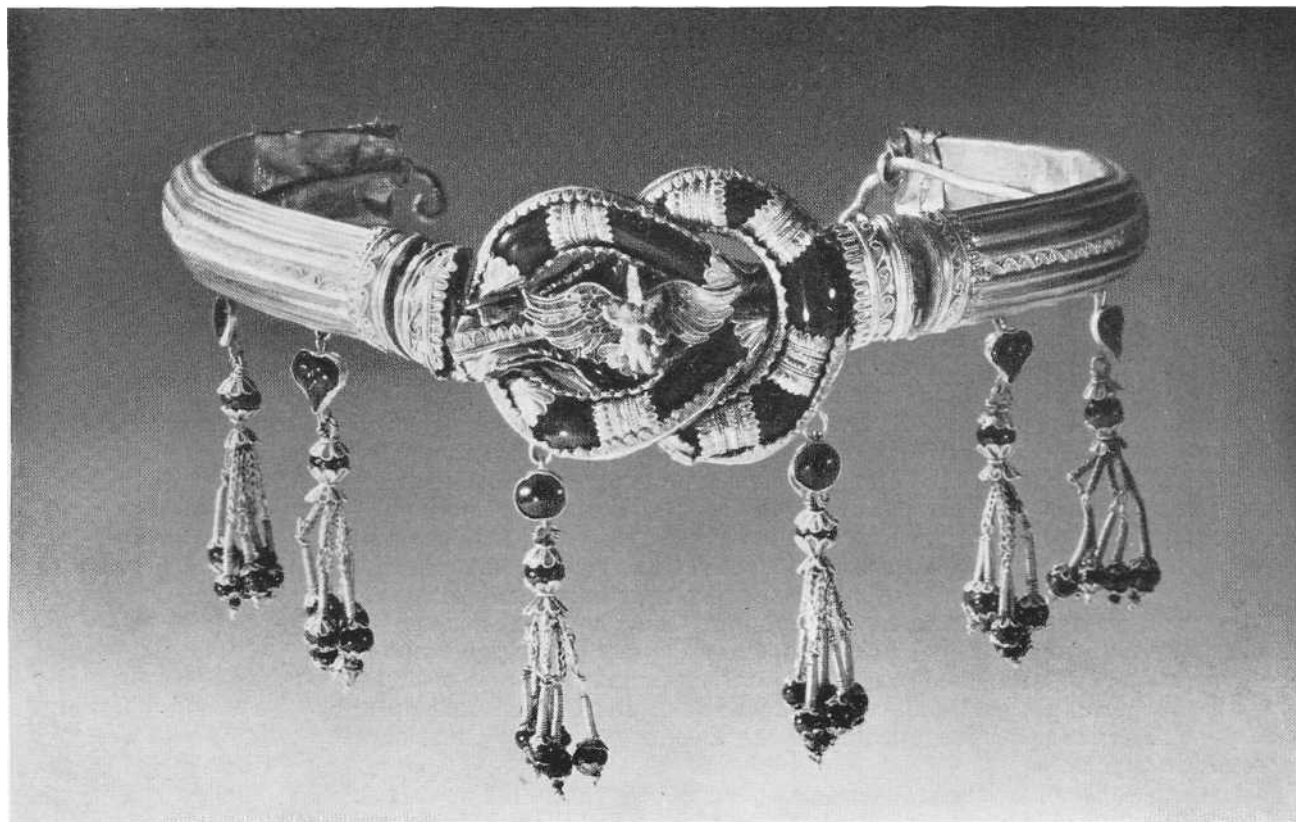
Подвески собраны следующим образом: к оборотной стороне золотой обкладки гранатов припаяны две петельки, из них одна, верхняя, вдевается в петельку, припаянную к нижней части диадемы, а вторая свешивается

Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955, с. 348, рис. 34; *Amandry, Coll. Stathatos*, p. 123, fig. 73; КСИА, 1965, вып. 103, с. 23; Hoffmann H., Davidson P. F. *Op. cit.*, p. 55, fig. 1 f. Окружность 0,52 м; диаметр 0,21 м; длина гераклова узла 0,08 м. Сильно попорчена внутри левая от узла втулка. Слегка порвана и погнута конечная втулка левой трубки. У крайней справа кисточки отломана одна цепочка со стержнем и бусами (отдельные ее части хранятся в запасах музея). У другой подвески отломан крючок. Эмаль на крыльях орла частично выкрошилась.

¹¹⁷ Описывая эти втулки, Стефани говорит о «нежных эмалевых украшениях», от которых в настоящее время ничего не сохранилось.

Рис. 6
Диадема,
украшенная гранатами
Деталь диадемы

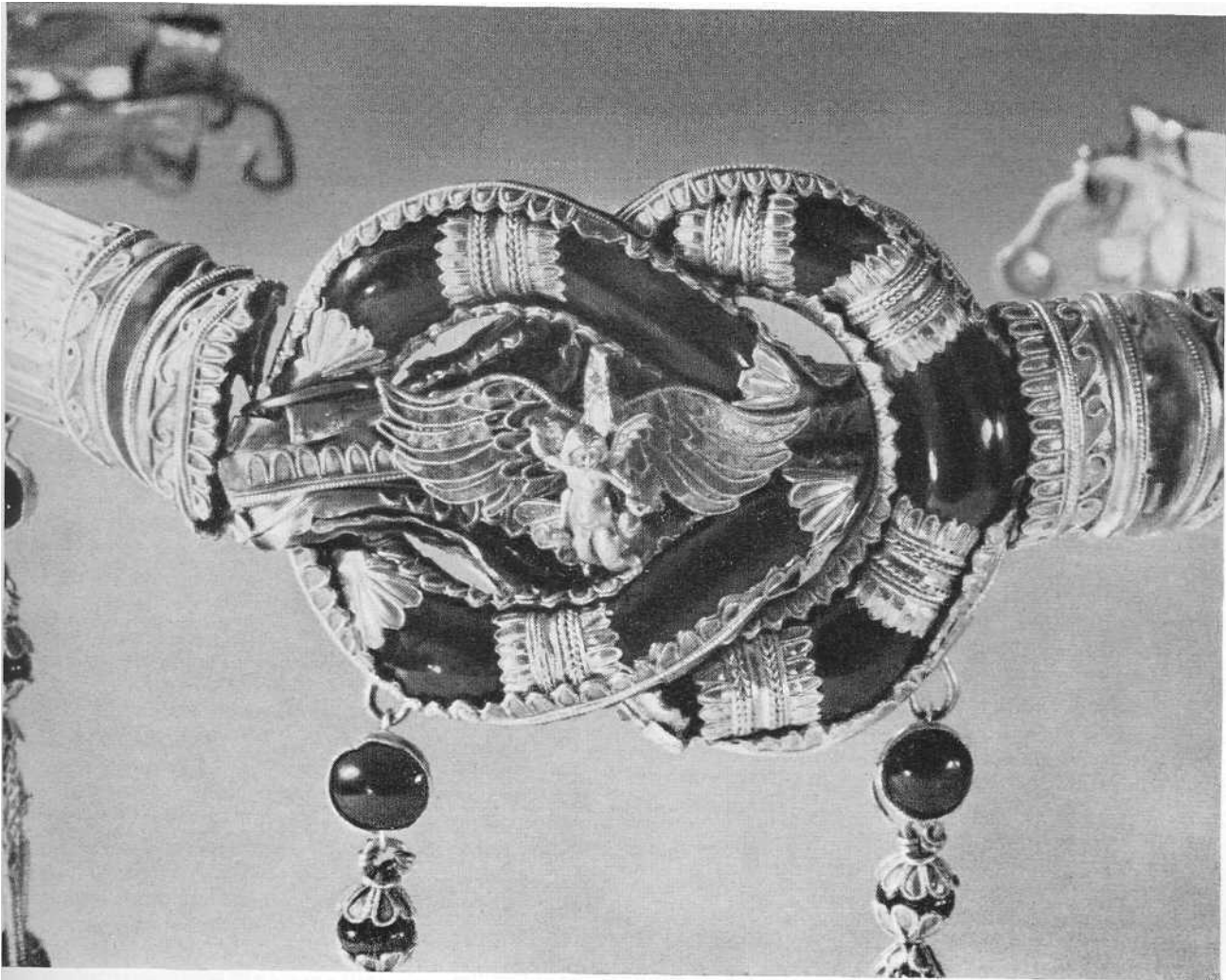
Арт. 1

вниз и в нее вдето колечко опущенной раструбом книзу листовенной золотой чашечки, прикрывающей сверху круглую гранатовую бусину. Листья чашечки обложены мелкой рубчатой проволокой. Снизу гранатовую бусину прикрывает верхний раструб такой же, но двойной чашечки, второй раструб которой, обращенный книзу, скрывает в себе верхние концы шести цепочек. Эти цепочки, переходящие внизу в обмотанные проволокой стерженьки, держатся на двух проволоках, концы которых пропущены через описанную двойную чашечку, круглую гранатовую бусину и верхнюю чашечку и обмотаны вокруг колечка этой последней. Нижние концы проволок, обматывающих висящие на цепочках стерженьки, пропущены еще через одну гранатовую бусину, обложенную сверху и снизу чашечкой из листового золота и филигрании, и через маленькую круглую бусину из синего стекла. На кончике каждой проволоки—две капли зерни—крупная и мелкая.

Великолепная диадема из Артюховского кургана получила широкую известность как одно из наиболее показательных для своего времени произведений греческого ювелирного искусства. Этот замечательный памятник в настоящее время не одинок. Недавно в зарубежных археологических изданиях было опубликовано несколько диадем, очень близких к диа-

деме Артюховского кургана как по художественному оформлению, так и по технике изготовления. Мода на такие украшения, главным отличительным признаком которых является роскошно орнаментированный гераклов узел, была, видимо, распространена во всем эллинистическом мире, так как четыре сходных изделия происходят из Фессалии¹¹⁸, два из Боспорского царства и одно из Египта¹¹⁹.

Кроме артюховской, особенно большой интерес представляет диадема, происходящая с территории Боспорского царства и хранящаяся в настоящее время в частном собрании¹²⁰. Издатель этого памятника Р. Цан дал подробное его описание и сопоставил его с диадемой из Артюховского кургана, причем пришел к выводу, что, несмотря на некоторые расхождения в деталях, обе диадемы так близки друг к другу, что изготовление их в одной мастерской чрезвычайно вероятно. И действительно, их объединяет не только принадлежность к одной немногочисленной группе подобных изделий с боковыми частями в виде полых золотых трубок¹²¹, но почти полное совпадение геракловых узлов, орнаментации втулок и других деталей. При столь ярко выраженном сходстве отдельные расхождения отходят на второй план, тем более, что особенно бросающееся в глаза отличие — фигуры Ники и двух морских чудовищ, помещенные над герак-

¹¹⁸ См.: Segall, *Museum* Nr. 28—30, S. 33; Amandry *Coll. Stathatos*, № 217, 264, p. 120 ff.

Оба автора привлекают значительное количество материала — диадем и других украшений с центральным орнаментом в виде гераклова узла. Б. Сегал, а вслед за ней П. Амандри пытаются определить

хронологические границы моды на подобные украшения. Собранный ими материал будет, несомненно, очень полезен для будущих исследований, но результаты, к которым пришли сейчас оба автора, мало убедительны, так как основываются на прежней датировке Артюховского кургана серединой III в. до н. э.

ловым узлом диадемы Лёб,—является позднейшим добавлением к готовому изделию. Помещение же их на верхнем крае подобной диадемы совершенно необычно. Р. Цан вспоминает в этой связи диадему Новочеркасского клада, верхний край которой усеян фигурками оленей и изображениями деревьев, и высказывает предположение, что диадема Лёб, так же как и диадема Артюховского кургана, была изготовлена греческими мастерами на Боспоре, по всей вероятности в Пантикапее, но подверглась затем переработке во вкусе местного общества. Вопрос о том, работали ли греческие мастера, изготовившие обе диадемы, на Боспоре или в другой области античного мира, остается пока нерешенным, хотя факт находки двух столь близких друг к другу изделий на одной территории и говорит в пользу Боспора. О переработке диадемы Артюховского кургана местным мастером свидетельствует одна своеобразная деталь, отсутствующая на диадеме Лёб и требующая объяснения. Это миниатюрная группа в центре гераклова узла. Самый факт украшения гераклова узла изделий данного типа маленькими пластическими фигурками не является необычным¹²²; чаще всего здесь встречаются фигурки эротов в различных позах. По своим размерам, техник изготовления и композиций они идентичны фигуркам эротов, служащим подвесками к модным в то время серьгам в виде диска¹²³. Сюжет группы на диадеме из Артюховского кургана необычен для этого круга памятников. Изображено, по-видимому, похищение Ганимеда орлом Зевса, однако композиция отличается от всех многочисленных трактовок данного мифа в античном искусстве рядом особенностей.

Дело в том, что фигурка уносимого орлом мальчика совершенно не соответствует образу отрока Ганимеда греческой мифологии и греческого искусства, но полностью совпадает с образом младенца Эрота, созданным в эпоху эллинизма. Однако невозможно допустить существование у греков мифа о похищении Эрота орлом Зевса, так как такая легенда несоместима с греческими представлениями об этих богах. Долгое время миниатюрная группа диадемы не поддавалась толкованию. Но, как нам кажется, все объясняется очень просто¹²⁴.

На оборотной стороне центральной части диадемы видны следы реставрации. Судя по всему, работа была проделана местным мастером невысокой квалификации. Вероятно, он был мало знаком с греческой мифологией и, произведя замену первоначальной фигурки Ганимеда, оказавшей поврежденной, воспользовался бывшей у него под руками готовой подвеской в виде Эрота¹²⁵, не отдавая себе отчета в ошибке.

Если это действительно так, то перед нами аналогичное явление, параллельное упомянутой выше переделке диадемы из собрания Лёб. Эти примеры характеризуют среду местной боспорской знати, уровень ее эллинизации.

Начельник

Начельник—продолговатая золотая пластина с выгнутым профилем и несколько оттянутыми назад боками (рис. на с. 26)¹²⁶. Пластина украшена рельефным орнаментом, цветными вставками и двумя кисточками-подвесками. Вдоль верхнего и нижнего краев пластины, сделанной из плотного золотого листа, довольно неряшливо пробито семнадцать отверстий. В середине пластины помещается украшение из пяти поставленных накрест цветных вставок, обрамленных двумя рельефными петлями в виде уложенной горизонтально восьмерки. Центральное место занимает овальный выпуклый гранат; по бокам от него—по гранату миндалевидной формы, сверху и слева снизу—стеклянные вставки в виде угольников, достигающих до края пластины. Цветные вставки помещены в выкованных из пластины начельника гнездах с рельефными ободками. Так же сделаны и петли «восьмерки». Они имеют уступчатый профиль, и средняя, наибо-

¹¹⁹ Vernier E. *Op. cit.*, № 67881; Amandry, *Coll. Stathatos*, p. 21, fig. 72.

¹²⁰ Zahn R. *Hellenistischer Goldschmuck...*, S. 69, Taf. 42.

¹²¹ Кроме двух найденных на Боспоре диадем, нам известны еще два памятника, принадлежащие к этой группе изделий: диадема неизвестного происхождения, хранящаяся в Британском музее (Marshall, *Jewellery*, No. 1609, pl. XXVII), несомненно, более ранняя, чем боспорские диадемы и браслет из Египта (Vernier E. *Op. cit.*, № 32093, pl. XII).

¹²² См.: Amandry, *Coll. Stathatos*, № 217, pl. XXXI; Marshall, *Jewellery*, No. 2001, pl. XXXIV; Alexander Chr. *Jewellery*. New York, 1928, No. 26; Vernier E. *Op. cit.*, № 520093, pl. XII; Froehner W. *Collection du Chateau de Goluchow*. Paris, 1897, № 54, pl. VII, 36; Manzewitch A. *Op. cit.*, Taf. I, 1.

¹²³ См., например, серьги из Артюховского кургана (Арт. 10).

¹²⁴ Подробнее об этом см. мою статью «Похищение Ганимеда в передаче боспорского мастера» (КСИА, 1965, вып. 103, с. 23).

¹²⁵ Подобные подвески для серег пользовались в то время широчайшей популярностью и имелись в готовом виде во всех ювелирных мастерских.

¹²⁶ Арт. 38. Гробница II. Издан: ОАИ за 1880 г. Спб., 1882, табл. III. 2, с. 15. № 25, с. 73; K  thman-K  sel H. *Thessalischer Goldschmuck...*, S. 191, Abb. 4. Длина 0,11 м, высота 0,03 м. Утеряны два граната из центрального украшения и обе стеклянные вставки. Пластина помята.

лее выпуклая, их полоса украшена рядом вдавленных точек. По сторонам «восьмерки» находится по одному круглому выпуклому гранату в таких же гнездах, как у вставок центрального украшения. К нижнему краю пластины подвешены две кисточки, каждая из которых состоит из сердцевинной сферической бусины в золотой оправе, шести золотых цепочек и шести стерженьков, заканчивающихся малыми круглыми бусинами из граната. По тонкости работы эти подвески ничем не отличаются от таких же украшений диадемы Арт. 1 и булавок Арт. 7 и 39. Иначе оформлены только диски, на которых висят кисточки. Они имеют вид двухрядной розетки с сердцевинной из крупного золотого зерна. Лепестки вырезаны из листового золота, края их обведены проволокой, а середина наполнена стекловидной массой. К сделанной из листового золота оборотной стороне розеток припаяно два проволочных крючка: верхний вдет в отверстие на краю пластины, на нижний подвешена петелька подвески.

Обращает на себя внимание контраст между отдельными частями начельника в отношении ювелирной техники. Это может быть объяснено, если предположить, что начельник был изготовлен мастером-кустарем, незнакомым с развитой техникой греческого ювелирного искусства и, возможно, работавшим наспех, по срочному заказу.

Неуклюжая «восьмерка» начельника из Артюховского кургана стремится воспроизвести гераклов узел—центральное украшение греческих диадем того времени. Однако подражание вышло неудачным: сложное переплетение петель узла заменено здесь простым их соприкосновением. Изготовление кисточек-подвесок явно было не под силу кустарю, смастерившему основную часть начельника. Он воспользовался готовыми изделиями, сняв их с другого предмета работы греческого ювелира. В результате получилась комбинация из различных частей неодинакового художественного достоинства—любопытный пример, иллюстрирующий способ работы некоторых боспорских кустарей-ювелиров.

Начельник дает представление об одном из видов женского головного убора, существовавшего на Боспоре в эпоху эллинизма¹²⁷. Он служил налобным украшением. Многочисленные мелкие отверстия по краям начельника показывают, что пластина пришивалась к какой-то матерчатой или кожаной подкладке, вероятно повязке, длинные концы которой затягивались на затылке. Подобные тении часто бывали открыты целиком. Начельник Арт. 38, напротив, должен был прикрываться волосами: с висков и от ушей они зачесывались кверху, на края повязки.

Голова женщины в гробнице II по греческому обычаю была увенчана довольно пышным золотым венком и потому, надо полагать, не имела другого убора, кроме начельника. Вопрос о покрывале остается неясным.

Булавки

1. *Булавка* в виде длинной иглы и подвешенного к ее головке круглого медальона (*ἀσπίδιση*) с кисточкой из золотых цепочек (рис. на с. 26)¹²⁸. Игла гладкая, но верхняя ее часть обработана в виде ряда жемчужин и поперечных ободков и заканчивается ажурной головкой. На двух колечках к головке подвешен круглый полый медальон, сделанный из листового золота. В него вставлена розетка из стеклянной перегородчатой мозаики того же рисунка и той же техники, что у перстня Арт. 13. Широкие лепестки розетки заполнены зеленым стеклом с коричневыми вкраплениями, а узкие—коричневым (стекло вставлено, по-видимому, в твердом виде). Сердцевина состоит из крупной капли зерни. Цветок и край медальона обрамлены гранулированной проволокой.

К оборотной стороне медальона припаян двойной крючок из сплюсненной золотой проволоки. Верхний крючок вдет в петельку, помещающуюся на головке булавки, а на нижнем висит подвеска, состоящая из большого

¹²⁷ Изучению головных уборов, происходящих из Северного Причерноморья, посвящено несколько исследований. Кроме описаний и заметок Стефани в ОАК, сюда относятся:

Степанов П. История русской одежды. Пг., 1915;

Ростовцев М. И. и Степанов П. К. Эллино-скифский головной убор.— ИАК, 1917, вып. 63, с. 69—101; Воронка Г. И. Женские головные уборы Чертомлыкского кургана.— ИАИМК, 1921, т. I, с. 169—192.

¹²⁸ Арт. 7. Гробница I. Издана: ОАК за 1880 г. СПб., 1882, табл. I, 17, с. 8, № 18, ср. с. 55; Minns, *Sc. and Gr.*, p. 431; Rosenberg M. *Zellenschmelz*. Frankfurt am Main, 1921, S. 37, Abb. 51, 52; AM, 1925, Bd. 50, S. 188, Abb. 2, (H. Kütthmann-Küsel); *A Survey of Persian Art*. Part I, London—New York, 1938, pl. 248, No. 780 (E. Margulies); Jacobsthal P. *Op. cit.*, p. 102, No. 328. Длина иглы 0,077 м. Конец погнут. По мнению Стефани, первоначально в кисточке было 10 цепочек.

граната в богатой золотой оправе и кисточки-подвески такой же конструкции, как кисточки на диадеме Арт. 1. Однако у булавки Арт. 7 на местах соединения цепочек с трубочками находится по мелкой бусине из сердолика или изумруда.

2. *Булавка* того же типа, но более простая по отделке (рис. на с. 26)¹²⁹. Верхняя часть ее обработана так же, как у предыдущей, но заканчивается простой петелькой, к которой подвешен медальон, сходный с медальоном булавки Арт. 7. Его розетка имеет шесть стрелчатых золотых лепестков, края которых обрамлены рубчатой проволокой; лепестки заполнены зеленой стекловидной массой, а из сердцевин розетки на тонкой золотой проволоке поднимается крупная капля зерни. Розетка обрамлена рубчатой и гладкой проволокой, а медальон—рядом отделанных филигранью мелких ов; в центре каждой было по капле зерни¹³⁰. К оборотной стороне медальона припаян двойной крючок. Верхний крючок зацеплен за петельку иглы, а на нижний накинута петля, на которую намотаны концы двух проволок, соединяющих все части подвески. Эти части такие же, как у булавки Арт. 7, с той разницей, что здесь отсутствуют мелкие бусины на стыке цепочек с трубочками и к концам последних прикреплены только гранаты.

При описании булавок из Артюховского кургана П. Якобсталь упоминает на датированную 156—155 г. до н. э. опись предметов, хранившихся в храме Исиды на Делосе, где упоминается серебряная булавка (*πορπίον*) с ажурным круглым медальоном (*ἀσπίδιον*). Поскольку словом *ТСοργσίον* обозначали не только булавку, но и брошь, исследователь считает невозможным с полной уверенностью отождествлять эту вещь с булавками типа Арт. 7 и 39. Булавки подобной конструкции весьма часто украшали женские прически¹³¹, и это как будто подтверждается находкой булавки Арт. 39 на черепе погребенной. Но собранный Якобсталем богатый материал показывает, что длинные булавки без подвесок, но с орнаментированными головками служили для скрепления частей одежды как женской, так и мужской¹³². Возможно, эти изделия имели двойное назначение.

В Северном Причерноморье булавки с кисточками были, видимо, в большой моде начиная с первой половины III в. до н. э. Ряд таких предметов найден в погребениях у Карантинного шоссе. От артюховских они отличаются меньшими размерами, отсутствием медальона и более короткими кисточками. Встречаются также булавки вдвое длиннее, с плоской иглой и короткой кисточкой и миниатюрные короткие булавки. Подвески в виде кисточек были широко распространены в эпоху эллинизма¹³³.

Монеты

1. *Статер фракийского царя Лисимаха* (рис. 7)¹³⁴. На лицевой стороне—профильное изображение Александра Македонского в образе сына бога Амона, на оборотной—Афина Никефора в длинном хитоне и шлеме, сидящая на троне; за ее спиной видно копье; круглый щит прислонен к спинке трона, и богиня опирается на него левой, согнутой в локте рукой. На ладони правой, протянутой вперед, руки—маленькая фигурка летящей Ники с венком в руке. Справа от Афины надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева—ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ. Внизу трезубец и два дельфина. На троне—буквы ΒΓ. Под правой рукой богини монограмма ΙΩΡ

Монета выбита из золота высокой пробы, обе ее стороны плоские; обрез ровный. Изображения даны в четком высоком рельефе. Вместе с тем голова Александра несколько трафаретна и лишена той выразительности, которая свойственна образу царя-героя на прижизненных статерах Лисимаха.

¹²⁹ Арт. 39. Гробница II. Издана: ОЛК за 1880 г. Спб., 1882, табл. III, 3, с. 16, № 32, с. 74; АМ, 1925, Bd. 50, S. 188, Abb. 2; Jacobsthal P., *Op. cit.*, No. 328. Длина 0,08 м. Верхний гранат подвески раскрошился, от него сохранился лишь небольшой фрагмент. Стекловидная масса в лепестках розетки местами выпала.

¹³⁰ Совершенно такие же розетки в медальонах девяти подвесок у происходящей из Керчи золотой диадемы собрания Лёб (см.: *Antike Denkmale*, 1929, Bd. 4, Taf. XLIII).

¹³¹ ДБК, текст к табл. XXIV, 6.

¹³² Jacobsthal P., *Op. cit.* No. 330—339, p. 109 ff.

¹³³ См., например: Арт. 7, 38; Amandry, *Coll. Stathatos*, p. 104, fig. 64; p. 119, fig. 71; p. 121, fig. 72; p. 123, fig. 74, pl. XLII, № 247, 248, 244, 245; АМ, 1925, Bd. 50, S. 189 ff.

¹³⁴ Арт. 41. Гробница II. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. II, 11, 12, с. 17, № 50, с. 25, с. 68; Максимова М. И. О дате Артюховского кургана.—СА, 1960, № 3, с. 47, рис. 1. Диаметр 0,019 м, вес 8,5 г.

Рис. 7
Статеры Лисимаха
и Перисада
Лицевая и оборотная
стороны

Арт. 41

Арт. 82

2. *Статер боспорского царя Перисада* (рис. 7)¹³⁵. На лицевой стороне — голова Перисада, повернутая в профиль вправо. Волосы подхвачены диадемой. На оборотной стороне — то же изображение, что и на реверсе статера Лисимаха со следующими отступлениями: вместо имени Лисимаха имя Перисада — ΠΑΡΙΣΑΔΟΥ, другая монограмма, а именно $\square$, отсутствуют буквы ΒΤ на троне.

Стефани приписал этот статер царю Боспора Перисаду II, царствовавшему с 284 г. до третьей четверти III в., что подтверждало его общую датировку Артюховского кургана. В настоящее время эта атрибуция отрицается; однако нумизматы не пришли к единому мнению о том, какому из боспорских царей с таким именем, царствовавшему в III и II вв. до н. э., следует приписать статер¹³⁶. Нам кажется, что статер Арт. 82 по своей фактуре и стилю изображений так близок к статеру Лисимаха из той же гробницы, что их невозможно хронологически отделять друг от друга. Статер Перисада, по всей вероятности, скопирован со статера типа Арт. 41 и, следовательно, должен быть одновременным ему.

Серьги

1. *Серьга* в виде сплетенного из проволоки колечка с петлей на одном и иглой на другом конце и с розеткой, припаянной к колечку чуть ниже дотли (рис. 8)¹³⁷. Колечко похоже на жгут и состоит из пяти спаянных друг с другом рядов гладкой золотой проволоки: трех прямых и двух уложенных в мелкие колечки наподобие плетенки. К одному концу жгута припаяна маленькая петля. На другом конце из проволок жгута сделана путемковки тонкая слегка изогнутая игла, предназначенная для проде-

¹³⁵ Арт. 82. Гробница II. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. II, 4, 5, с. 15, № 19, с. 25, 61; 3 о г р а ф А. Н. Античные монеты, табл. XLII, 22. Диаметр 0,019 м., вес 8,45 г.

¹³⁶ О статерах с именем Перисада см.: Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, с. 187 и указанную там литературу. Д. Б. Шелов относит статер из Артюховского кургана к концу III в.; Minns, *Sc. and Gr.*, p. 585 (здесь статер датирован началом II в.); Jacobsthal P. *Op. oft.*, p. 102. См. также нашу статью (СА. 1960. № 3, с. 47).

¹³⁷ Арт. 9. Гробница I. Издана: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. I, 10, с. 8, № 11, с. 51. Второй, парной к Арт. 9, серьги в гробнице не было обнаружено. Диаметр жужковины 0,015 м.

вания в петлю. Розетка двухрядная, с сердцевинной из одного ядра крупной зерни. Под розеткой—подкладка из листового золота. По свидетельству Л. Стефани, лепестки были заполнены «эмалью», в настоящее время исчезнувшей.

Серьги в форме колечек вошли у греков в широкое употребление в V в. до н. э.¹³⁸ Арт. 9 примыкает к разновидности этого типа серег, для которой характерно круглое, большей частью плетеное колечко, заканчивающееся на одном конце петелькой, на другом—иглой. В своем наиболее простом виде подобные серьги не имеют накладных частей; украшением им служит плетеный узор самого колечка¹³⁹. Но у более нарядных экземпляров па колечко у петельки накладываются отдельно изготовленные украшения в виде розетки, пальметки, волот или гнезда для цветного камня или эмали¹⁴⁰. Арт. 9 принадлежит к этой последней разновидности серег, бывшей в моде, судя по датированным экземплярам, в III—I вв. до н. з.

2. *Пара серег* в виде колечка, часть ствола которого имеет форму фигурки Эрота (рис. 8)¹⁴¹. Большая половина ствола представляет собой крученный из золотой проволоки жгут, верхний конец которого переходит в гладкую тонкую иглу затвора, а нижний заканчивается прямоугольным в сечении перехватом. На последнем, как на пьедестале, стоит, откинувшись назад, Эрот, к затылку его припаяна петелька затвора. Фигурка массивная, литая; тело тщательно промоделировано; черты лица и прическа нечеткие. Крылья сделаны отдельно и припаяны затем к плечам фигурки. Эрот представлен в виде маленького мальчика; руки его согнуты в локтях, и кисти рук лежат на бедрах.

Кольчатые серьги формы Арт. 103 были найдены в гробнице первой половины III в. до н. э. у Карантинного шоссе¹⁴². В течение III—I вв. до н. э. они получили широкое распространение в античном мире. Чаше всего на них встречаются фигурки эротов в различных вариантах, но нередко также изображения Приапа, гиганта, женской фигуры¹⁴³. Интересно отметить, что, согласно наблюдениям Р. Цана¹⁴⁴, не только крылья эротов, но также руки и ноги фигурок часто изготовлялись отдельно от литого корпуса. Такое упрощение производственного процесса позволяло использовать стандартные формочки для отливки фигурок и без большой затраты труда варьировать их жесты, внося таким образом известное разнообразие в композицию.

3. *Пара серег*, состоящих из украшенного розеткой диска и подвески в виде Эрота (рис. 8)¹⁴⁵. Основа диска из золотого листа; его края оформлены рядом мелких ов, украшенных по контуру тонкой золотой проволокой. К середине диска припаяна розетка из листового золота; ее лепестки покрыты зеленовато-голубоватой стекловидной массой, а края их очерчены проволокой. Между лепестками розетки миниатюрные цветочки из тройных или одиночных проволочных кружков, наполненных голубой или зеленой стекловидной массой, края их очерчены проволокой. В центре розетки круглое гнездо, в котором находилась выпавшая теперь вставка—цветной камень или стекло. Вокруг розетки двойная рамка из простой и рубчатой проволоки. К тыльной стороне диска припаян двойной крючок из золотой проволоки; верхний, длинный, крючок служил для подвешивания серег к ушам; на нижний, маленький,—надета петелька с язычком, припаянным к затылку и спине Эрота. Эроты представлены как бы парящими в воздухе. Фигурки их одинаковы, но движения руки и ног контрастны. В поднятой руке сосуд, похожий на алабастрон, в опущенной—чаша; на груди перевязь; черты лица и прическа нечеткие. Фигурки эротов массивные, литые. Чеканенные крылья припаяны к готовым фигуркам.

Серьги в форме диска с одиночной фигурной подвеской появились в античном мире в период раннего эллинизма¹⁴⁶. В литературе высказыва-

¹³⁸ Hadaczek K. *Op. cit.*, S. 46, § 3.

¹³⁹ ОЛК за 1881 г. Спб., 1883, табл. I, 11 (Пантикапей); там же, табл. II, 8, 9 (Пантикапей); ДБК, табл. VII, 4 (Карантинное шоссе); Zahn, *Samml. Schiller*, Taf. 52, Nr. 65 (Späthellenistisch).

¹⁴⁰ Hadaczek K. *Op. cit.*, S. 51 (список серег подобного типа, происходящих из Северного Причерноморья, Кипра и Афин). См. также: ОАК за 1889 г. Спб., 1892, с. 8, № 2 (Керчь). Найдено только один экземпляр последней серьги (это относится также к сереге I, описанной в ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 51, и Арт. 9); Marshall, *Jewellery*, No. 1842, pl. XXXII.

¹⁴¹ Арт. 103. Гробница III. Изданы: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. IV, 5, в, с. 22, № 14, 15, с. 90. Диаметр 0,018 м.

¹⁴² ДБК, табл. VII, 7.

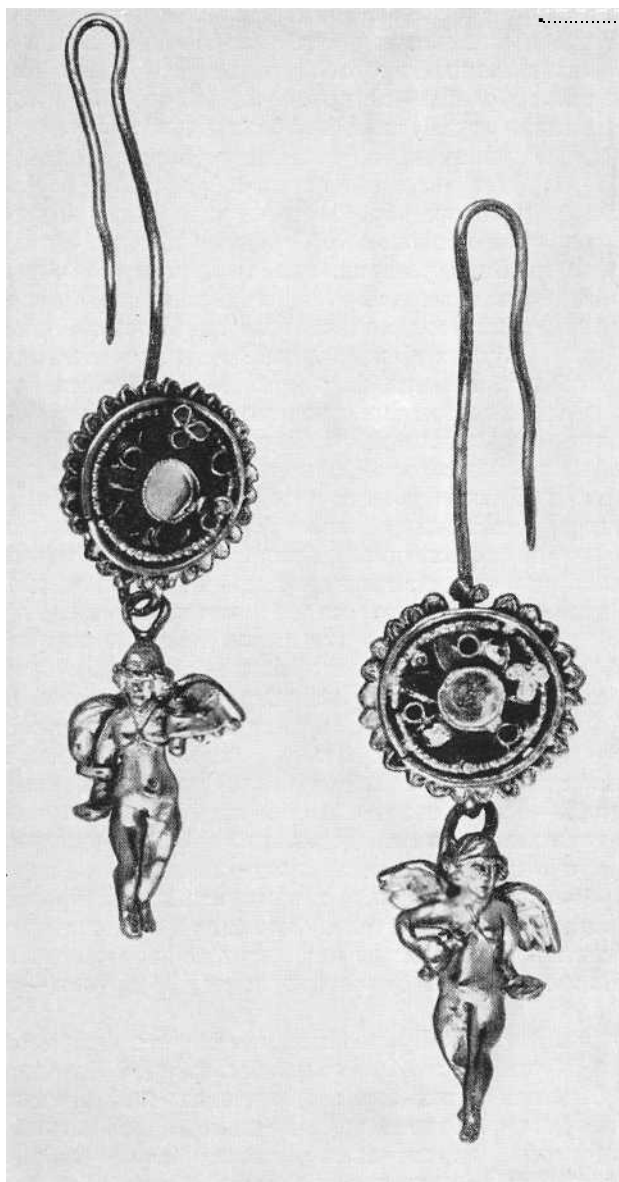
¹⁴³ Значительное количество серег этого типа найдено в Северном Причерноморье. См.: ДБК, табл. VII, 7, 8, 22 (Керчь и Фанагория); ОАК за 1876 г. Спб., 1879, табл. III, 40 (Сенная); Эрмитаж, инв. Т. 1881, 47, 72 (Горгиппия). Список подобных серег см.: Hadaczek K. *Op. cit.*, S. 51, I; см. также: Amandry, *Coll. Stathatos*, текст к № 290—291, pl. LII; Marshall, *Jewellery*, No. 1710 ff.; *Coll. de Clercq*, pl. I, 58, № 31; Segall, *Museum*, Nr. 75—79. (у № 77 фигура Эрота сделана из двух сформованных на матрицах половинок, а у № 76—вырезана из сердолика).

¹⁴⁴ Zahn, *Samml. Schiller*, Taf. 52, Nr. 62; Taf. 60, Nr. 60.

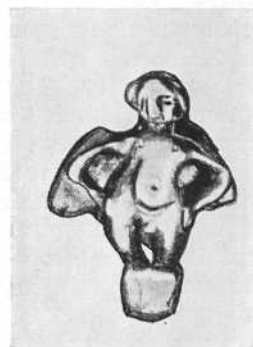
¹⁴⁵ Арт. 10. Гробница I. Изданы: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. I, № 11, 12, с. 8, 51. Высота 0,061 м. У одной серьги утрачены вставка в сердцевине розетки и тройной цветочек, у другой—вставка, лепесток розетки, два тройных цветочка и спираль.

¹⁴⁶ См.: серьги из погребения первой половины III в. до н. э. у Карантинного шоссе. ДБК, табл. VII, 2. О серьгах типа Арт. 10 см.: Hadaczek K. *Op. cit.*, S. 27—45.

Рис. 8
Серьги

Арт. 10
Арт. 9
Арт. 103

лось предположение об александрийском происхождении серег с фигурными подвесками¹⁴⁷. В дальнейшем, когда этот вид украшений приобрел большую популярность в античном мире, ювелирные мастерские, расположенные в других центрах, освоили их производство¹⁴⁸. В Фессалии были найдены подобные серьги, техника изготовления и стиль которых заставили предположить, что они вышли из рук не греческого, а местного мастера, подражавшего греческим образцам¹⁴⁹. Интересны и некоторые подробности техники изготовления фигурок-подвесок. В некоторых случаях они бывают спаяны из двух или большего числа отдельных частей, сформованных из золотого листа на матрицах¹⁵⁰, но большей частью это массивные **лиые** фигурки. У последних многие детали — крылья, руки с атрибутами — выполнялись отдельно из листового золота, а иногда даже просто из золотой проволоки и прикреплялись затем к туловищу¹⁵¹ — прием, уже отме-

¹⁴⁷ Zahn, *Samml.* Schiller, Taf. 41, Nr. 49.

¹⁴⁸ См., например, ОАК за 1860 г. Спб., 1862, табл. IV. 4—4а, 5, 6а; ОАК за 1868 г. Спб., 1870, табл. 1, 2, 3, а, 7, 8, 9; ДБК, табл. VII, 12, 13 (Карантинное шоссе); Amandry, *Coll. Stathatos*, pl. XXXII, № 221/222; Marshall, *Jewellery*, No. 1858—1916, pl. XXXV.

¹⁴⁹ Arvanitopoulos A. S. *Op. cit.*, S. 101.

¹⁵⁰ Segall, *Museum*, Nr. 59, 62, 63.

¹⁵¹ Marschall, *Lewellery*, No. 1858.

ченный нами при описании серег типа Арт. 103 и чрезвычайно характерный для художественной промышленности эпохи эллинизма с ее стремлением к упрощению и «механизации» производственного процесса. Сюжеты фигурных подвесок разнообразны — сатиры, менады, сирены и т. д., но чаще всего — эроты с разными атрибутами и в различных позах.

4. *Пара серег* в виде диска, увенчанного головным убором Иисиды; к диску подвешены фигурка голубя и две цепочки (рис. на с. 27)¹⁵². Диск сделан из золотого листа, края которого обработаны в виде ряда ов, украшенных по краю гранулированной проволокой. Середина диска занимает напаянная на него большая двойная розетка, лепестки которой, обрамленные золотой проволокой, покрыты желтой стекловидной массой, а сердцевина представлена круглым гранатом; мельчайшие цветочки из шести лепестков помещаются в промежутках между лепестками розетки; один такой цветок наложен на гранат. Розетка окружена тройной рамкой из филигранны. Головной убор Иисиды состоит из олицетворяющего солнечный диск круглого граната, двух обрамляющих его бычьих рогов из золотой проволоки и двух перьев, покрытых желтой и коричневой стекловидной массой; внизу, под гранатом, двойная волота из золотой проволоки, с мельчайшими розетками в центре; такая же розетка помещается непосредственно под гранатом. К обратной стороне диска припаян стержень из толстой золотой проволоки, заканчивающейся наверху крючком; внизу стержень разделяется надвое, и каждый из его отростков заканчивается петлей, также украшенной мелкой розеткой; сквозь эти петли продета перекладина, а к ней в свою очередь подвешен стерженек, нижний конец которого вставлен в спину голубя; стерженек прикрыт листиком плюща, покрытым коричневой стекловидной массой; голова, шея и тело птицы покрыты такой же массой розоватого цвета; перья крыльев и хвоста сделаны из золотых пластинок, обрамленных проволокой и также покрытых разноцветной стекловидной массой — белой, зеленоватой и голубой; клюв золотой, глаза в виде золотых кружков, лапки представляют собой стерженьки, перевитые проволокой; искусно передан мягкий пушок на животе. Голубь стоит на прямоугольной золотой коробочке с выступающими краями. К нижнему краю диска, справа и слева от устройства, при помощи которого подвешен голубь, припаяны петельки; на них висит по золотой цепочке с круглой бусинкой на конце; одна бусина из жемчуга, другая — из граната.

Серьги Арт. 40 принадлежат к особой разновидности серег в виде диска с подвесками в форме птиц, преимущественно голубей и лебедей — священных птиц Афродиты¹⁵³. Отделка таких серег отличается, как правило, особой тонкостью и разнообразием. Отдельные экземпляры, найденные в разных областях античного мира, значительно разнятся между собой в деталях, и это говорит в пользу их происхождения из разных центров производства. Что касается Арт. 40, то украшающий их головной убор Иисиды, возможно, указывает на Александрию как на место их изготовления¹⁵⁴.

Ожерелья

1. *Ожерелье* в виде мелкой цепочки с застежками в форме львиных голов с рогами (львиные грифоны) (рис. 10)¹⁵⁵. Головы сделаны из двух оттиснутых в формах, доработанных затем от руки и припаянных друг к другу половинок. В открытые пасти львов вставлены в одном случае крючок, в другом — петля затвора. За львиными головами следует пронизь из темно-лилового стекла; ее широкий конец вставлен в золотой ободок, примыкающий к голове льва, а узкий — в золотой колпачок. Сквозь пронизь продета золотая проволока, один конец которой припаян изнутри к львиной голове, а другой согнут в петлю. На эту петлю надето крайнее звено цепочки.

¹⁵² Арт. 40. Гробница II. Изданы: ОАК за 1880 г. СПб., 1882, табл. 111, 4, 5, с. 16, № 33, 34, с. 74, с. л.; Minns, *Sc. and Gr.*, p. 431, fig. 321, 404. Высота 0,062 м. Стекловидная масса частично утрачена. На груди одного голубя она реставрирована (подклеена), у другого недостает одной мелкой розетки около стержня, вставленного в спину.

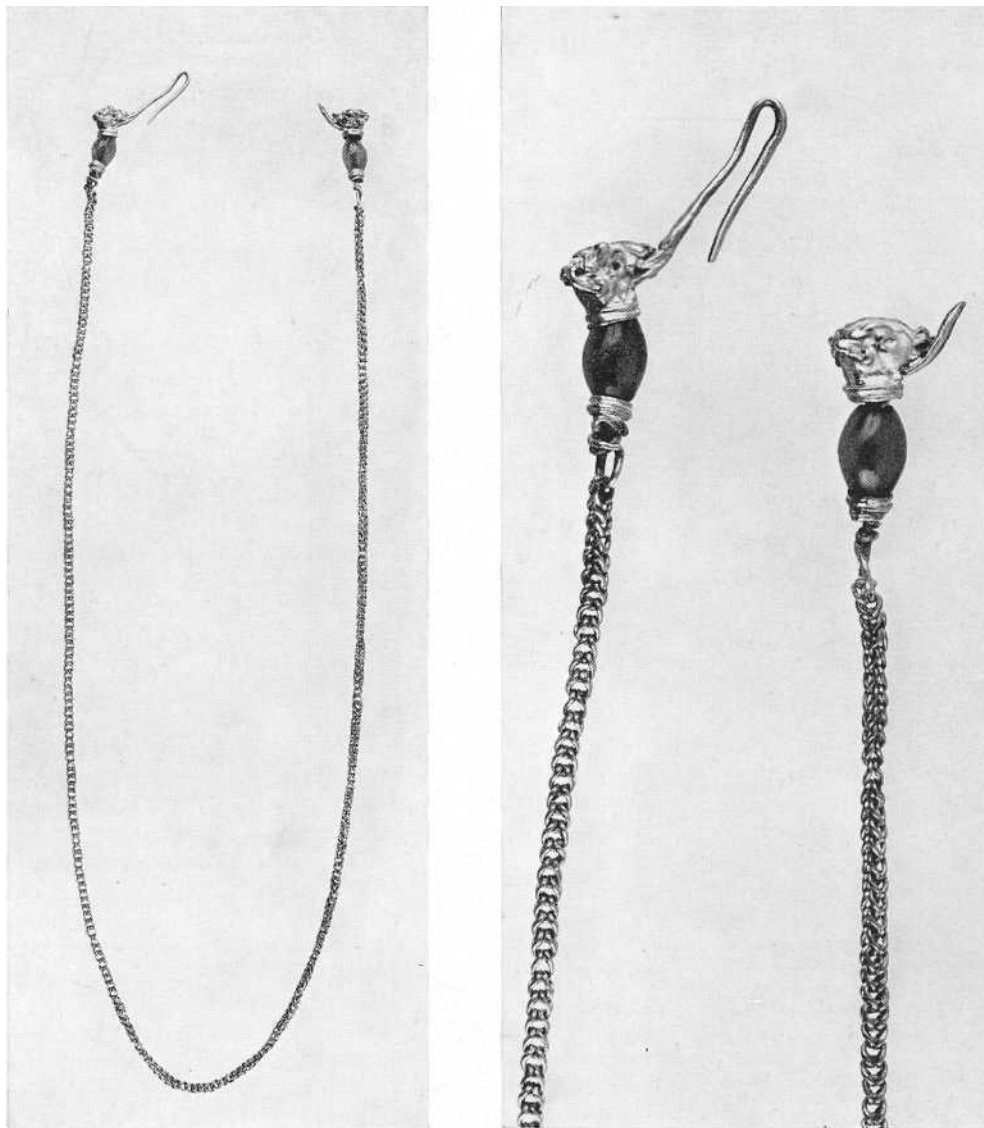
¹⁵³ О серьгах этого типа см.: Hadaczek K. *Op. cit.*, S. 44; Marshall, *Jewellery*, No. 1675—1682; Amandry, *Coll. Stathatos*, № 244, 245, p. 107 и указанную там литературу. См также: ОАК за 1871—1872 гг. СПб., 1874, 1875, табл. VI, 11, 12 (Большая Близница); там же № 13, 14 (Курган близ Керчи); ОАК за 1870—1871 гг. СПб., 1874, 1875, табл. VI, 11, 12, 13, 13a, 14; Becatti, *Oreficerie*, pl. CVII, N. 407; Alexander Chr. *Of. cit.*, p. 22, No 65 (петух); *Coche de La Ferté. Bijoux*, pl. XXIV, 4; *Ségall. Museum*, Nr. 55 (этот экземпляр очень близок к Арт. 40).

¹⁵⁴ О головном уборе Иисиды как украшении ювелирных изделий эпохи эллинизма см.: Marshall, *Jewellery*, p. XLII; Amandry, *Coll. Stathatos*, p. 108. О применении стекловидной массы для украшения сходных с Арт. 40 ювелирных изделий см.: Кондаков Н. П. История и памятники Византийской эмали. СПб., 1892, с. 14.

¹⁵⁵ Арт. 102. Гробница III. Издано: ОАК за 1880 г. СПб., 1882, табл. IV, 3, с. 22, № 11, с. 90. Длина 0,426 м. Одна из пронизок утрачена.

Рис. 9
Ожерелье в виде
плетенки
Деталь ожерелья

Арт. 3

2. Ожерелье в виде мелкой плетенки с застежками в форме бараньих голов (рис. 9)¹⁵⁶; крючок и петля затвора припаяны к нижним челюстям баранов. Головы животных исполнены в той же технике, что и на предыдущем ожерелье. Соединение затворов с цепочкой произведено по тому же принципу, что и у Арт. 102, но пронизью здесь служит овальная бусина из сердолика, а концы проволоки, пропущенной сквозь пронизь, обмотаны вокруг ее концов.

3. Ожерелье в виде плотной четырехрядной плетенки с застежками в форме головы бычка (рис. 12)¹⁵⁷, исполненными в той же технике, что и на предыдущих ожерельях; шерсть передана мелкими нарезками. Крючок и петля затвора вставлены в рты бычков. Пронизи такие же, как у ожерелья Арт. 102, верхняя втулка украшена филигранью.

Золотые ожерелья в виде цепочек или плетеных жгутов с затворами в форме звериных голов были очень распространены в античном мире в эпоху эллинизма¹⁵⁸. В Северном Причерноморье отдельные экземпляры

¹⁵⁶ Арт 3. Гробница I. Издано: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. 1, 3, с. 7, № 3, с. 48. Длина 0,42 м.

¹⁵⁷ Арт. 43. Гробница II. Издано: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. 11, 9, с. 15, № 27, с. 64. Длина 0,41 м.

¹⁵⁸ См., например: ОАК за 1882—1888 гг. Спб., 1891, табл. II, 10; Segall, *Museum*, Nr. 25, 49—51; Amandry, *Coll. Stathatos*, pl. XLII, № 250; Marshall, *Jewellery*, No. 1958, 1874; AM, 1913, S. 326, Taf. XIV, 6; Pollack, *Samml. Nelidow*, Taf. XIII, Nr. 373—376; Breglia, *Catal.*, tav. X, N. 62.

Рис. 10
Ожерелье в виде
цепочки

Арт. 102

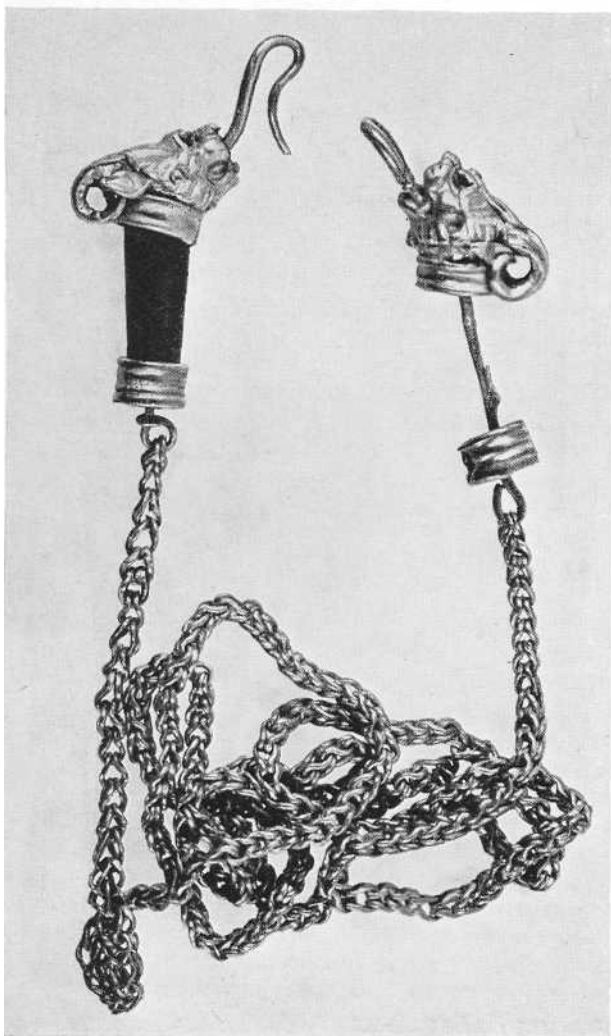
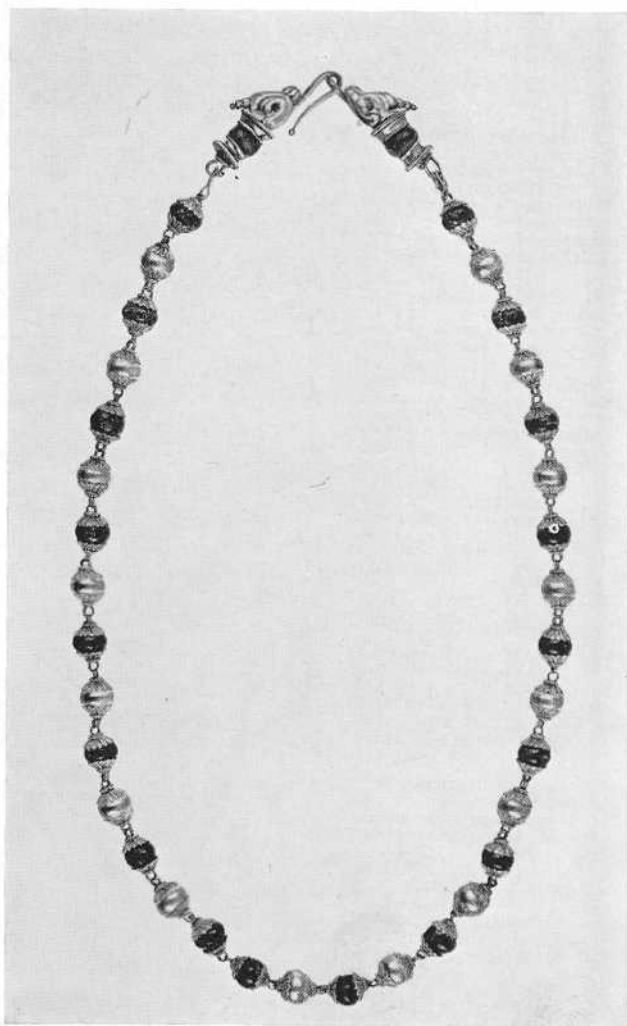

Рис. И
Ожерелье из золотых
и гранатовых бус
Деталь ожерелья

Арт. 5

Арт. 5

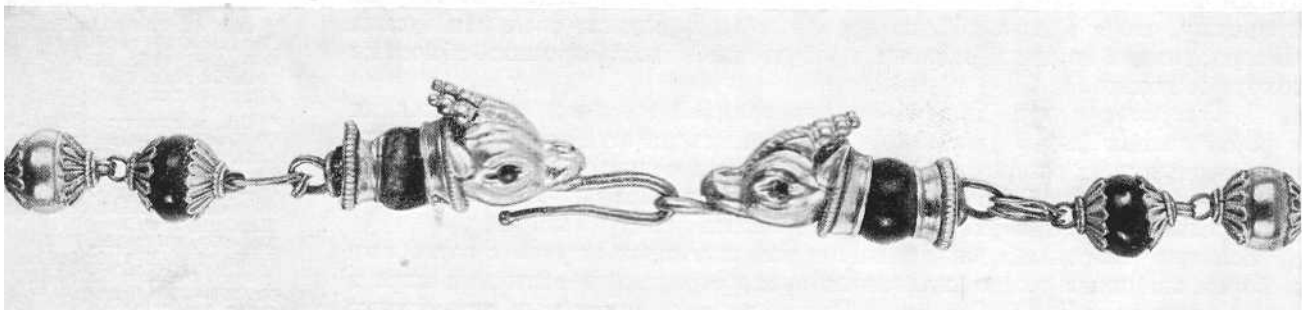
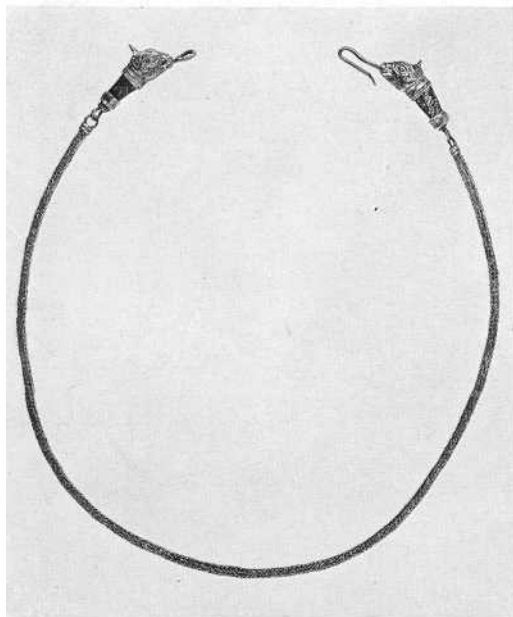
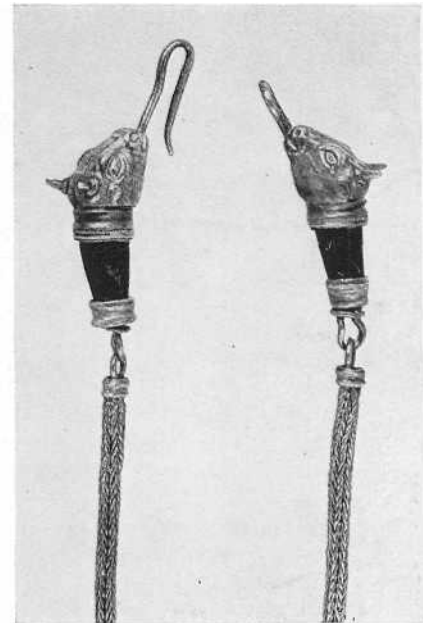

Рис. 12
Ожерелье в виде
плетенки
Деталь ожерелья

Арт. 43

подобных украшений были найдены в комплексах, содержащих поздние краснофигурные вазы¹⁵⁹. Судя по находкам в Артюховском кургане, где каждая из трех погребенных женщин имела ожерелье описываемого типа, такие украшения были в большой моде в середине II в, до н. з.

4. Ожерелье из шаровидных золотых и гранатовых бусин с затворами в виде головы бычка (рис. на с. 28)¹⁶⁰. Сквозь каждую бусину продета двойная проволока, заканчивающаяся на обоих концах петелькой, проде-той через такую же петельку соседней бусины; каждая бусина оправлена с обеих сторон в золотую чашечку из листьев, украшенных филигранью: у гранатовых бусин проволочные стерженьки и чашечки подвижные, у золотых бусин, сделанных из двух спаянных половинок, чашечки припаяны к бусинам, а стерженьки подвижные. Затворы имеют форму бычьих голов, сделанных в той же технике, что у ожерелья Арт. 102.

Ожерелья подобного типа также получили широкое распространение в эпоху эллинизма¹⁶¹. Это, в сущности, разновидность ожерелий типа Арт. 102, где золотая цепочка заменена золотыми и гранатовыми бусинами.

5. Ожерелье из тонкой четырехрядной плетенки, золотых головок рыси и цветных камней (рис. на с. 29)¹⁶². В центре—изумруд ромбовидной формы, по бокам от него—по овальному слегка выпуклому гранату, далее следуют головы рысей с прилегающими к ним стеклянными (под сардоникс) бочковидными бусинами в золотой оправе, украшенной филигранью, затем плетенка и, наконец, гранаты сердцевидной формы. Эти гранаты в таких же золотых оправках, как и другие камни, представляют собой затворы ожерелья. Головы рысей исполнены в той же технике, что на предыдущих ожерельях, по той же системе осуществлено и соединение головы со стеклянной пронизкой. Сцепление головок рысей с гранатами и последних с изумрудом достигается при помощи шарниров из золотых петелек и стерженьков с мелкими бусинами.

Обращает на себя внимание, что звериные головы, обычно служащие затворами ожерелий, здесь являются его внутренними звеньями.

6. Ожерелье из 83 золотых бусин (рис. 13)¹⁶³. В нем 76 мелких биконических бусин и 7 крупных шаровидных с глазками. Мелкие бусины сделаны из двух спаянных друг с другом половинок; отверстия их обложены рубчатой проволокой. Шаровидные тоже состоят из двух спаянных друг

¹⁵⁹ ДБК, табл. XI, 7 (из Булганана); ср.: ДБК, табл. XI, 4 (Карантинное шоссе).

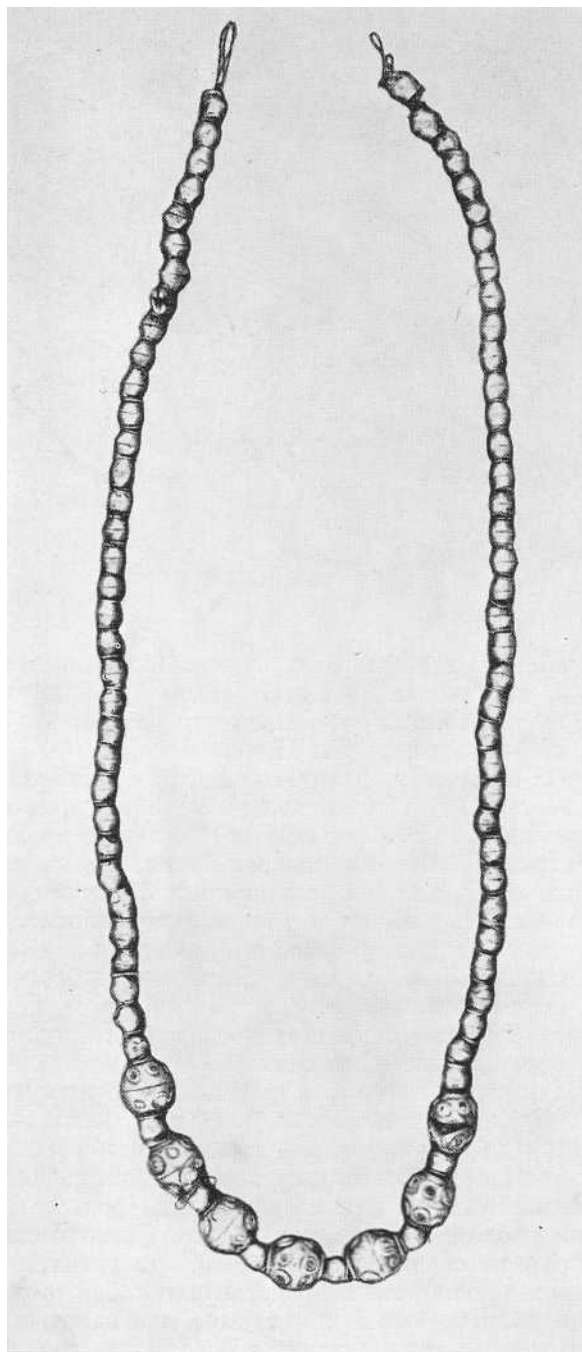
¹⁶⁰ Арт. 5. Гробница I. Издано: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. I, 5, с. 7, МБ 5, с. 49; Minns, *Sc. and Gr.*, p. 431, fig. 321.

¹⁶¹ См., например: ДБК, табл. XI, 2; Pollack, *Samml. Neliidow*, Taf. XIV, Nr. 377; Marshall, *Jewellery*, No. 1961, 1962, 1966, 1975 ff.

¹⁶² Арт. 6. Гробница I. Издано: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. I, 6, с. 7, № 6, с. 49; Minns, *Sc. and Gr.*, p. 431, fig. 321. Длина 0,45 м.

Ив Арт. 45. Гробница II. Издано: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. II, 10, с. 15, № 28, с. 63. Одна крупная бусина очень помята, две распались по шву. Стекловидная масса частично выпала. Согласно объяснению Стефани (ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 65), бусины, из которых составлены ожерелья Арт. 44 и 45, были найдены рассыпанными по гробнице. Стефани говорит, что нитки, на которые они были нанизаны, истлели, и следовательно, «нельзя утверждать, что первоначально все эти бусы составляли одно целое и были нанизаны в таком порядке». Восстановить первоначальный вид ожерелий Арт. 44 и 45 в настоящее время невозможно.

Рис. 13
Ожерелье
из золотых бус

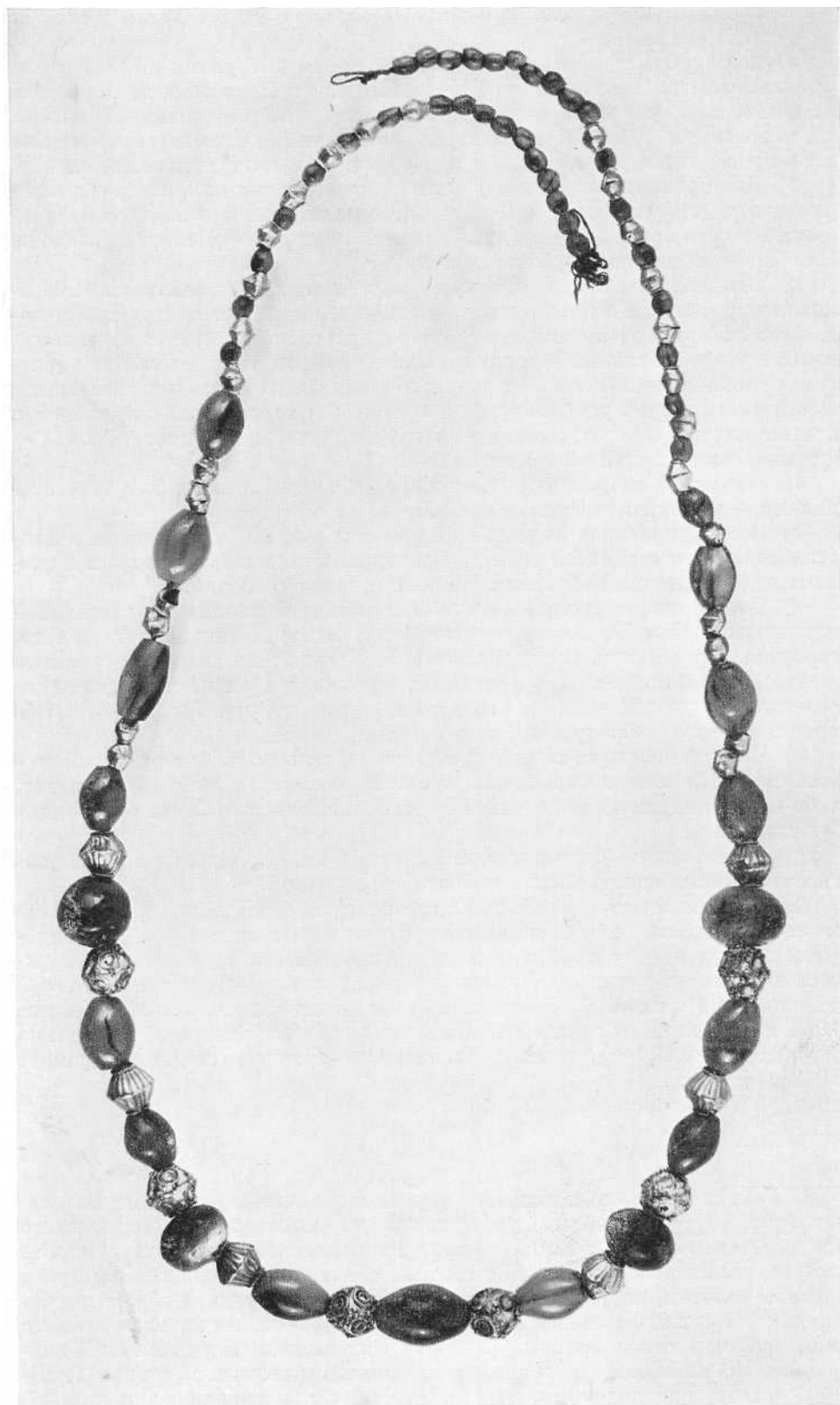
Арт. 45

с другом половинок; на каждой половинке по шесть глазков, сердцевина которых заполнена желтоватой стекловидной массой и окружена проволокой, украшенной группами золотых зерен.

Биконические мелкие бусы принадлежат к самым распространенным изделиям. Они изготовлялись как из золота, так и из камня или смальты. Бусы с глазками, надо думать, делались в подражание стеклянным бусам, известным еще в Древнем Египте. В эпоху эллинизма золотые бусы этого типа имели широкое распространение ¹⁶⁴.

¹⁶⁴ См., например:
Лрт. 4; ДБК, табл. XII,
•3, 4 и XIIa; ОАР за 1865 г.
Спб., 1868, табл. III,
37; 1869, табл. I, 14;
Marshall, *Jewellery*,
pl. XXXV, No. 1952;
pl. XXXIX, No. 2044;
Segall, *Museum*, pl. 18,
Nr. 47.

Рис. 14
Ожерелье

Арт. 4

7. *Низка золотых бус, пронизок и аграфов от ожерелий* (рис. на с. 30)¹⁶⁵. В нее входят:

а) два аграфа¹⁶⁶ в форме полуовала с тремя выступами на основании. Сделаны из золотого листа, на который напаяны пальметки и розетки из филигранны, частично наполненные коричневой стекловидной массой. На обороте петля и два ушка. Аграфы этого типа часто встречаются как в Северном Причерноморье, так и в других областях античного мира¹⁶⁷.

б) Две пронизки овальной формы с украшениями из филигранны и коричневой стекловидной массы¹⁶⁸. Сделаны из золотого листа с напаянными на него орнаментами (кружки, пальметки) из рубчатой проволоки. На оборотной стороне трубочки для шнура.

в) Одиннадцать пронизок в виде ромба и двух треугольников¹⁶⁹. Пронизки вырезаны из золотого листа, на который напаяны следующие украшения: по краю очень мелкая рубчатая проволока; в местах соединения ромба с треугольниками мелкие кружки с частично сохранившейся коричневой стекловидной массой; в треугольниках пятилепестковые розетки; у шести экземпляров ромб перерезан в середине горизонтальной линией и покрыт сплошь зернью; на пяти других экземплярах в центре ромба — штампованная голова сатиры или маска.

На оборотной стороне пронизок в местах соединения ромба с треугольниками — маленькие петельки для шнура.

г) Восемь пронизок овальной формы с рельефным орнаментом в виде стилизованного гераклова узла¹⁷⁰. Сделаны из двух штампованных и спаянных друг с другом половинок. На концах гладкие ободки.

д) Две пронизки ажурные из гранулированной проволоки, завязанной геракловым узлом¹⁷¹. В центре помещается гнездо из такой же проволоки, вероятно для вставки, ныне утраченной. У одной пронизки по сторонам гнезда сохранились четыре маленьких кружка, в трех из них маленькие розетки. У другой, видимо, было только два кружка без вставок. Обе пронизки отличаются друг от друга мелкими деталями.

е) Четыре пронизки ажурные, овальные, сплетенные из рубчатой проволоки¹⁷². На местах скрещения проволок находится либо капля зерни, либо мелкий кружок с коричневой стекловидной массой. Ободки на концах гладкие.

ж) Шестнадцать биконических малых бусин. Сделаны из двух спаянных половинок; концы обвиты рубчатой проволокой.

8. *Низка золотых и сердоликовых бус* (рис. 14)¹⁷³. Золотые бусы состоят из двадцати семи биконических бусин малых, шести больших биконических, сделанных в той же технике, как малые, но с ребристой поверхностью, и шести бусин сферической формы с глазками, покрытыми серой стекловидной массой. Сердоликовые бусы: четырнадцать больших (длина 0,011 м) и тридцать семь малых гладких бусин в форме эллипса (длина от 0,005 до 0,003 м); четыре бусины шаровидные, гладкие (диаметр 0,012 м)¹⁷⁴.

Гривны

1. *Гривна* в виде несомкнутого обруча с львиными головками на концах (рис. 16)¹⁷⁵. Ее полый ствол сделан из довольно тонкого золотого листа. Съёмные наконечники состоят из двух спаянных друг с другом частей: стилизованной львиной головы, сделанной, по-видимому, путем набивки золотого листа на твердую модель и последующей обработки чеканом¹⁷⁶, и гривы льва — короткой гладкой трубочки, несколько большего диаметра, чем ствол гривны. Львиные головы и шеи украшены филигранью. По аналогии со сходными изделиями (например, гривна Куль-Обы) можно предположить, что грива льва была декорирована цветной

¹⁶⁵ Арт. 44. Гробница II. Издана: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. II, 11, с. 15, № 29, с. 65. Длина всей низки 0,45 м.

¹⁶⁶ Длина 0,036 м. У одного аграфа недостает розетки и утрачена вся стекловидная масса.

¹⁶⁷ См., например: ОАК за 1882—1888 гг. Спб., 1891, табл. II, 1е, с. 44 (аграфы, происходящие из Анапы, — почти точные повторения аграфов Арт. 44); ДБК, табл. XXIII, 9, табл. XIIa, 4, табл. XXIII, 7; Marshall, *Jewellery*, pl. XXXIV, No. 1946.

¹⁶⁸ Длина 0,015 м. Ср.: Marshall, *Jewellery*, pl. XI, No. 2092 ff.

¹⁶⁹ Длина 0,015 м. Ср.: ОАК за 1882—1888 гг. Спб., 1891, табл. II, 16 (на ромбах голова Горгоны); ДБК, табл. XII, 1, 2; Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, табл. XXII, 4а, 4б (из погребения конца II—I в. до н. э.); Нелов Д. Б. Некрополь Танаиса. — МИА, 1961, № 98, табл. XXXIV, 1, с. 78; ОАК за 1900 г. Спб., 1903, с. 36, рис. 91.

¹⁷⁰ Длина 0,02 м. Аналогии: ДБК, табл. XII, 1, 2; ОАК за 1869 г. Спб., 1871, табл. I, 15; Шелов Д. Б. Некрополь... табл. XXXIV, 4, с. 78; Marshall, *Jewellery*, pl. XXXIX, No. 2013; pl. XLI, No. 2122; Curtis C. D. *Jewelry and Gold Work*. Roma, 1925, No. 44, Pl. IV, fig. 2.

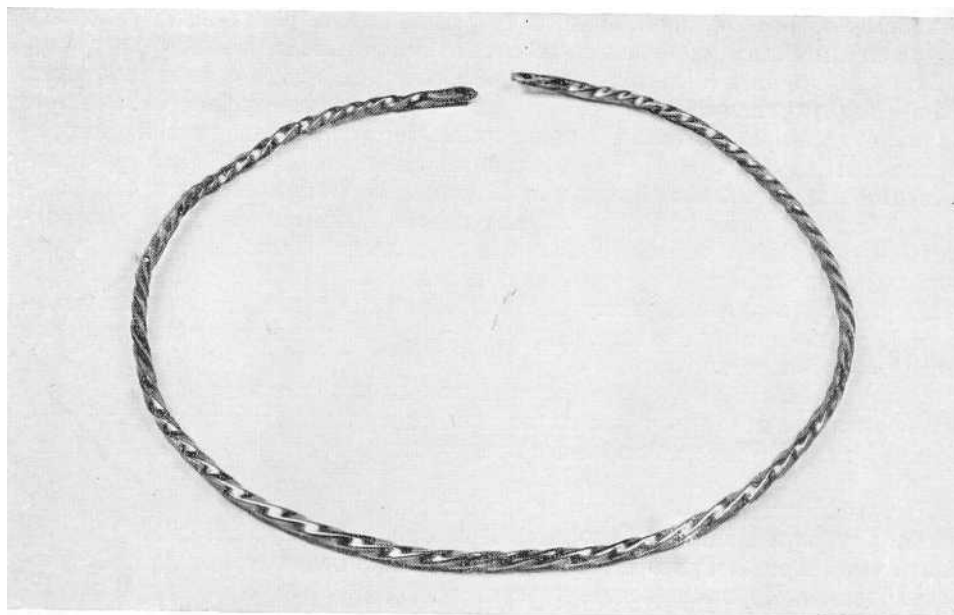
Пронизки в форме гераклова узла встречаются в Египте на украшениях времени XII династии; см.: Morgan J. de. *Fouilles a Dachour*. Vienne, 1895, p. 60, № 3; p. 61, № 13—15, pl. XX, XVI.

¹⁷¹ Длина 0,017 м. Аналогии: ДБК, табл. XXIII, 1, 4, 6; Segall, *Museum*, Nr. 90 (здесь указаны дальнейшие аналогии).

¹⁷² Длина 0,02 м. Аналогии: ДБК, табл. XII, 3; Marshall, *Jewellery*, No. 2071; Zahn. *Samml. Schiller*, Taf. 53, Nr. 125b. Сплетенные таким образом сетки встречаются и на других изделиях. См.: Segall, *Museum*, Nr. 35; Amandry, *Coll. Stathatos*, № 253, 254; Marshall, *Jewellery*, pl. XXXIX, No. 2030, 2070; Vernier E. *Op. cit.*, № 5203; ср.: Morgan J. de. *Délégation en Perse*. Paris, 1905, vol. 8, pl. IV, № 1 (гривна). Подобные пронизки из фаянса см.: Beck, *Beads*, p. 19, fig. A. 3 (Египет, XII династия).

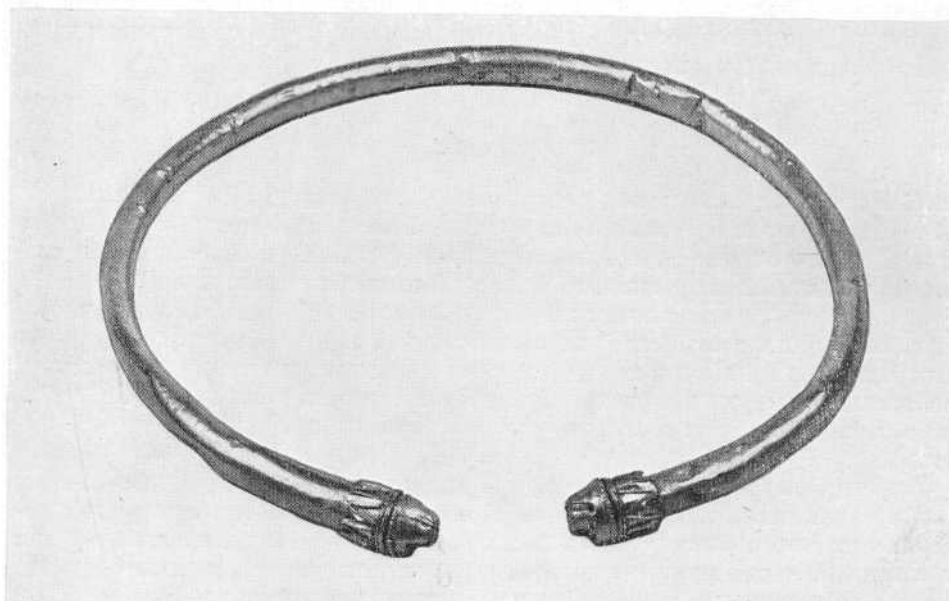

Рис. 15
Гривна

Арт. 42

Рис. 16
Гривна

Арт. 2

¹⁷³ Арт. 4. Гробница I. Издана: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. I, 4, с. 7, № 4, с. 48; Minns, *Sc. and Gr.*, p. 431, fig. 321. Относительно этого ожерелья Стефани (ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 48) говорит: «Античная нитка совершенно истлела и должна была быть заменена новой;

но кажется, что все те части, которые употреблены для воспроизведения этого ожерелья, принадлежали к нему уже с самого начала».

¹⁷⁴ Три бусины несколько приплюснуты; одна из них с прослойкой оникса.

¹⁷⁵ Арт. 2. Гробница I. Издана: ОАК за 1880 г.

Спб., табл. I, 2, с. 7, № 2 с. 48; Minns, *Sc. and Gr.*, p. 431. Диаметр 0,141 м. Ствол помят и в нескольких местах надорван.

¹⁷⁶ Описание техники изготовления небольших полых головок из листового золота см.: АМ, 1925 Вд. 50, S. 184 ff.

стекловидной массой, заполнявшей треугольники, образованные наложенной на золотой лист проволокой, но следов от вставок не осталось.

Золотые гривны с гладким стволком и наконечниками в виде звериных голов—вид украшений, заимствованный из Персии,—имеют на Боспоре довольно длинную историю. Характерная черта древних гривен (например, гривны из Куль-Обы)¹⁷⁷ — реализм львиных головок и богатство орнаментации наконечников. Гривна из Курджипса¹⁷⁸ отличается ярко выраженной стилизацией головы грифона и обеднением орнамента наконечника. Арт. 2 идет в этом отношении еще дальше. Львиные головы трактованы очень схематично, орнаментация на наконечнике сведена к простому рельефному линейному рисунку. Таким образом, гривна Артюховского кургана принадлежит к старому боспорскому типу, но носит явные признаки дегенерации.

2. *Витое шейное кольцо* со сплюснутыми гладкими концами, в которых проделаны отверстия для сцепления их при помощи шнура или проволоки (рис. 15)¹⁷⁹. Сделано из четырехгранного крученого дрота в той же технике, что и браслеты Арт. 50, 51.

Крученые гривны из четырехгранного металлического дрота, видимо, вошли в употребление в Северном Причерноморье значительно позднее гривен типа Арт. 2. Гривна, имеющая несколько отличную от Арт. 42 форму, найдена в Чертомлыкском кургане¹⁸⁰. Единичные экземпляры происходят из Томаковки¹⁸¹ и Смелы¹⁸². В большом числе подобные сделанные из серебра гривны встречаются в Дакии¹⁸³. Местом их изготовления Н. Феттих считает Ольвию I в. до н. э. и первой половины I в. н. э., но бытовали они в этих краях и много позднее. Пути развития этого типа гривен нуждаются в дальнейшем исследовании¹⁸⁴

Браслеты

1. *Пара браслетов* в виде свернувшейся в кольцо змеи (рис. 17)¹⁸⁵. Браслеты сделаны из узкой, тонкой золотой полоски с утолщением посредине и почти совсем не орнаментированы (только на отвернутых в сторону головах змей небрежной гравировкой намечены глаза и рот).

2. *Пара браслетов* такой же формы (рис. 17)¹⁸⁶. Изготовлены из толстых золотых полосок, более широких, чем у Арт. 48, и имеющих в разрезе выгнутую форму. На хвосте и шее змеи ряды нарезок в виде угольников изображают чешую. На голове гравировкой обозначены глаза. Голова и хвост змеи отвернуты в сторону (так же как на предыдущей паре браслетов).

Золотые украшения подобной формы были широко распространены в эпоху эллинизма как в Северном Причерноморье¹⁸⁷, так и в других областях античного мира¹⁸⁸. Носили их большей частью на предплечье или на локтевой части руки¹⁸⁹, но иногда женщины украшали ими бедра¹⁹⁰. Многие из дошедших до нас браслетов отличаются чрезвычайно тонкой и богатой отделкой: голова змеи украшена вставками из граната или изумруда, шея и хвост покрыты мелкими нарезками, прекрасно передающими чешую. По сравнению с такими экземплярами браслеты Артюховского кургана кажутся изделиями очень простыми, непритязательными.

3. *Пара браслетов из крученого четырехгранного дрота*, с несомкнутыми концами (рис. 18)¹⁹¹. Подобные браслеты и гривны встречаются в Дакии в погребениях одного и того же типа и времени¹⁹². То же мы наблюдаем и в Артюховском кургане (см. гривну Арт. 42). Можно думать, что развитие таких гривен и браслетов шло параллельно. Однако на Северном Кавказе, где крученые бронзовые гривны нередко встречаются в погребениях VII—V вв. до н. э., браслеты этого типа отсутствуют. Редки они и в Северном Причерноморье¹⁹³.

¹⁷⁷ ДБК, табл. VIII, 3.

¹⁷⁸ ОАК за 1891 г. Спб., 1893, рис. 58.

¹⁷⁹ Арт. 42. Гробница II. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. II, 8, с. 15, № 26, с. 64. Диаметр 0,116 м.

¹⁸⁰ Древности Геродотовой Скифии. Спб., 1872, т. 2, табл. 37, 9.

¹⁸¹ Там же, табл. 26, 10.

¹⁸² Смела, табл. VI, № 2, 7.

¹⁸³ Fettich N. *Archäologische Beiträge zur Geschichte der sarmatische h-dakischen Beziehungen.*—ААН, 1953, Bd. 3, S. 127—128, 170 ff., Taf. XXI, 2, 2a, 3; Taf. XII; Taf. XIII, 1, 2, 18, 19. На с. 150 дается описание технического процесса изготовления подобных гривен.

¹⁸⁴ На Северном Кавказе бронзовые витые гривны VII—V вв. до н. э. встречаются нередко. См.: Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 189, 206.

См. также: Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. М., 1900, с. 57 и Артамонова-Полтавцева О. А. Культура

Северо-Восточного Кавказа в скифский период.—СА, 1950, XIV, с. 56.

О крученых гривнах в Армении см.:

Тирацян Г. А.

Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V—IV вв. до н. э.—СА, 1964, № 3, с. 66.

¹⁸⁵ Арт. 48, 49. Гробница II.

Изданы: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. II, 14, с. 16, № 35, 36, с. 68.

Диаметр оборота около 0,054 м.

¹⁸⁶ Арт. 11, 12. Гробница I.

Точное место находки неизвестно. Изданы: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. I, 9, с. 8, № 9, 10. Диаметр оборота около 0,05 м.

¹⁸⁷ См.: ДБК, табл. XIV, 1 (Аджи-Мущкай); табл. XIV, 6 (Карантинное шоссе); ОАК за 1882—1888 гг. Спб., 1891, табл. I, 13 (Анапа) и др.

¹⁸⁸ См.: Amandry, *Coll. Stathatos*, № 255—263 (Фессалия); Vernier E. *Op. cit.*, № 52094 (pl. XI1), 52114, 52119, 52123 (Египет); Breglia, *Catal.*, N. 837, 838, pl. XXVIII (Италия).

¹⁸⁹ См.: Vecatti, *Oreficerie*, N. 497, pl. CXII, (предмет из бронзы в виде двух сложенных руд, украшенных браслетами такой же формы из золотого листа); "Archaeology", 1955, No. 44, p. 254, fig. 2 (статуя из Кирены).

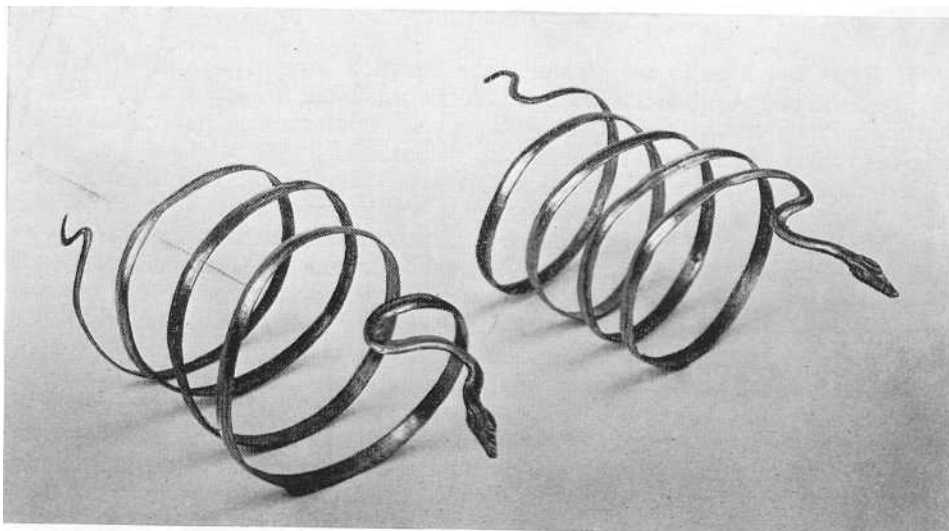
¹⁹⁰ ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. VI, 12.

¹⁹¹ Там же, табл. VI, 12.

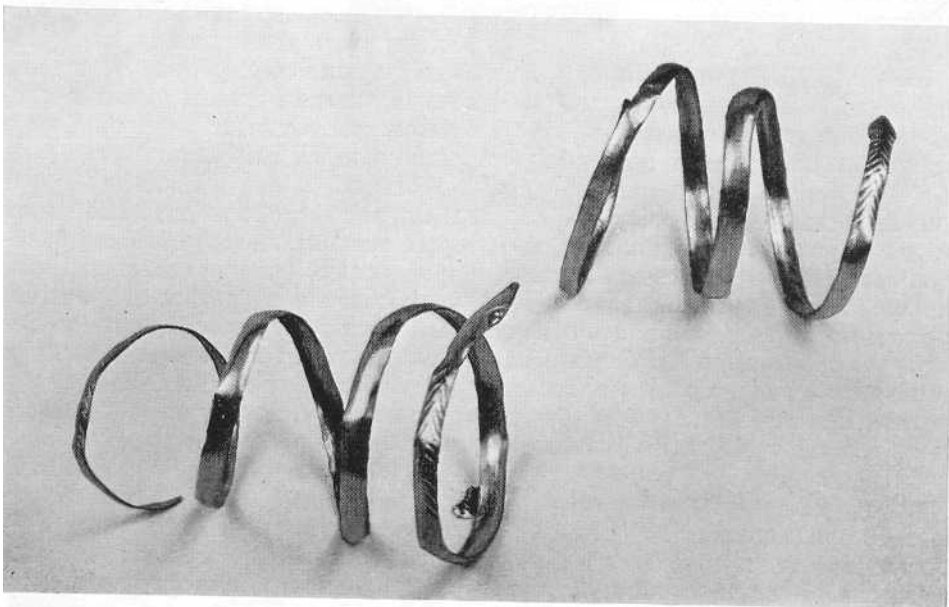
¹⁹² Там же, табл. VI, 12.

¹⁹³ Там же, табл. VI, 12.

Рис. 17
Браслеты в виде змеи

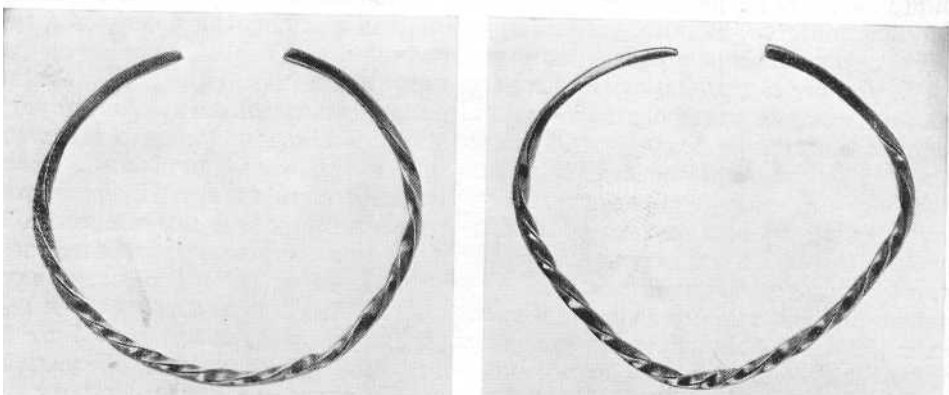

Арт. 48, 49

Арт. 11, 12

Рис. 18
Браслеты
из крученого дрота

Арт. 50, 51

Перстни

1. *Перстень* в виде свернувшейся в спираль змеи (рис. 19)¹⁹⁴ сделан из узкой ковanej полосы золота, снизу плоской; шея змеи уложена в мелкие кольца наподобие восьмерок, голова приподнята, рот, глаза и поперечные складки на шее переданы гравировкой.

Перстни так же, как и браслеты в форме свернувшейся в кольцо змеи, были очень распространены в античном мире, начиная с IV в. и кончая первыми веками н. э.¹⁹⁵, когда они стали изготавливаться путем литья.

2. *Массивный литой перстень* в виде колечка правильной округлой формы (рис. 19)¹⁹⁶ сделан из плотного ровного золотого жгута, поверхность которого покрыта тройными поперечными насечками. Перстень, видимо, долго носили, так как он сильно потерт.

3. *Массивный кованный перстень*, на жуковине которого вырезано изображение Геракла (рис. 19)¹⁹⁷. Жуковина круглая, довольно плотная; широкая плоская шинка согнута неравномерно и образует ломаную кривую. Работа неумелая: контуры перстня нечеткие и поверхность его неровная. Бородатый Геракл стоит, слегка повернувшись влево; левой рукой он опирается на палицу, в правой держит лук и стрелы; львиная шкура накинута на голову. Ступни Геракла не поместились на поверхности жуковины и частично заходят за ее край. Резьба очень посредственная, нечеткая и поверхностная. Судя по потертым краям, перстень долго находился в употреблении. Необычная ширина и угловатость шинки, неровное очертание жуковины и небрежность всей работы позволяют высказать предположение об изготовлении перстня местным мастером. Судя по круглой форме жуковины, перстень не может быть старше конца IV в. до н. э.¹⁹⁸

4. *Перстень с дымчатым халцедоном* (рис. на с. 29)¹⁹⁹. Овальный гладкий халцедон имеет форму скарабеоида. Оправа состоит из двух спаянных друг с другом золотых полосок, из которых верхняя плотно облегает боковую грань камня, а нижняя служит опорой для его основания, прикрывая, однако, только край последнего. К нижней полоске припаяны две втулки, в которые вставлены концы неподвижной шинки перстня. Оправа имеет богатую орнаментацию: бордюр из мелких ов, поясok волны с эмалью в центре завитков, восьмилепестковые розетки с крупной каплей зерни в центре. Шинка составлена из двух крученых жгутиков, на которые наложена толстая гранулированная проволока. Камень отполирован.

Перстень того же типа найден в погребении первой половины II в. до н. э. у Карантинного шоссе²⁰⁰, от этого перстня Арт. 52 отличается богатой орнаментикой оправы. В VI—IV вв. до н. э. скарабеоиды, как правило, снабжались только подвижной золотой шинкой, а собственно оправы не имели. В эпоху эллинизма ювелиры старались слить металический перстень с каменной вставкой, к этому времени относится попытка создания нового вида перстня—скарабеоида с неподвижной золотой оправой. Однако попытка, видимо, успеха не имела, так как перстни подобной формы в дальнейшем распространения не получили.

5. *Перстень с маленьким выпуклым гранатом* (рис. 19)²⁰¹. Жуковина состоит из двух овальных золотых пластинок, наложенных друг на друга; верхняя пластина более тонкая и по своим размерам немного меньше нижней; в ее середине сделан небольшой вырез овальной формы, края которого отогнуты и образуют гнездо, куда вставлен гранат. Поверхность жуковины орнаментирована вокруг гнезда волной из очень мелкой двойной рубчатой проволоки, зернью и гладкой проволокой. Над местом соединения шинки с жуковиной с каждой стороны лежит по маленькому листику плюща, обрамленному золотой проволокой. Шинка состоит из трех спаянных между собой жгутиков—среднего гладкого и боковых из рубчатой проволоки; концы шинки вставлены во втулки, припаянные к оборотной стороне жуковины. Около каждой втулки находится по припаянному к

¹⁹¹ Арт. 50, 51. Гробница II. Один из браслетов издан: ОЛК за 1880 г. Спб., 1882, табл. II, 15, с. 16, № 36, 37, с. 68. Диаметр около 0,075 м.

¹⁹² Fettiçh N. *Op. cit.*, S. 152, Taf. XXV, 1; Abb. 21, Nr. 2, 3.

¹⁹³ ОАК за 1898 г. Спб., 1901, рис. 128, 129.

¹⁹⁴ Арт. 57. Гробница II. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. II, 16, с. 16, № 35, с. 68.

Высота 0,043 м.
¹⁹⁵ ОЛК за 1869 г. Спб., 1871, табл. I, 19, 20; ОАК за 1882—1888 гг. Спб., 1891, табл. II, 6, 16; ОАК за 1894 г., Спб., 1896, с. 61, рис. 83; ДБК, табл. XVIII, 10, 11; Amandry, *Coll. Stathatos*, pl. XII, № 240, 273; Alexander Chr. *Op. cit.*, No. 114; Zahn, *Sammll. Schiller*, Taf. 51, Nr. 3 и указанную там литературу.

¹⁹⁶ Арт. 58. Гробница II. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. III, 12, с. 16, № 44, с. 79. Диаметр 0,021 м. На поверхности имеются небольшие изъяны.

¹⁹⁷ Арт. 105. Гробница III. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. IV, 7, с. 22, № 16, с. 90. Диаметр жуковины 0,024 м.

¹⁹⁸ Marshall, *Finger-rings*, No 85—89, pl. III, IV.

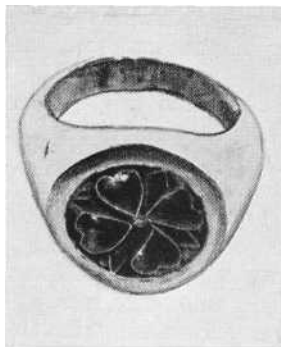
¹⁹⁹ Арт. 52. Гробница II. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. III, 6, с. 16, № 39, с. 76; Minns, *Sc. and Gr.*, p. 431, fig. 321. Длина жуковины 0,033 м. От эмали сохранились только крошки.

²⁰⁰ ЖМВД, 1839, табл. II, 17; А ш и к А. Б. Воспорское царство. Одесса, 1848, рис. 199. См. также: Coche de La Ferte, *Vijoux*, pl., XXIV, № 1; ВСН, 1961, vol. 85, p. 258, pl. V, 3 (камень с Кипра вставлен в настоящее время в оправу, относящуюся к другой эпохе).

²⁰¹ Арт. 14. Гробница I. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. I, 14, с. 8, № 15, с. 53. Длина жуковины 0,016 м. У трех листков эмали выпала.

Рис. 19
Перстень со щитком,
украшенным
стеклянной мозаикой
Перстень с гранатом
Перстень
со стеклянной вставкой

Арт. 13, 14, 15

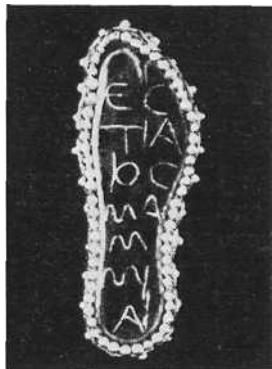

Перстень со щитком
в виде сандали

Деталь перстня
со щитком в виде
сандалии

Перстень
с куском железа
в жуковине

Арт. 53, 56

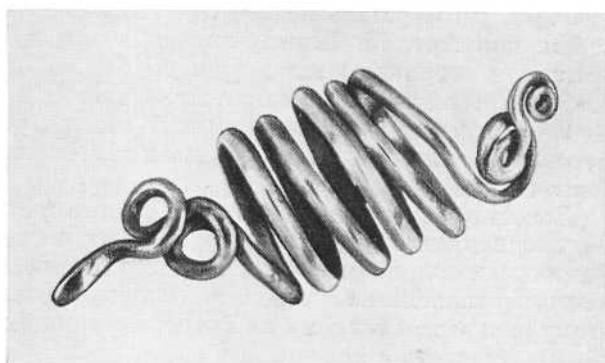
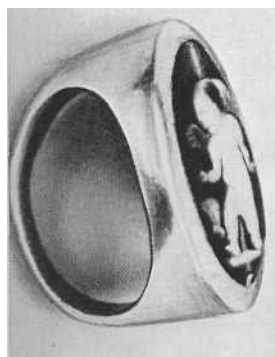

Перстень с камеей

Камень перстня
с изображением Эроса,
ловящего бабочку

Перстень в виде змеи

Арт. 55, 57

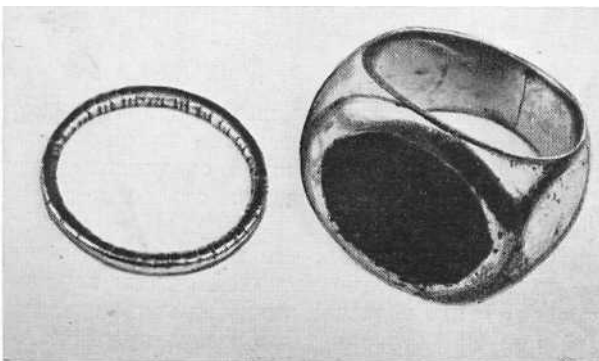

Перстень-колечко

Перстень
с куском железа
в жуковине

Перстень
с изображением
Геракла

Арт. 58, 84, 105

жгутам маленькому листику плюща; они были покрыты ныне почти исчезнувшей голубой стекловидной массой; у верхнего конца каждого листика—по золотому зернышку.

Перстни подобной формы редки²⁰². Они свидетельствуют о творческих поисках ювелиров, пытавшихся соединить золотой перстень с каменной вставкой.

6. *Перстень с овальным плоским литиком красного цвета* (рис. 19)²⁰³. Перстень сделан из листового золота. Он собран из двух вырезанных из золотого листа, сформованных на твердой модели и спаянных друг с другом частей. Одна из них образует поверхность шинки и дно жуковины; второй пластине придана выгнутая форма, она образует внешние поверхности шинки и боковые поверхности гнезда. Внутри перстень полый. Литик укреплен в жуковине при помощи особой узкой золотой полоски, внешний край которой припаян к жуковине, а внутренний прижат к краю литика.

Этот способ изготовления полых золотых перстней из двух особым образом вырезанных и обработанных, а затем спаянных друг с другом кусков золотого листа вошел в первые века н. э. в широкое употребление. Более поздние перстни этого типа заполнялись сернистой массой, что придавало им прочность.

7. *Перстень с выгнутым овальным гранатом*, на котором вырезана женская фигура в длинной одежде, повернутая в профиль влево²⁰⁴. Полый перстень сделан из двух кусков плотного золотого листа таким же способом, как предыдущий. Вставка удерживается в гнезде благодаря тому, что она заполняет всю его полость, а края гнезда плотно прижаты к камню. Гранат отполирован, изображение оставлено матовым. Фигура (возможно, это Артемида) вырезана очень небрежно, детали неясны (в левой руке, по-видимому, пантера, а за спиной что-то, похожее на колчан).

8. *Перстень со вставкой* в виде необработанного куска железа (рис. 19)²⁰⁵. Перстень полый, сделанный из листового золота тем же способом, как Арт. 15. Шинка внутри ничем не заполнена, золотые листы памяти и соприкасаются друг с другом во многих местах. Гнездо представляет собой простой вырез в жуковине.

9. *Перстень* с такой же вставкой, как у Арт. 56 (рис. 19)²⁰⁶. Перстень массивный, литой. По форме близок к перстню Арт. 55, но гнездо у него более плоское.

Золотые и железные перстни с такими же вставками, как у Арт. 56 и 84, неоднократно встречались в богатых погребениях Боспора²⁰⁷. Л. Стефани высказал предположение, что перстни подобного рода носились в качестве талисманов²⁰⁸. Действительно, трудно дать другое объяснение этому распространенному на Боспоре странному обычаю.

10. *Перстень с камеей*, изображающей Эрота, ловящего бабочку—Психею (рис. на с. 29)²⁰⁹. Полый перстень изготовлен тем же способом, как Арт. 15. Камея вырезана на трехслойном сардониксе, нижний слой (фон) темно-синий, средний (тело Эрота) —белый с голубоватым оттенком, верхний (волосы Эрота и бабочка) —коричневый. Поверхность камня отполирована (см. также рис. 19).

Этот памятник интересен прежде всего тем, что его камея, как заметил еще А. Фуртвэнглер, первоначально имела другую оправу²¹⁰. В просверленном в камне продольном отверстии и сейчас заметен кусок золотой проволоки—остаток подвижной дужки, концы которой соединялись при помощи золотой проволоки, пропущенной через сквозное отверстие в камне. Это обычная оправа резных камней V, IV и начала III в. до н. э. Впоследствии камея была вставлена в перстень, что интересно отметить как наиболее ранний пример появления вполне развитой формы перстневой оправы резного камня, которая стала ведущей в период позднего эллинизма и в первые века нашей эры. Это позволяет высказать предположе-

²⁰² Furtwangler, *Beschreibung*, Nr. 1130 (эпоха эллинизма).

²⁰³ Арт. 15. Гробница I. Издан: ОАК за 1880 г. СПб., 1882, табл. I, 15, с. 16, с. 53 (Стефани неправильно называет литик сердоликом). Длина жуковины 0,015 м. Золотой ободок гнезда сильно помят. Помята нижняя часть шинки; швы здесь частично распались.

²⁰⁴ Арт. 54. Гробница II. Издан: ОАК за 1880 г. СПб., 1882, табл. III, 10, с. 16, № 42, с. 79. Диаметр 0,021 м.

²⁰⁵ Арт. 56. Гробница II. Издан: ОАК за 1880 г. СПб., 1882, табл. III, 11, с. 16, № 43, с. 79. Диаметр 0,021 м. Железо разрушено коррозией.

²⁰⁶ Арт. 84. Гробница II. Издан: ОАК за 1880 г. СПб., 1882, табл. II, 2, с. 15, № 17, с. 79. Диаметр 0,021 м. Железо сильно окислилось.

²⁰⁷ См., например: ОАК за 1876 г. СПб., 1879, табл. II, 3, 4 (Ак-Бурун); см. также: Эрмитаж, инв. Зел. 32 — железный, обтянутый золотым листом перстень из земляного склепа Зеленского кургана; Арт. NO и 128 — железные перстни, найденные на костяках женщины и мужчины в гробнице III Артюховского кургана.

²⁰⁸ ОАК за 1876 г. СПб., 1879, с. 111. Стефани склонен был считать куски железа в перстнях метеоритами. Он приводит цитаты из древних авторов, свидетельствующие о том, что метеоритам приписывали сверхъестественную силу. Ср.: Frazer J. G. *The Golden Bough*. London, 1912, vol. 3, p. 244 ff. (Здесь собраны многочисленные примеры суеврий, связанных с железом).

²⁰⁹ Арт. 55. Гробница II. Издан: ОАК за 1880 г. СПб., 1882, табл. III, 9, с. 16, № 41, с. 78; Minns, *Sc. and Gr.*, p. 431; Furtwangler, *A. G.*, Bd. 1, S. 152, Abb. 106. Ширина 0,025 м; высота 0,027 м.

²¹⁰ Этот случай не единичен. См. львиный псевдоскарабей из Васюринской горы (ОАК за 1870—1871 гг. СПб., 1874, табл. VI, 21).

ние, что новая форма оправы резных камней—перстневая—была окончательно выработана примерно в середине II в. до н. э.

Что касается вырезанного на камее изображения, заимствованного из сказки об Эроте и Психее (рис. 19), то оно принадлежит к очень распространенным в глиптике эпохи эллинизма и первых веков нашей эры сюжетам²¹¹. Эрот представлен здесь в виде мальчика, а не юноши, что также говорит против ранней датировки камеи.

11. *Перстень*, в жуковине которого помещается изображение цветка, исполненного в технике перегородчатой стеклянной мозаики (рис. 19)²¹². Перстень полый, сделанный из листового золота, в той же технике, что Арт. 15. Жуковина круглая; верхний край ее боковых стенок загнут внутрь по горизонтали и образует рамку для цветка, заполняющего гнездо. У цветка четыре широких лепестка в форме сердечка, между ними четыре узких язычка и круглая сердцевина. Очертания цветка составлены из тонких золотых пластинок, согнутых согласно намеченному рисунку, поставленных на ребро и, по-видимому, припаянных к днищу гнезда. Все составные части цветка, а также промежутки между цветком и внешним краем гнезда были заполнены стекловидной массой, от которой сохранились остатки серовато-желтого цвета.

Нам не известно ни одного античного перстня, который можно было бы привести в качестве аналогии к Арт. 13, но совершенно такой же цветок, исполненный в той же редкой технике, украшает диск булавки Арт. 7, а также хранящийся в Лувре медальон, происходящий из Амиса²¹³.

12. *Перстень с жуковиной* в форме подошвы сандалии (рис. 19)²¹⁴. Богато украшен филигранью, зернью, гранатами и стеклом. Шинка состоит из двух уложенных рядом золотых жгутиков, завязанных геракловым узлом; сверху к узлу припаяна золотая чашечка, которая служит оправой для выпуклого граната. На обе части шинки наложено сверху по узкой пластинке с зубчатыми краями; пластинки имитируют лист аканфа, по их краям и середине проложена мелкая рубчатая проволока. Концы шинки припаяны к днищу жуковины, сделанной из листового золота; днище гладкое, по боковой поверхности идет ряд двойных спиралей из гранулированной проволоки с крупной каплей зерни в центре каждой спирали; гранулированная проволока украшает и край гнезда, заполненного черной стекловидной массой, в которую вставлены стоймя маленькие золотые пластинки, образующие буквы надписи: ΕΣΤΙΑΙΟΓ ΜΑΜΜΙΑΙ—Гестией подарил Маммии.

Арт. 53 не единичен по своей форме среди античных ювелирных изделий. Близок к нему как по форме жуковины, так и по богатству отделки золотой перстень, хранящийся в Британском музее²¹⁵, а также золотой перстень Берлинского аптиквариума, более простой по отделке, но также снабженный жуковиной в форме подошвы сандалии²¹⁶. По-видимому, эти вещи имели отношение к каким-то суевериям древних греков²¹⁷.

Надпись, читаемая на жуковине Арт. 53, несомненно, принадлежит к категории дарственных надписей, довольно часто встречающихся на перстнях²¹⁸. Имя дарителя, Гестией, было хорошо известно на Боспоре, в частности, оно встречается шесть раз в известной горгиппийской надписи со списками победителей на играх²¹⁹. То же можно сказать и о женском имени Маммия²²⁰. Поскольку перстень Арт. 53 был, видимо, собственностью женщины, похороненной в гробнице II, то можно предположить, что она носила имя Маммия, а дарителем перстня был похороненный рядом с ней ее супруг Гестией. В таком случае весьма вероятным становится и изготовление перстня ювелиром, работавшим на Боспоре, скорее всего в Пантикапее.

Это предположение особенно интересно ввиду большой редкости техники, примененной при изготовлении последних двух перстней. Еще Н. П. Кондаков обратил внимание на перстни Арт. 13 и 53, а также на булавку Арт. 7 как на редкие примеры определенной подготовительной

²¹¹ См., например: Walters H. B. *Catalogue of the Engraved Gems and Cameos, Greek, Etruscan and Roman, in the British Museum*. London, 1926, No. 1468—1475.

²¹² Арт. 13. Гробница I. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. I, 13, с. 8, № 14, с. 52; Minns, *Sc. and Gr.*, p. 431; Rosenberg M. *Op. cit.*, S. 37, Abb. 49, 50; Higgins R. A. *Greek and Roman Jewellery*. . . , p. 174, fig. 28. Диаметр гнезда 0,015 м; высота перстня 0,015 м. От стеклянной массы (судя по рисунку в ОАК, она была цела) в настоящее время сохранились только остатки в сердцевине и некоторых узких листиках. См. также: Ск. и Б., с. 276 (цветок описывается как шиповник с четырьмя зелеными листьями).

²¹³ *A Survey of Persian Art*. . . , p. 779 ff. (E. Margulies). Автор сопоставляет здесь булавку из Артоховского кургана (ошибочно названного Azzu-Klara) с медальоном в Лувре, произвольно относя оба предмета к эпохе Сасанидов. Ср. также найденный в Херсонесе кружок из двух слоев стекла — белого и синего — с виноградными листиками, контуры которых обозначены золотыми пластинками (ОАК за 1902 г. Спб., 1904, с. 45),

и стеклянную пластинку (рис. 22) из Эмезы ("Syria", 1952, vol. 29); Seyrig H. *Antiquités Syriennes. Série 5*. Paris, 1958, p. 44—46, pl. XXVII, 8.

²¹⁴ Арт. 53. Гробница II. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. 111, 7, 8, с. 16, № 40, с. 76; ср. с. 26; Rosenberg M. *Op. cit.*, S. 38, Abb. 54; Minns, *Sc. and Gr.*, p. 431; Higgins R. A. *Greek and Roman Jewellery*. . . , p. 174, fig. 29. Диаметр шинки 0,025 м. На стеклянной массе три дырочки.

²¹⁵ Marshall, *Finger-rings*, No. 946, pl. XXIV.

²¹⁶ Furtwängler, *Beschreibung* Nr. 965.

²¹⁷ Толкование этого изображения, предложенное Л. Стефани и принятое М. Розенбергом, вряд ли нуждается в опровержении.

²¹⁸ Marschall, *Finger-rings*, pl. XXIX.

²¹⁹ IOSPE, т. 4, № 432; Корпус боспорских надписей. М.—Л., 1965, 1137.

²²⁰ IOSPE, т. 2, № 246; т. 4, № 321, 381 и 382; Корпус. . . , 281, 427, 460, 797. См.:

ступени в процессе создания техники перегородчатой эмали²²¹. В этой же связи они были упомянуты в названных выше работах М. Розенберга и Э. Маргулиеса. К сожалению, степень сохранности Арт. 13 не позволяет в настоящее время проверить, в каком состоянии стекловидная масса была введена в пустоты между золотыми перегородками—холодном или расплавленном. Ввиду того, что золотые пластинки не образуют замкнутых вместилищ и стекловидная масса заполняет все гнездо, нам кажется более вероятным, что стекло было введено в жуковину перстня Арт. 53 в жидком или полужидком состоянии, после чего в него были вставлены золотые пластинки. Такая техника применена, например, при изготовлении золотого перстня из Курджипса²²², где золотая пластинка, изображающая танцующую женщину, находится в толще синего стекла, заполняющего жуковину перстня²²³.

Медальоны

1. *Круглый медальон* с рельефным изображением Афродиты и Эроса (рис. 20)²²⁴. Сделан из довольно тонкого листового золота; край плоский, фигуры даны в низком, а голова богини в высоком рельефе. Рельефное изображение сделано путем набивки золотого листа на твердую модель, после чего медальон подвергся доработке от руки. Афродита изображена в фас. На голове ее стефана, на груди хитон с узорчатым бортом; поверх хитона узкая перекрещивающаяся на груди перевязь. Мальчик Эрот сидит на левом плече Афродиты, левая рука касается лица богини, а ноги окутаны ее плащом; за его спиной видно крылышко. За правым плечом Афродиты неясный предмет. Скорее всего, это скипетр²²⁵, часто встречающийся на подобных группах. По краю медальона идет гранулированная проволока, а по плоскому его борту ряд ов, которые, вероятно, были заполнены стекловидной массой и обрамлены тонкой рубчатой проволокой. На фоне ряд коротких нарезных черточек и зигзагов. К оборотной стороне медальона припаяны две небольшие уложенные горизонтально золотые трубочки для шпуров.

2. *Круглый медальон* с рельефным изображением Афродиты и Эроса (рис. 20)²²⁶. По технике изготовления, композиции группы и орнаментации очень близок к предыдущему. Плоский борт украшен резным орнаментом. Верхний край фона обрамлен полосой рельефных ов. Группа Афродиты и Эроса передана примерно в той же схеме, что и на медальоне Арт. 8, но голова богини, украшенная диадемой, больше повернута в сторону и волосы ее зачесаны на виски. Складки хитона, шея и правое плечо Афродиты не очень отчетливы; на шее, по-видимому, ожерелье, а на правом плече застежка. Эрот держит в руке предмет, похожий на горит. К центру оборотной стороны медальона припаяна петля для шнуров.

Назначение медальонов Арт. 8 и 46 и аналогичных им изделий, в большом числе обнаруженных как в Северном Причерноморье, так и в других областях античного мира, было правильно определено Л. Стефани²²⁷. С помощью припаянных к оборотной стороне трубочек и петель медальоны скрепляли на груди перекрестные перевязи, которые женщины часто носили поверх одежды. Факт находки обоих медальонов из Артоховского кургана на груди женских костяков подтверждает это предположение. Иллюстрацией к такому применению подобных медальонов могут служить и некоторые античные памятники, например, найденная на Кипре terrakotная статуэтка²²⁸, золотая серьга в виде сфинкса²²⁹, медальон из Фессалии²³⁰ и некоторые надгробные рельефы из Пальмиры²³¹. П. Амандри, издавший упомянутый медальон из Фессалии, приводит многочисленные аналогии из разных областей античного мира и отмечает широко распространенную в эпоху эллинизма моду на подобные изделия, в частности, применение их в перекрестных перевязях.

Kieseritzky G., Watzinger C. *Op. cit.*, Nr. 248, 314, 331. См. также: Zgusta L. *Die Personenamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste*. Praha, 1955, § 600.

²²¹ Кондаков Н. П. История и памятники. . . , с. 15.

²²² ОАК за 1896 г. Спб., 1898, с. 63, рис. 300; с. 152, рис. 503а.

²²³ Ценным добавлением к упомянутым выше трудам по истории развития техники перегородчатой эмали являются замечания Р. В. Смита, приведенные в упомянутой статье А. Серига. Здесь перечисляются еще несколько предметов, исполненных в этой технике.

²²⁴ Арт. 8. Гробница I. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. I, 16, с. 8, № 17, с. 53. Диаметр 0,03 м. Золотой лист на шее и груди Афродиты и у фигурки Эроса порван, и на это место изнутри положена золотая заплата.

²²⁵ См., например: ОАК за 1876 г. Спб., 1879, табл. III, № 38, 39; ОАК за 1895 г. Спб., 1897, с. 62, рис. 141.

²²⁶ Арт. 46. Гробница II. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. II, 13; ср.: с. 16, № 31, с. 67. Диаметр 0,034 м. Голова богини сформована отдельно и вставлена в медальон. На это указывают надставки и заплаты на оборотной стороне изображения. Имеются небольшие повреждения на лице и голове богини и на фоне у ее головы, вмятина у правого плеча.

²²⁷ ОАК за 1870 г. Спб., 1874, с. 166; ОАК за 1876 г. Спб., 1879, с. 150; ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 53, 67.

²²⁸ Gjerstadt E. *Swedish Cyprus Expedition*. Stockholm, 1937, vol. 3, p. 594, pl. 201, No. 5.

²²⁹ Becatti, *Orefecerie*, tav. CIV, N. 393.

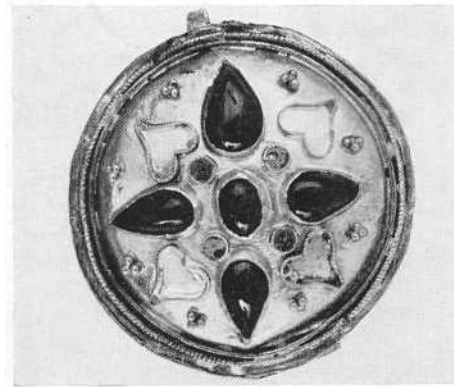
²³⁰ Amandry, *Coll. Stathatos*, pl. XL, № 235, p. 99 ff.

²³¹ Ingholt M. H. *Studier over Palmyrensk skulptur*. København, 1928, s. 149, nr. 4, anm. 1.

Рис. 20
Медальоны
с изображением
Афродиты и Эроса
Медальон-застежка

Арт. 8, 46

Арт. 83

Эта мода проникла и в Северное Причерноморье, где она удержалась до первых веков нашей эры. Количество открытых здесь памятников такого рода весьма значительно²³², причем на них неизменно фигурирует группа Афродиты с одним или двумя эротами—композиция, в различных вариантах повторяющаяся и на других памятниках, происходящих из Боспорского царства, в том числе и на найденном в Тиритакке штампе²³³. Популярность подобной композиции в Северном Причерноморье неоднократно привлекала внимание исследователей, ставивших это явление в связь с культом Афродиты Апатуры²³⁴. Высказывалось также предположение, что группа Афродиты и Эроса—повторение, пусть весьма свободное, культовой статуи Афродиты Апатуры. Однако, с другой стороны, нельзя упустить из виду, что эта группа изготовленных на Боспоре медальонов с точки зрения композиции находится под прямым влиянием подобных же изделий, широко известных во всем античном мире.

3. *Круглый медальон-застежка*, украшенный гранатами и голубой стекловидной массой (рис. 20)²³⁵. Сделан из довольно плотного золотого листа. На средней, немного выпуклой, части медальона из припаянной к нему гладкой проволоки образовано несколько гнезд для цветных вставок: в центре помещается гранат, вокруг расположены четыре таких же граната, чередующихся с четырьмя вставками в форме листа плюща, где сохранились остатки голубой стеклянной массы; такой же массой были заполнены четыре маленьких кружка, находящихся между листьями и центральным гранатом; ближе к борту восемь пучков зерни. На оборотной стороне медальона сохранилась часть застежки—ушко, служившее для закрепления в нем основания иглы, а на противоположной стороне—узкая пластинка с загнутыми концами, куда вставлялся кончик иглы.

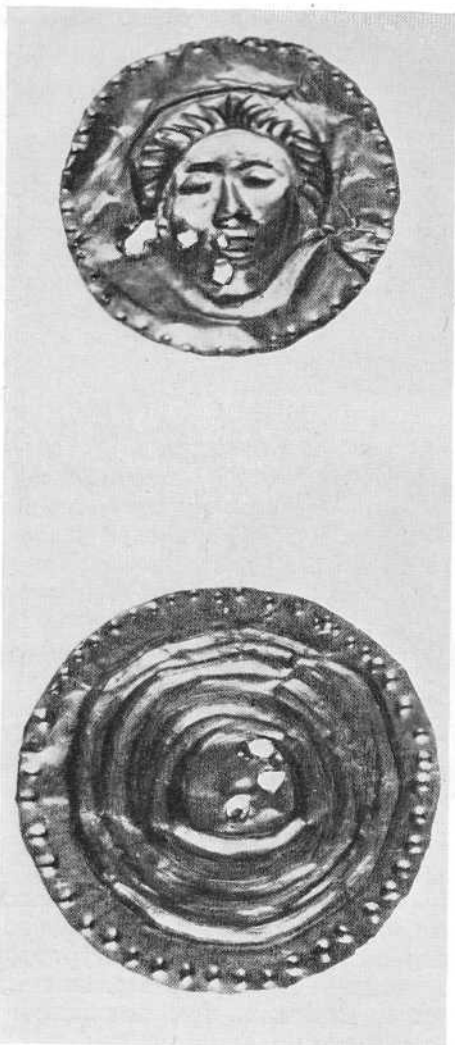
²³² См.: ИАК, 1913, вып. 47, с. 28, примеч. 1 (перечень подобных медальонов).

²³³ Гайдукевич В. Ф. Находка античного бронзового штампа в Тиритакке.—СА, 1940, VI, с. 298—301.

²³⁴ Литературу по данной теме см.: Иванова А. П. К вопросу о культе Афродиты на Боспоре.—ВДИ, 1950, № 3, с. 104—109.

²³⁵ Арт. 83. Гробница II. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. II, 3; с. 15, № 18, с. 61; Minns, *Sc. and Gr.*, p. 431, fig. 321. Диаметр 0,03 м.

Рис. 21
Бляшки

Арт. 16, 47

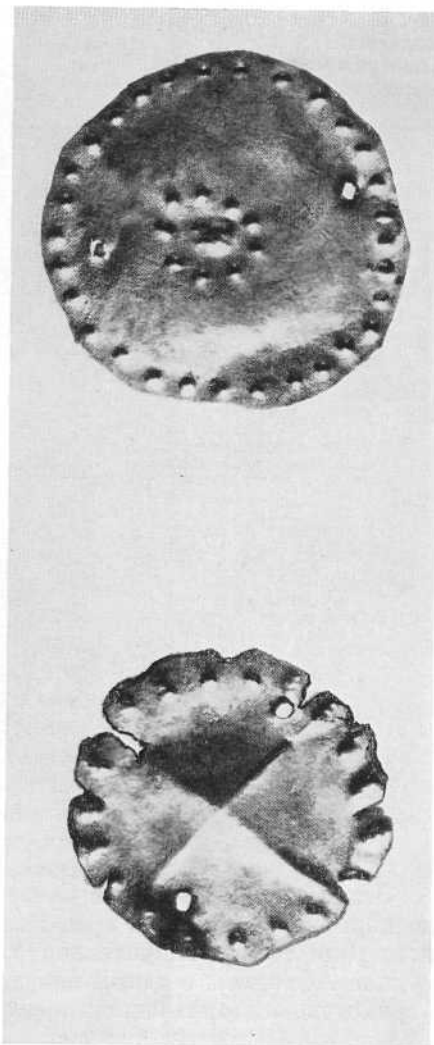
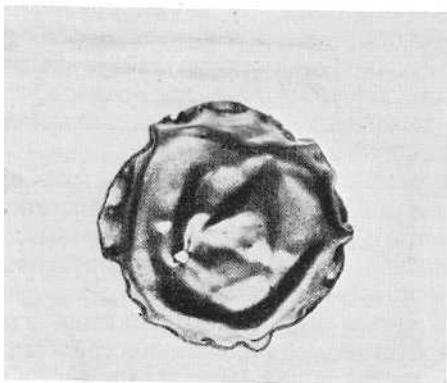

Рис. 22
Бляшка

Арт. 60

Подобные парадные медальоны-застежки были принадлежностью мужской одежды. Сходные с Арт. 88 изделия найдены в погребениях конца IV и III в. на Боспоре²³⁶ и в северной Греции.

Бляшки

1. *Четыре круглые бляшки из листового золота* (рис. 21)²³⁷. По краю бляшек—ряд выпуклых точек. На средней, слегка выпуклой, части женская голова в фас, рельефные ободки. Голова выполнена, скорее всего, путем набивки листа на выпуклый предмет; орнамент сделан простым тиснением от руки. На всех бляшках имеются отверстия для ниток, с помощью которых бляшки нашивались на какую-то подкладку.

2. *Три круглые бляшки из электра* (рис. 21) с полосой точек по краю²³⁸; у одной из них на средней, немного выпуклой, части—крупная точка, окруженная рядом мелких точек, у другой—две перекрещивающиеся линии. Орнамент выполнен тиснением от руки. На каждой бляшке по два отверстия.

3. Бляшка круглая из листового золота (рис. 22) с точками по краю и одним отверстием²³⁹. Можно предположить, что она входила в набор бляшек женщины из склепа П. Однако золото здесь иного качества, чем у бляшек Арт. 47.

4. *Четыре круглые бляшки из листового золота с ободком из выпуклых точек по краю и с перекрещивающимися в центре бляшки пунктирными линиями у одной из них и двумя кругами (процарапанным и рельефным) — у других*²⁴⁰. Первая бляшка не имеет отверстий. Орнамент одной из бляшек почти не различим.

Бляшки из гробниц II и III найдены на груди похороненных там женщин. Часть бляшек из потревоженной сусликами гробницы I лежала на поясе женщины, часть—у ее ног.

Аналогии, привлеченные нами при разборе медальонов Арт. 8 и 46, показывают, что крестообразные перевязи, на месте пересечения которых носились подобные медальоны, часто украшались различными пришитыми к ним или висящими на них бляшками. Бляшки из Артюховского кургана (судя по проделанным в них отверстиям) нашивались на подкладку, возможно, это была перевязь или спускавшиеся с нее ленты. Вероятно, бляшки служили талисманами и им приписывалась магическая сила. Изготовление их местными кузнецами очевидно²⁴¹

III. ИЗДЕЛИЯ ИЗ СЕРЕБРА

(Общий очерк)

Торевтика эпохи эллинизма принадлежит к мало изученным разделам античного прикладного искусства, а между тем производство художественных изделий из драгоценных металлов в это время сильно разрослось. Переход в руки победителей огромных богатств, покоившихся в сокровищницах Ахеменидов, и интенсивная разработка серебряных рудников Иберии привели к гораздо более обильному, чем прежде, обращению в античном мире золота и серебра. По кратким сообщениям античных писателей, дворцы эллинистических властителей были полны золотых и серебряных изделий. Огромные массы приношений из драгоценных металлов накопились и в знаменитых греческих храмах на Делосе, Самофракии и т. д. И что, может быть, особенно показательно—серебро широко внедряется в быт не только высших, но и средних социальных слоев населения.

²³⁶ ИАК, 1913, вып. 60, с. 26, рис. 8; АА, 1913, S. 180, Abb. 2 (плитовая гробница Зеленского кургана); ЖМВД, 1839, табл. III, 11; *Annali del Ist.*, 1840, tav. CII (гробница второй половины III в. до н. э. у Карантинного шоссе); Marshall, *Jewellery*, N. 2059—2062, pl. XXXIX (из Кум в Эолиде).

²³⁷ Арт. 16. Гробница I. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 8, № 19—22. Диаметр всех бляшек примерно 0,033 м. Бляшки помяты.

²³⁸ Арт. 47. Гробница II. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 16, № 47—49. У двух бляшек диаметр 0,031 м. Одна из них плохо сохранилась, на ней видны следы пребывания в огне, не хватает 73 бляшки. У третьей бляшки диаметр 0,027 м, края рваные.

²³⁹ Арт. 60. Гробница II. Диаметр 0,021 м. Помята.

²⁴⁰ Арт. 104. Гробница III. См.: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 22, № 17—20. Диаметр одной бляшки 0,022 м; край ее поврежден. У остальных бляшек диаметр 0,033 м. две из них помяты, а третья склеена из трех частей, нескольких маленьких кусочков не хватает.

²⁴¹ Помимо описанных предметов, в нетронутых погребениях Артюховского кургана (гробница II) найдены обрывки тонких золотых нитей, вероятно, от золототканой материи (Арт. 59).

Судя по обвинительным речам Цицерона против Верреса, состоятельные семьи даже незначительных городов Сицилии и Великой Греции имели в своем хозяйстве серебряные сервизы²⁴².

От этих богатств до нас дошли лишь жалкие крохи, причем немногочисленные предметы из серебра, находимые при раскопках, являются особенно ценным источником изучения этого вида прикладного искусства.

Скудость материала, на котором основывается изучение серебряных изделий эпохи эллинизма, является главной причиной некоторого отставания науки в деле исследования этого раздела эллинистического художественного ремесла²⁴³. Правда, можно назвать немало ценных работ, посвященных отдельным памятникам²⁴⁴, однако сколько-нибудь связной и полной картины развития эллинистической торевтики с учетом роли отдельных производственных центров, эволюции форм и смены художественных направлений в науке до сих пор не существует.

В археологической литературе неоднократно указывалось на большое научное значение материалов, происходящих из боспорских погребальных комплексов²⁴⁵.

Мы располагаем рядом принадлежавших некогда представителям боспорской знати довольно полных наборов изделий из серебра, типичных для своего времени и не только для того района, где они были найдены. Особенно важен тот факт, что некоторые из этих серий могут быть довольно точно датированы, и, поскольку они не одновременны, сравнение их между собой может помочь при изучении последовательной смены форм и орнаментов эллинистической серебряной утвари.

Мы предлагаем здесь сравнительную таблицу форм трех боспорских наборов серебряной утвари (рис. 23). Серебро Артюховского кургана сопоставляем с серебром из земляного склепа Зеленского кургана и с серебром, найденным в более древней группе погребений у Карантинного шоссе.

Земляной склеп Зеленского кургана датируется временем примерно от 320 до 310 г. до н. э. на основании найденного в нем статера Александра Македонского (по определению А. Н. Зографа, выпуска конца 30-х или 20-х гг. IV в. до н. э.)²⁴⁶ и керамики, находящей себе близкие аналогии среди находок в древнейшем некрополе Александрии. В наиболее ранней группе погребений у Карантинного шоссе были найдены прижизненные статоры Лисимаха и керамика, сходная с керамикой из комплекса А афинской агоры²⁴⁷. Таким образом, вторую из сопоставленных серий серебра можно датировать первой половиной, может быть даже первой третью III в. до н. э. Серебро Артюховского кургана мы датируем третьей четвертью II в. до н. э. не только на основании принятой нами общей датировки кургана, но и потому, что целый ряд идентичных вазочек найден был в Италии и Греции вместе с монетами этого времени. Таким образом, наша серия А (Зеленский курган) и серия В (Артюховский курган) отделены друг от друга периодом примерно в 200 лет, а серия Б (Карантинное шоссе) помещается между ними и по времени находится ближе к серии А, чем к серии В.

Сравним сначала серии В (Артюховский курган) и А (Зеленский курган). Сразу бросается в глаза, что между обеими сериями нет почти никаких точек соприкосновения. Большая часть сосудов серии А явно тяготеет к типам ваз классического периода²⁴⁸. Питьевые сосуды представлены здесь киликом, фиалой и канфаром. Килик (Зел. 35) на низком профилированном поддоне имеет еще довольно строгие очертания; его относительно более позднее происхождение угадывается главным образом по форме ручек (приподнятых, с верхом, отогнутым вбок и книзу). Фиала (Зел. 36), стенки которой оформлены в виде плоских полосок, относится Х. Лусше-ем²⁴⁹ к группе фиал с «язычками», датируемой им V—IV вв. до н. э. Кубок на высокой ножке (Зел. 37) сильно попорчен, но его первоначальная форма может быть восстановлена; это канфар с высокими петлевидными руч-

²⁴² Cicero, *In Verrem*, II, *passim*.

²⁴³ Очень ценным источником являются гипсовые слепки с рельефов, украшавших произведения античной торевтики, найденные в большом числе в Египте и в последнее время в Афганистане. Rubensohn O. *Hellenistisches Silbergerät in antiken Gipsabgüssen*. Berlin, 1911; Ippel A. *Guß und Treibarbeit in Silber*. Berliner Wpr., 97, 1937; Kurz O. *Les Reliefs de platre*.— In: *Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan*. Paris, 1954, vol. 11; Richter G. M. A. *Ancient Plaster Casts of Greek Metalware*.—AJA, 1958, p. 369—377.

²⁴⁴ См. появившуюся в последнее время работу: Kiithmann, *Beitrag*. См. также библиографию в указанных работах А. Иппеля и Г. Рихтера.

²⁴⁵ Ск. н Б., с. 203, 277.

²⁴⁶ Зограф А. Н. Статоры Александра Македонского из керченских и таманских находок.— Тр. ОАМ, Л., 1945, т. 1, с. 93. О керамике: ИАК, 1916, вып. 60, с. 29, рис. 13.

²⁴⁷ См., например: Книпович К. вопросу, с. 271.

²⁴⁸ Серебряные вазочки из Зеленского кургана кратко описаны и изданы В. В. Шкорпилом (ИАК, 1916, вып. 60, с. 30, рис. 15—23) п Б. В. Фармаковским (AA, 1913, S. 185 ff., Abb. 10—18). Мы привлекаем здесь только вазочки общеупотребительных форм.

²⁴⁹ Lushey H. *Die Phiale* (Diss). München, 1939, S. 76—95.

ками—тип сосуда, популярный в керамике VI—IV вв. до н. э., известный нам и по сохранившимся серебряным сосудам V в.²⁵⁰ На полное совпадение форм арибаллоидного кувшинчика (Зел. 39) и таких же чернолаковых аттических кувшинчиков указал еще В. В. Шкорпил²⁵¹. Что касается шаровидного сосуда (Зел. 33), то тождество его формы с формой скифских ритуальных сосудов типа куль-обского очевидно. Ни один из этих типов ваз не сохраняется до времени Артюховского кургана. Там их заменили новые типы, еще не известные в конце IV в. до н. э.

Особенно интересно сравнить нашу серию Б (Карантинное шоссе) как с серией В, так и с серией А: таким путем выявляется промежуточное положение, занимаемое серией Б.

В серии А, как мы видели, имеется среди питьевых сосудов килик с еще довольно строгим профилем чашки. В женской плитовой гробнице, открытой А. Ашиком в 1838 г. близ Карантинного шоссе²⁵², также были найдены два килика²⁵³, но они могут рассматриваться как образцы полной дегенерации классической формы этих сосудов. На это указывает чрезвычайная изощренность форм чаши, ножки и особенно тонких ручек килика, а также помещение на его доннышке медальона с рельефным изображением Гелиоса на квадриге, что роднит этот килик с рельефной эллинистической керамикой.

Дериватом кубка на высокой ножке из серии А (Зел. 37) может в известной мере считаться ваза из гробницы у Карантинного шоссе, открытой Д. Карейшей в 1834 г.²⁵⁴, хотя она явно носит печать эпохи эллинизма. Повторения кубков такой формы, сделанные из глины, фаянса или металла, обычно датируются III или началом II в. до н. э.²⁵⁵ Интересно отметить, что на мозаике Диоскорида Самосского, оригинал которой обычно возводится к III в. до н. э., изображен кубок этой же формы²⁵⁶.

В Артюховском кургане отсутствуют как килики, так и кубки на высокой ножке. Вместо них среди питьевых сосудов имеются полусферические и конусовидные чаши и канфары. Полусферическая чаша и скифос вовсе чужды инвентарю погребений у Карантинного шоссе, а канфары серии Б принадлежат еще к ранним разновидностям ваз этой формы²⁵⁷. Ближайшими аналогиями для них как по форме, так и по орнаменту являются канфары раннего стиля «западного склона»²⁵⁸, тогда как канфары серии В отчасти по форме и целиком по декору связаны с «мегарскими» чашами II в. до н. э.²⁵⁹ Полусферические чаши и скифосы из серии В входят в широкое употребление лишь около середины II в. до н. э.

Два кувшинчика из серии Б по своей форме и отчасти по орнаменту тоже могут быть сопоставлены с кувшинчиками раннего стиля «западного склона»²⁶⁰. В серии В таких изделий нет. Маленькому кувшинчику из серии Б соответствует в серии В кувшинчик Арт. 66, однако детальное сравнение показывает, что между ними мало общего. Кувшинчику из погребения у Карантинного шоссе по форме соответствует глиняная вазочка первой половины III в.²⁶¹, тогда как для Арт. 66 может служить аналогией такой же кувшинчик середины II в. до н. э.²⁶² Вокруг шейки кувшинчика из серии Б идет орнамент в виде ожерелья со стрельчатыми подвесками; кувшинчик из серии В гладкий. Украшением здесь служит ручка сложной конструкции, появляющаяся в торежке, как показал Х. Кютман²⁶³, лишь в середине II в. до н. э. Среди маленьких вазочек для хранения масла и благовоний серебряному амфориску серии Б²⁶⁴ в серии В соответствуют флаконы совсем других типов: кеглевидная вазочка очень редкой формы²⁶⁵ и унгентарий обычной эллинистической формы в ее раннем варианте²⁶⁶. Довольно близкое сходство можно заметить между пиксидой П.1834.74 (серия Б)²⁶⁷ и пиксидой Арт. 65: обе имеют форму довольно высокой колонки с куполообразной крышкой. Однако пиксида из серии В дает уточненный вариант этой распространенной в эпоху эллинизма формы. Наряду с такой пиксидой в серии В имеется другая вазочка того же

В. Die Grabhügelnekropole von Duvani. Sofia, 1934, S. 108, Abb. 1932; S. 111, Abb. 135; см. также: А.А. 1947, No. 3, p. 252.

²⁵¹ ИАК, 1916, вып. 60, с. 31.

²⁵² ЖМВД, 1839, № 1, с. 74-90 (*Annali del Ist.*, 1840, tav. XII, p. 13-22; ДБК, с. LXIII (СА, 1949, № 11, с. 273, рис. 1, 1). Комплекс датируется Т. Н. Книпович (К вопросу) первой четвертью III в. до н. э.

²⁵³ ДБК, табл. XXXVIII, 5, 6.

²⁵⁴ ДБК, с. LXV, табл. XXXVIII, 2; Ск. и Б., с. 206.

²⁵⁵ См. перечень подобных ваз; Thompson, *Two Centuries*, текст к с. 36.

²⁵⁶ Pfuhl E. *Malerei und Zeichnung*. München, 1922, Taf. 301, Nr. 685.

²⁵⁷ В гробницах у Карантинного шоссе найдено 4 канфара этой формы (ДБК, табл. XXXVIII, 1, с. CXLVII; Ск. и Б., с. 205).

²⁵⁸ Ср.: AM, 1901, S. 74, Nr. 18; Книпович. К вопросу, рис. 3, 1, 2.

²⁵⁹ Thompson, *Two Centuries*, p. 408, 409, B 79, fig. 96a, 96b.

²⁶⁰ Книпович. К вопросу, рис. 2, 1, 2.

²⁶¹ См.: Thompson, *Two Centuries*, A 32 и указанную там литературу.

²⁶² *Ibid.*, D 23.

²⁶³ Küthmann, *Beitrag*, S. 104 ff.

²⁶⁴ ДБК, табл. XXXI, 3 и 3а.

²⁶⁵ Арт. 20.

²⁶⁶ Арт. 107.

²⁶⁷ Происходит из гробницы, открытой Д. Карейшей в 1834 г. Датировка этого комплекса представляет большие трудности. См.: ТГЭ, 1962, т. 7, с. 130, примеч. 5.

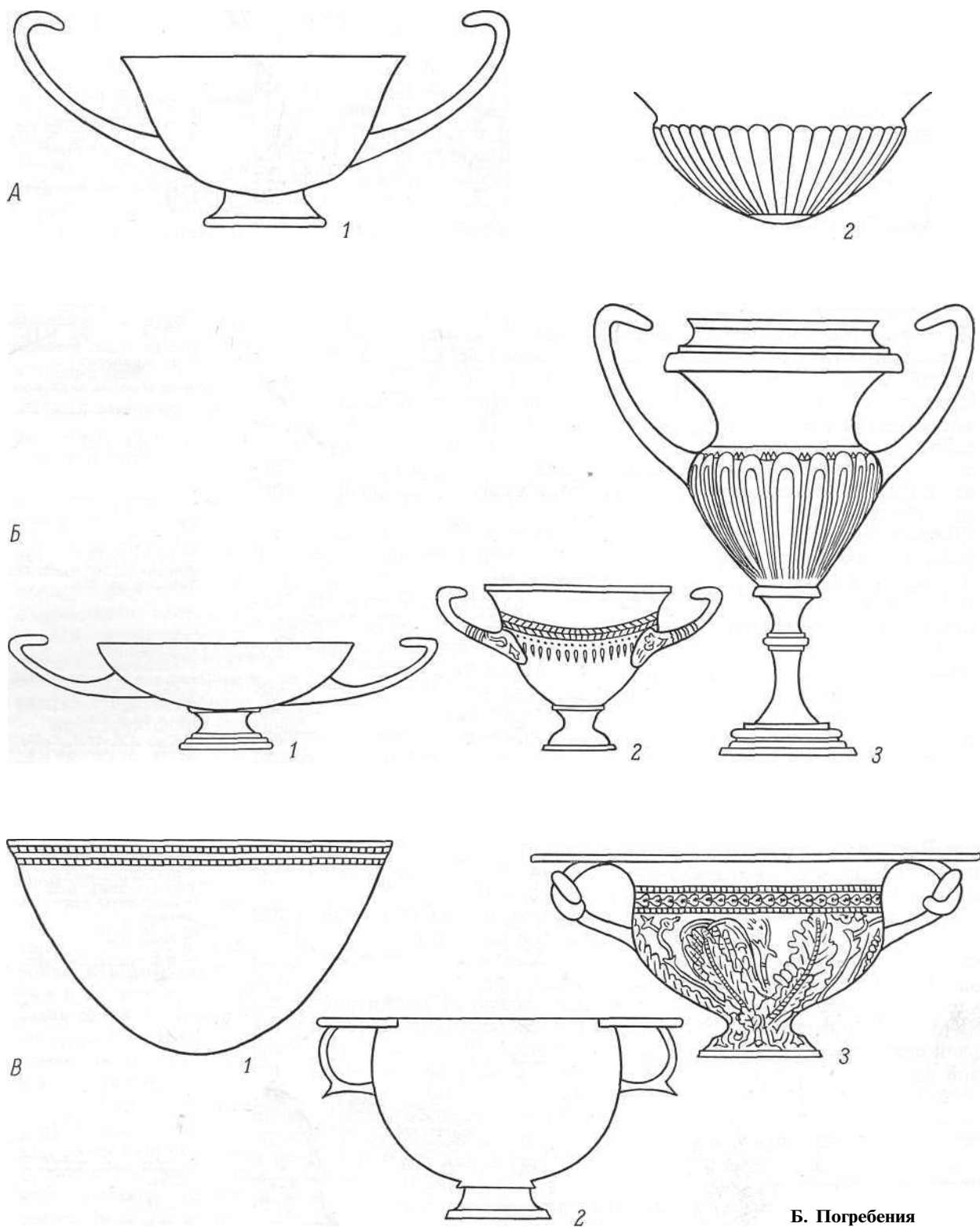
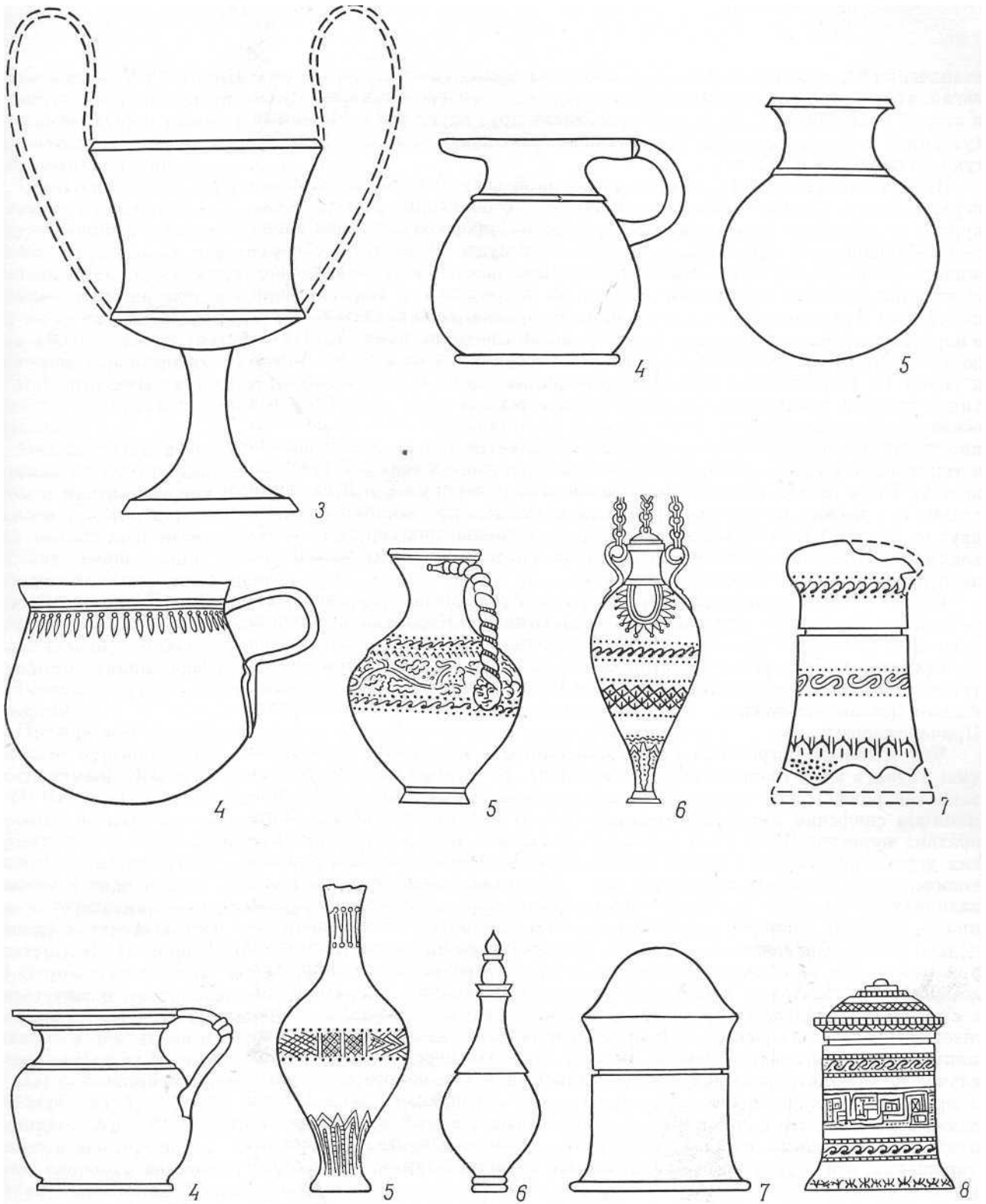

Рис. 23
Сравнительная
таблица форм
серебряной утвари

А. Зеленский курган:
1 — килик, 2 — фиала,
3 — кубок. 4 — кувшин.
5 — шаровидный сосуд;

**Б. Погребения
у Карантинного шоссе:**
1 — килик, 2 — канфар,
3 — кубок,
4 — кувшинчик,
5 — кувшин,
6 — арибалл,
7 — пикседа;

В. Артюховский курган:

1 — чаша, 2 — канфар,
3 — канфар,
4 — кувшинчик,

5 — унгентарий,
6 — флакон.
7 — пиксида.
8 — пиксида

назначения²⁶⁸, но иной формы. Как видно из приведенных в тексте аналогий, этот новый тип пиксид встречается только в погребениях середины и второй половины II в. до н. э. Очень близки друг другу так называемые лутерии Б и В, эти предметы (курильницы?) появляются в Олинфе и бытуют до первых веков н. э.

Итак, сопоставление трех серий серебряной посуды показало нам, во-первых, что в течение примерно двух веков, отделяющих Артюховский курган от земляного склепа Зеленского кургана, произошла полная смена употреблявшихся в быту типов серебряной посуды. Во-вторых, обнаружилась ошибочность проводимого некоторыми исследователями тесного сближения наборов серебряной посуды из погребений у Карантинного шоссе и из Артюховского кургана. Серия Б, правда, ясно свидетельствует о переломе, происшедшем в развитии торевтики где-то на грани IV и III вв. до н. э., однако представленные в ней типы сосудов ближе к серии А, чем к серии В. Большинство предметов утвари из серии В принадлежат к типам сосудов, созданным лишь во II в., а в тех случаях, когда типы ваз обеих серий тождественны, вазы серии В представляют собой более поздние варианты. Полное совпадение устанавливается только для черпаков и так называемых лутериев, форма которых отличается большой стабильностью. Такое далеко идущее расхождение между сериями Б и В мыслимо только при весьма значительном периоде времени, отделяющем эти серии друг от друга. А этот вывод в свою очередь косвенно подтверждает необходимость отнесения Артюховского кургана к другому периоду эллинизма, нежели погребения у Карантинного шоссе.

Таким образом, сопоставление серебра из Артюховского кургана с серебром из Зеленского кургана и из погребений у Карантинного шоссе дало нам некоторое представление об эволюции серебряной утвари на протяжении двух первых столетий эпохи эллинизма. Весьма интересно также сопоставить все наши серии А, Б и В, вместе взятые, с серебряными вазами доэллинистического периода, происходящими тоже из Северного Причерноморья.

Что касается погребений греческой торговой аристократии Боспора (мы имеем в виду главным образом Юз-Обу), то серебро не играет здесь заметной роли. Другое дело погребения местной боспорской знати и знаменитые скифские курганные захоронения. В инвентаре гробниц Семибратних курганов, Куль-Обы, Солохи, Чертомлыка, Карагодеуашха и многих других изделия из серебра присутствуют неизменно в значительном количестве, и по своему характеру они сильно отличаются от серий эпохи эллинизма. Почти всегда это роскошные экземпляры изысканной формы, иногда больших размеров и с исключительно богатой художественной отделкой в виде фигурных композиций, растительного или геометрического орнамента. Это не обычная домашняя утварь, а предметы роскоши, служившие для культовых действий и парадных церемоний. По сравнению с ними эллинистические серии серебра выглядят гораздо проще, что выражается в небольших размерах, простых формах и, за немногими исключениями, в незамысловатом декоре. Вполне ясно, что перед нами в данном случае не предметы роскоши, употреблявшиеся только в особых случаях, а предметы обихода, прочно вошедшие в быт боспорской знати. В этой связи напомним, что при женщинах, погребенных в Артюховском кургане, оказались серебряные веретена совершенно обычной формы и без всяких украшений, а в других комплексах того же времени были найдены серебряные стригили и серебряный алабастрон.

Особенно примечателен тот факт, что почти все серебряные вазочки, входящие в состав эллинистических серий, имеют многочисленные повторения, исполненные в других материалах—бронзе, стекле, кости, дереве, глине. Совершенно очевидно, что этой утварью, сделанной из более дешевых материалов, пользовался бедный люд, в то время как состоятельные

семьи имели для бытовых нужд серебряные изделия. Следовательно, накопление увеличившихся запасов серебра в руках главным образом социальной верхушки можно рассматривать как один из показателей углубления классовых противоречий, имевшего место как на Боспоре, так и во всем античном обществе того времени.

Остается сказать несколько слов о месте производства серебряных изделий из Артюховского кургана и тем самым затронуть неоднократно уже обсуждавшийся в нашей науке вопрос о существовании на Боспоре собственных серебряных дел мастерских. Вряд ли было бы целесообразным ставить здесь эту сложную проблему во всем ее объеме. Серебро из Артюховского кургана дает, в сущности, мало материала для ее решения отчасти из-за слабой разработки истории эллинистической торевики и главным образом ввиду отсутствия в образительном материале той точной передачи характерных местных особенностей, которая была выдвинута М. И. Ростовцевым как главный аргумент в пользу его гипотезы о существовании в Пантикапее еще в V—IV вв. до н. э. мастерских серебряных изделий²⁶⁹.

Как по своим формам, так и по орнаментации серебро Артюховского кургана всецело примыкает к общеэллинистической торевице своего времени и многие вазочки из его состава находят себе ближайšie аналогии во всем древнем мире—от Италии до Индии. Возможно, сравнение отдельных экземпляров изделий одного и того же типа, найденных в различных районах древнего мира, и выявило бы какие-то их особенности, характерные для того или иного центра производства (в том числе и для мастерских Северного Причерноморья), но при настоящем состоянии изучения этой отрасли художественного ремесла вряд ли оправданна постановка такой задачи, тем более, что тут требуется работа непосредственно над оригиналами. Таким образом, затрагивая здесь эту большую проблему, мы ограничимся лишь краткими замечаниями и некоторыми общими соображениями.

Прежде всего следует обратить внимание на один памятник из Артюховского кургана, боспорское происхождение которого может считаться неоспоримым. Это серебряная литая пряжка Арт. 98, найденная в склепе П. По своей форме она принадлежит к типу украшений, сарматское происхождение которого твердо установлено²⁷⁰. Пряжка отличается от чисто сарматских изделий лишь некоторыми деталями, свидетельствующими о привнесении отдельных эллинских элементов²⁷¹, как-то: оформление шипа пряжки в виде головы лебедя, что свойственно ручкам греческих черпаков, и украшение ее человеческой фигурой, по всей вероятности, изображавшей великую богиню, почитавшуюся на Боспоре под именем Афродиты Апатуры. На Боспоре было найдено еще несколько бронзовых пряжек той же формы, украшенных комическими масками. Все эти памятники свидетельствуют о проникновении на Боспор сарматских влияний, скрещивающихся здесь с влиянием эллинской культуры. Эллино-сарматские пряжки, в том числе и серебряная Арт. 98, могли быть изготовлены, конечно, только на Боспоре.

Нет оснований принимать за импортные и такие простые изделия, как три веретена Арт. 23, 70 и 71, палочку Арт. 72 и ободки с серебряными шляпками Арт. 22. Подобные предметы, вероятно, выходили даже не из большой мастерской, а из рук кустарей. Вопрос о месте изготовления более сложных вазочек и туалетных принадлежностей приходится пока оставить открытым. Только говоря о двух богато орнаментированных канфарах Арт. 106 и 61, мы сочли возможным высказать предположение об их связи с Пергамом, не настаивая, однако, на этой гипотезе. Другие вазочки той же серии ввиду общераспространенности их форм и орнамента не поддаются пока даже такому гипотетическому определению. Преждевременным, на наш взгляд, явилось бы и огульное отнесение их к при-

²⁶⁹ Ростовцев М. И. Эллинистическое и Иранское искусство на юге России. Пг., 1918. с. 53; Rostovtzeff, *Ir. and Gr.*, p. 109 ff.

²⁷⁰ Мошкова М. Г. Раннесарматские бронзовые пряжки, с. 293—307.

²⁷¹ Максимова М. И. Серебряная пряжка из Артюховского кургана.— КСИИ, 1961, вып. 83, с. 139—141.

возным товарам, поскольку, как нам хорошо известно по другим отраслям художественного ремесла, особенно по керамике, для эпохи эллинизма характерно производство в разных, иногда весьма отдаленных друг от друга центрах идентичных по видам и типам изделий. Поэтому вполне возможно сделать предположение о боспорском происхождении многих серебряных вазочек из Артюховского кургана, но доказательство этого положения—дело будущего.

IV. ОТДЕЛЬНЫЕ ВИДЫ ИЗДЕЛИЙ ИЗ СЕРЕБРА, ПРОИСХОДЯЩИХ ИЗ АРТЮХОВСКОГО КУРГАНА

1. *Канфар с рельефным чеканным орнаментом и ручками* в форме гераклова узла (рис. на с. 31)²⁷². Тулово канфара выковано из довольно плотного листа серебра. Орнамент выполнен чеканом с последующей гравировкой от руки и частичной обработкой на токарном станке. У канфара высокая шейка с отогнутым наружу и утолщенным верхним краем, пока-тые плечики и полусферическое тулово. Не вполне ясно, какую форму имеет его доньшко. Здесь находится выступ в виде головки, скрытый припаянным к тулову раструбом подставки. Кованая подставка сосуда похожа на перевернутую чашечку. Кованые ручки состоят из двух частей: завязанных в гераклов узел растительных стеблей и наложенной на них сверху горизонтальной пластины—упора для большого пальца руки, несущей канфар. Концы одной из петель, образующих гераклов узел, сплющены и припаяны к нижней поверхности горизонтальной пластины; из концов второй петли узла как бы вырастают виноградные листья, покрывающие тулово канфара. Детали обозначены гравировкой. Верхняя пластина ручки, тоже кованая, своим широким вогнутым основанием припаяна к верхнему краю сосуда.

Вверху сосуд опоясан линейным и растительным орнаментом. На шейке и плечиках—линии жемчуга, ветки аканфа и трехрядная плетенка с точками в завитках. Часть тулова покрыта как бы вырастающим из ножки орнаментом в виде растительной чашечки из восьми чередующихся между собой листьев аканфа и *putrhaen saeçulaae* (голубой водяной лилии) с жемчугообразной средней жилкой. Подставка украшена чеканным лесбийским киматием. К доньшку канфара изнутри припаяна многолепестковая розетка с сильно выпуклой сердцевинкой. Следы позолоты сохранились на виноградных листьях ручек, обоих фризах тулова, внутренней розетке и на лесбийском киматии подставки.

2. *Канфар с рельефным чеканным орнаментом и ручками* в виде гераклова узла (рис. 24)²⁷³. Техника изготовления та же, что у Арт. 106. При общем большом сходстве обоих канфаров формы их и орнамент несколько отличаются друг от друга. Так, Арт. 61 не имеет ясно выраженной шейки, и все его тулово по своему строению напоминает форму «мегарских» чашек. Верхняя часть подставки настолько сильно повреждена (как снаружи, так и внутри), что невозможно установить, имеется ли у тулова внизу выступ-голова.

Орнамент Арт. 61 состоит из следующих элементов: из полосы плетенки на тулове, более узкой, чем у Арт. 106, но в остальном совершенно с ней сходной и обрамленной такими же полосками жемчуга, и из покрывающей все тулово канфара богатой и сложной растительной чашечки, где чередуются две группы листьев. Одна группа состоит из трех листьев аканфа различной высоты, наложенных друг на друга. Средняя продольная жилка у них стилизована под жемчуг, листья наклонены в разные стороны, причем верхушка самого высокого листа склоняется книзу²⁷⁴. Вторая группа состоит из широкого листа (лотоса), поверхность которого покрыта густыми рядами маленьких листиков или перьев; на них нало-

²⁷² Арт. 106. Гробница III, Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. IV, 8, с. 22, № 21, с. 91; Тревер К. В. Ольвийская полихромная амфора 1901 г.—МАР, 1918, т. 36, с. 7, рис. 13; Minns, *Sc. and Gr.*, p. 431, fig. 321; Courby, *Vases*, fig. 75h; Kühmann, *Beiträge*, S. 104 ff., Taf. 6, 2. (описания канфаров Арт. 106 и Арт. 61 у Кютмана не вполне точны). Высота 0,073 м; диаметр верхнего края 0,085 м; ширина с ручками 0,153 м. Обе ручки и подставка припаяны к тулову реставратором. Ручки сильно попорчены. Есть мелкие повреждения на верхнем крае сосуда.

²⁷³ Арт. 61. Гробница II. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. II, 19, с. 17, № 51, с. 69; Тревер К. В. Ольвийская полихромная амфора. . . , с. 7, рис. 14; Kühmann, *Beiträge*, S. 106 ff., Taf. 6, 1. Высота 0,062 м; диаметр по верхнему краю 0,097 м; ширина с ручками 0,16 м. Обе ручки попорчены. Плохо сохранился верхний раструб подставки; он был, видимо, подновлен путем напайки серебра. На тулове имеется небольшое отверстие; немного поврежден край сосуда. Поверхность его местами попорчена.

²⁷⁴ В одном случае мастеру не хватило места для передачи верхушки высокого листа аканфа, и эта часть листа как бы вырастает из-под пояса с плетенкой.

жено два таких же невысоких аканфовых листа, как и в первой группе. Между пучками листьев помещаются высокие толстые стебли, из которых вырастают веерообразный лист и цветы трех видов. Весь фон тулова под плетенкой покрыт мелкими насечками. На подставке такой же лесбийский киматий, как и у Арт. 106.

Несмотря на отдельные различия в форме и орнаментации, оба канфара (Арт. 61 и 106) настолько близки друг к другу по фактуре и художественному стилю, что изготовление их в одной мастерской вряд ли может вызвать сомнение. В то же время эти изделия, насколько нам известно, не имеют прямых аналогий среди произведений античной торевтики, хотя отдельные элементы их формы и орнамента хорошо известны в прикладном искусстве эпохи эллинизма.

Своеобразна прежде всего их форма, напоминающая отчасти скифос, отчасти канфар, но не совпадающая полностью ни с тем, ни с другим²⁷⁵. Еще Р. Цан отметил близость тулова Арт. 61 и 106 «мегарским» чашкам²⁷⁶.

Орнаментальные мотивы на наших канфарах заимствованы из эллинистической орнаментики и постоянно фигурируют на «мегарских» чашках. Главное украшение артюховских канфаров—растительная чашечка на тулове—также часто встречается на тех же «мегарских» чашках как в более простом варианте Арт. 106, так и в сложном, очень сходном с орнаментом канфара Арт. 61. Основываясь на находках из раскопок афинской агоры и привлекая другой обширный материал, Х. Кютман дал подробную картину развития этого орнаментального мотива на металлических, стеклянных и глиняных чашах эпохи эллинизма²⁷⁷. Нам кажется, что многое указывает на Пергам как на родину серебряных канфаров из Артюховского кургана. Профиль тулова Арт. 61 очень близок к профилям пергамских «мегарских» чашек²⁷⁸. Растительная чашечка из листьев лотоса, сложных листьев аканфа, изгибающихся в разные стороны, также представлена на пергамских «мегарских» чашках многими экземплярами²⁷⁹, и здесь можно найти совершенно такие же образцы цветов, как на канфарах Артюховского кургана²⁸⁰, тогда как на сходных изделиях других центров в орнаменте фигурируют другие цветы²⁸¹. Горизонтальные пластины на ручках имеют прямые аналогии только в Пергаме. Эти аналогии, как нам кажется, дают некоторые указания в пользу Пергама как производственного центра, где были изготовлены серебряные канфары Артюховского кургана.

3. *Канфар* (рис. 25)²⁸². Сосуд состоит из отдельно изготовленных и затем спаянных друг с другом частей: тулова, двух ручек и подставки. Тулово литое, с массивными стенками, верхний его край сильно утолщен, на донышке снаружи толстый отросток, скрытый подставкой. Доработка, видимо, происходила на токарном станке, так как на упомянутом отростке сохранились следы центрирования. Профилированная подставка—кованая. Ручки состоят из отдельно отлитых и спаянных друг с другом частей: полукруглой петли, широкий конец которой припаян к тулову, а верхний—к продолговатой пластине, наложенной сверху на петлю; концы последней, разветвляясь, образуют две лопасти с маленькими боковыми наростами, соприкасающиеся с верхним краем тулова; под петлей на тулово наложен лист плюща, черенок которого как бы поддерживает петлю снизу и образует выдающийся из-под нее язычок.

Серебряные сосуды формы Арт. 17 очень редки. Нам известен только еще один экземпляр этого типа, найденный в кургане № 29 у станицы Усть-Лабинской²⁸³, но более многочисленны сосуды той же формы из литого обточенного стекла. Сюда относятся вазочки из станицы Ахтанизовской²⁸⁴, из Армавира²⁸⁵, с Лысой Горы у Майкопа²⁸⁶, из собрания И. Е. Забелина (Ольвия или Пантикапей)²⁸⁷, а также вазочка из собрания Р. В. Смита (Ray Winfield Smith)²⁸⁸. Как правильно отмечено К. Ф. Смирновым²⁸⁹, к серебряному канфару Арт. 17 особенно близок по форме стеклянный сосуд из станицы Ахтанизовской.

²⁷⁵ Х. Кютман (Kuthmann, *Beiträge*) с оговоркой называет их скифосами. Мы предпочитаем называть их канфарами из-за формы подставки и ручек.

²⁷⁶ Priene, S. 406, Anm. 3.

²⁷⁷ Kuthmann, *Beiträge*, S. 106 ff. См. также наши возражения против слишком поздней датировки Кютманом Артюховского кургана (СА, 1962, № 4, с. 248).

²⁷⁸ *Altertümer von Pergamon*, Berlin, 1913, Bd. 1, 2, Beibl. 41; Beibl. 43, 3, 11.

²⁷⁹ См., например: *Ibid.*, S. 251, Beibl. 40, 1; Beibl. 42, 3, 9; Beibl. 43, 1, 11. (фрагментированная бронзовая обкладка коринфской капители).

²⁸⁰ *Ibid.*, S. 274, Nr. 10, Beibl. 42, 3, 11; Beibl. 43, 1, 10.

²⁸¹ См.: Courby, *Vases*, fig. 64, 68 (Аттика), fig. 82 (Делос), fig. 85, 21 (Приена).

²⁸² Арт. 17. Гробница I. Издан: ОАК за 1880 г. СПб., 1882, с. 9, № 24; Русск. древн., т. I, с. 88, рис. 119. Высота 0,083 м; диаметр верхнего края 0,096 м. Ручки и подставка приклеены к тулову, тулово продырявлено, отростки на лопастях частично отломаны, у одной ручки не хватает листа плюща. Согласно передаточной описи (см. с. 143) имелась крышка, ныне утраченная.

²⁸³ ИАК, 1909, вып. 29, с. 36, рис. 35; Смирнов К. Ф. Северский курган, рис. 10 д, с. 19, 17—22 (обстоятельный анализ изоднеэллинистических и раннеримских сосудов из литого обточенного стекла).

²⁸⁴ ОАК за 1900 г. СПб., 1902, с. 108, рис. 213; ИАК, 1909, вып. 29, с. 36, рис. 35.

²⁸⁵ ОАК за 1902 г. СПб., 1904, с. 87, рис. 194.

²⁸⁶ Смирнов К. Ф. Северский курган, рис. 10.

²⁸⁷ Там же, с. 18, № 25.

²⁸⁸ *Glass from the Ancient World. The Ray Winfield Smith Collection*, New York, 1957, No. 66.

²⁸⁹ Смирнов К. Ф. Северский курган, с. 20.

Рис. 24
Канфар

Арт. 61

4. Чаша конусовидной формы²⁹⁰. Стенки этой чаши имеют округлый профиль, верхний край утолщен и едва заметно отогнут наружу, вдоль него идут снаружи две нити жемчуга и между ними гладкий пояс, обрамленный рельефными линиями, внутри в настоящее время видна только одна бороздка с жемчугом. На орнаменте следы позолоты. В центре доньшка снаружи дырочка от центрирования. Чаша кованая с последующей обработкой на станке. Нити жемчуга, по всей вероятности, выполнены штамповкой.

5. Чаша той же формы и техники²⁹¹ (рис. 26); стенки ее более прямые. Тот же орнамент, но жемчуг более мелкий, на внутренней стороне орнамент состоит из одной нити жемчуга и под ней одной гладкой полосы, ограниченной снизу рельефной линией.

Полусферические чаши в эллинистический период используются как питьевые сосуды, в это же время появляются чаши конусовидной формы. Выделывались они как из металла, так и из стекла и глины. Ареал их распространения чрезвычайно широк—от Италии до Индии²⁹². Широкое распространение подобные чаши получили и в Северном Причерноморье²⁹³. Чаши с орнаментированными краями встречаются неоднократно. Особенно богат позолоченный орнамент (жемчуг и плетенка) у чаши, происходящей из Персии. Орнамент, подобный орнаменту чаш Арт. 63 и 64, наиболее распространен.

²⁹⁰ Арт. 63. Гробница II. Издана: ОАГ за 1880 г. Спб., 1882, с. 18, № 57.

Серебро плохо сохранилось, и чаша внутри залита мастикой. Диаметр 0,130 м, высота 0,28 м.

²⁹¹ Арт. 64. Гробница II. ОАГ за 1880 г. Спб., 1882, с. 17, № 56. На доньшке две выбоины. Диаметр 0,135 м; высота 0,25 м.

²⁹² Willers H. *Neue Untersuchungen über die römische Bronzeindustrie*. Leipzig, 1907, Abb. 11

(из Орванаско); *RM*, 1923—1924, Bd. 38/39, S. 29. Abb. 20

(из Боскореале); *Not. d. scavi*, 1910, p. 354, fig. 22 (из Анконы);

Eph. Arch., 1906 p. 80, fig. 5—7 (из Этоллии);

ААН, 1958, vol. 9, part. 1—4, p. 351

(из Венгрии, Румынии и Болгарии). Здесь

высказывается необоснованное предположение о фракийско-гетском происхождении этого типа сосудов.

Рис. 25
Канфар

Арт. 17

Время появления чаш указанных форм в эпоху эллинизма определяется примерно серединой II в. до н. э.²⁹⁴ Так, при пяти чашах, происходящих из некрополя Орванассо в Северной Италии, было найдено пять денариев времени от 155 до 120 г. до н. э.²⁹⁵ В одной могиле с чашей из Анконы лежал унциальный асс, сильно попорченный и потому не поддающийся точному определению; однако выпуск таких монет, согласно Э. Сайденхэму, начался в середине II в. до н. э.²⁹⁶ Вместе с серебряными чашами из Этолии была открыта дидрахма Этолийского союза, распущенного римлянами в 168 г. до н. э.

Ряд стеклянных чаш этого типа происходит с афинской агоры²⁹⁷. Обстоятельства находки показывают, что они должны быть датированы временем до 100 г. до н. э., а один экземпляр восходит даже к первой половине II в. до н. э.

6. *Кувшинчик с ручкой*, завязанной геракловым узлом (рис. 26)²⁹⁸. Тулово яйцевидное, подставка низкая, кольцообразная. На доньшке в центре небольшое углубление и вокруг него концентрические круги, исполненные гравировкой и в слабом рельефе; между кругами процарапана буква М. Ручка сделана из двух петель, имитирующих согнутые растительные стебли; петли вдеты друг в друга и сильно стянуты наподобие гераклова узла; расходящиеся концы верхней петли, имеющие форму зубчатых листьев, прикреплены к губе кувшина; длинные концы нижней петли

Walters H. *Silver Plate*. London. 1921, pl. III, No. 13; Gjerstad E. *Op. cit.*, 1934, vol. 1, pl. XLIX, No. 9, 38 (Кипр); Richter G. M. A. *Catalogue of Greek and Roman Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection*. Cambridge (Mass.), 1956, tab. XIX, No. 27, 29, 30 (Сирия); "Metropolitan Museum of Art Bulletin", New York, 1949, March, p. 197 (Персия); Marshall J. *Taxila*. Cambridge, 1951, vol. 3, tab. 175, No. 280 (Индия).

²⁹³ Две бронзовые чаши из Артюховского кургана (Арт. 93 и 112), двойная серебряная чаша из Ахтанизовского клада (ИАК, 1909, вып. 29, с. 22, № 17, рис. 35); серебряная чаша из Буеровой могилы (Эрмитаж, инв. Бум. 19); серебряные чаши из окрестностей Керчи (Эрмитаж, инв. П. 1841, 57, 58); стеклянная чаша

Рис. 26
Чаша
Кувшинчик

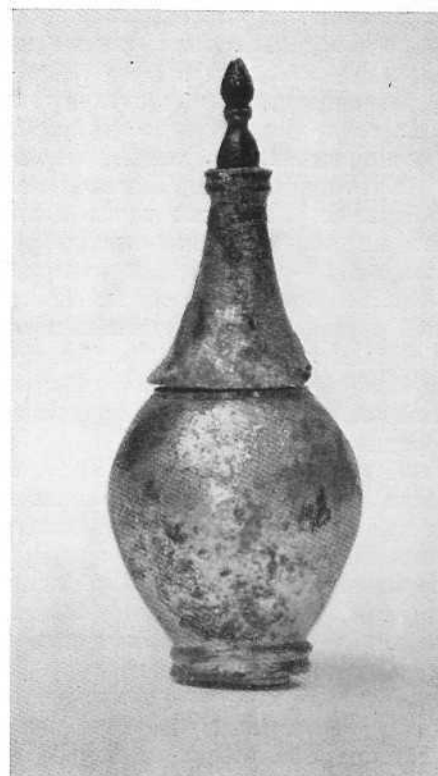

Арт. 64

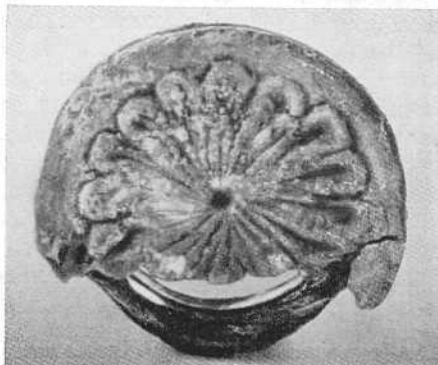

Арт. 66

Рис. 27
Пиксида
Флакон
Пиксида
Детали пиксиды

Арт. 19, 20

Арт. 65

заканчиваются листьями плюща, лежащими на тулове вазы; контуры листьев обведены пунктиром; на одном листе небрежно процарапана буква X, на другом J или T.

Вазочка кованая, с последующей обработкой на станке; ручка отлита в форме и доработана от руки. Процарапанные буквы, возможно, обозначают вместимость или цену вазочки, или же инициалы собственника.

Кувшинчик Арт. 66 имеет очень близкую аналогию среди предметов, найденных в Ахтанизовском кладе²⁹⁹. Тот же тип кувшинчика представлен еще несколькими экземплярами³⁰⁰. Х. Кютман датирует эти вазочки концом II — началом I в. до н. э. О необходимости отнести сосуды формы Арт. 66 к более раннему времени, чем конец II в., свидетельствует глиняный чернолаковый кувшинчик совершенно такой же формы и размеров и с такой же орнаментацией из гравированных поясков, открытый в группе D на афинской агоре³⁰¹. При кувшинчике из Анконы найден унциальный асс очень плохой сохранности. Выпуск унциальных ассов начался с середины II в. до н. э.³⁰²

7. *Унгвентарий* (рис. 29)³⁰³. Выкован из одного куска серебра. Доработан на станке. Гравированный, совершенно плоский орнамент, только листья на ножке исполнены чеканом в слабом рельефе. Шейку украшает широкий пояс палочного орнамента в обрамлении двух нитей жемчуга. На плечике в таком же обрамлении полоса волны; фон над завитками покрыт мелкими точками. На тулове широкий пояс в жемчужном обрамлении: гирлянда из мелких остроконечных листьев, перехваченная двумя широкими перевязями и двумя узкими лентами. На ножке, под полосой жемчуга, двойной ряд стилизованных остроконечных листьев водяной лилии, фон покрыт мелкими насечками; на подставке палочный орнамент. Все орнаментированные пояски, а также орнамент на ножке позолочены.

Серебряные флаконы такого типа, хорошо известного по керамическим изделиям, довольно редки. Кроме Арт. 107, мы знаем всего две подобные вещи: богато орнаментированный серебряный унгвентарий, обнаруженный в Беотии³⁰⁴, а также близкий к Арт. 107 серебряный унгвентарий, происходящий из Этрурии³⁰⁵, вместе с которым найдена была серебряная пиксида — близкая аналогия к пиксиде Арт. 19 и такому же сосуду из другой этрусской гробницы середины II в. до н. э.

8. *Флакон яйцевидной формы* с высокой конусовидной крышкой, заканчивающейся сложной, профилированной наподобие кегли, верхушкой (рис. 27)³⁰⁶. К отверстию флакона припаян тонкий ободок, на который надевается крышка³⁰⁷. Тулово и подставка выполнены из одного куска листового серебра, так же как и крышка с навершием. Окончательная отделка, вероятно, была выполнена на станке, так как на доньшке имеется углубление — след центрирования.

Нам не известны металлические флаконы точно такой же формы; что касается сложного навершия крышки, то его часто можно встретить на различных металлических и сделанных по металлическим образцам керамических изделиях эпохи эллинизма и более раннего времени³⁰⁸.

9. *Пиксида цилиндрической формы* (рис. 27)³⁰⁹. Она состоит из двух частей: тулова и крышки. К верхнему краю тулова припаян изнутри высокий тонкий серебряный лист, на который надевается цилиндрическая часть крышки. Крышка с ее куполообразным верхом выкована из одного куска серебряного листа; сверху на крышку наложена отдельно изготовленная многолепестковая розетка, в центре которой в особом гнезде помещается круглый гранат; края гнезда закреплены в крышке. Посредине тулова широкая полоса двойного меандра, окаймленная сверху и снизу пояском волны; фон покрыт мелкими насечками. На подставке две полосы орнамента: верхняя, широкая, полоса, по-видимому, состояла из киматия, нижняя, более узкая, — из жгута. По выступу профилированной части крышки идет ряд черточек, под ним полоса зигзага; сверху по краю купо-

из Zubovskogo хутора (ИАК, 1901, вып. 1, с. 96, рис. 9).

²⁹⁴ Х. Кютман пытался без достаточных оснований доказать, что они бытовали с конца II в. примерно до 75 г. до н. э. (Kühmann, *Beitrage*). См. также: СА, 1962, № 4, с. 248.

²⁹⁵ Они относятся к периоду IV по классификации Сайденхэма (см.: Sydenham E. A. *The Coinage of the Roman Republic*. London, 1952 p. XXVI ff).

²⁹⁶ *Ibid.*, p. XXVIII ff, p. 33 ff.

²⁹⁷ Weinberg G. D. *Hellenistic Glass Vessels from the Agora*. — "Hesperia", 1961, vol. 30, No. 4, p. 389 ff.

²⁹⁸ Арт. 66. Гробница II. Издан: ОАК за 1880 г. СПб., 1882, с. 18, № 58; Kühmann, *Beitrage*, S. 20, Abb. 4. Высота 0,06 м. Диаметр губы 0,066 м. Из-за плохой сохранности серебра почти весь сосуд, кроме части шейки и губы, скреплен изнутри мастикой, ручка приклеена; повреждены края и листья на концах ручки. Как видно из рисунка (ОАК за 1880 г. СПб., 1882, с. 18), кончики листьев плюща увенчивались колпачками, ныне утраченными.

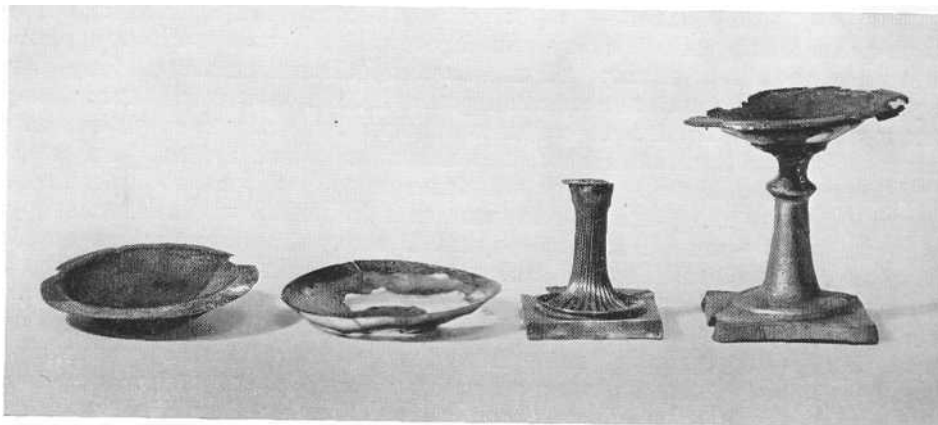
²⁹⁹ ОАК за 1900 г. СПб., 1902, с. 108, рис. 214; ИАК, 1909, вып. 29, с. 36, рис. 33, с. 22, № 18. А. А. Спидыгн описывает эту вазочку как «серебряную чарочку», т. е. сосуд без ручки. Среди вещей

из Ахтанизовского клада имеется серебряная ручка той же формы, как у Арт. 66 (ОАК за 1900 г. СПб., 1902, с. 106, рис. 205; ИАК, 1909, вып. 29, с. 35, рис. 28). Ручка хорошо подходит к «чарочке» и, несомненно, первоначально ей принадлежала. Однако кувшинчик ахтанизовский, вероятно, немного более поздний, судя по сложной орнаментации листьев плюща — аташею ручки.

³⁰⁰ См. серебряную вазочку из Анконы (Wot. *d. scavi*, 1910, p. 336, fig. 23), такую же вазочку из Боскореале (RM, 1923—1924, Bd. 38/39, Abb. 20, S. 125). Также из Италии происходит серебряный кувшинчик Британского музея (Walters H. *Silver Plate*. . . , pl. XVII, No. 126) и его почти точное повторение — кувшинчик, изданный Френером (Froehner W. *Collection Greau*. Paris 1891, № 374). Кувшинчики, найденные в Италии, отличаются от боспорских формой ручек, тоже имитирующих растительные мотивы, но не завязанных в гермаков узел.

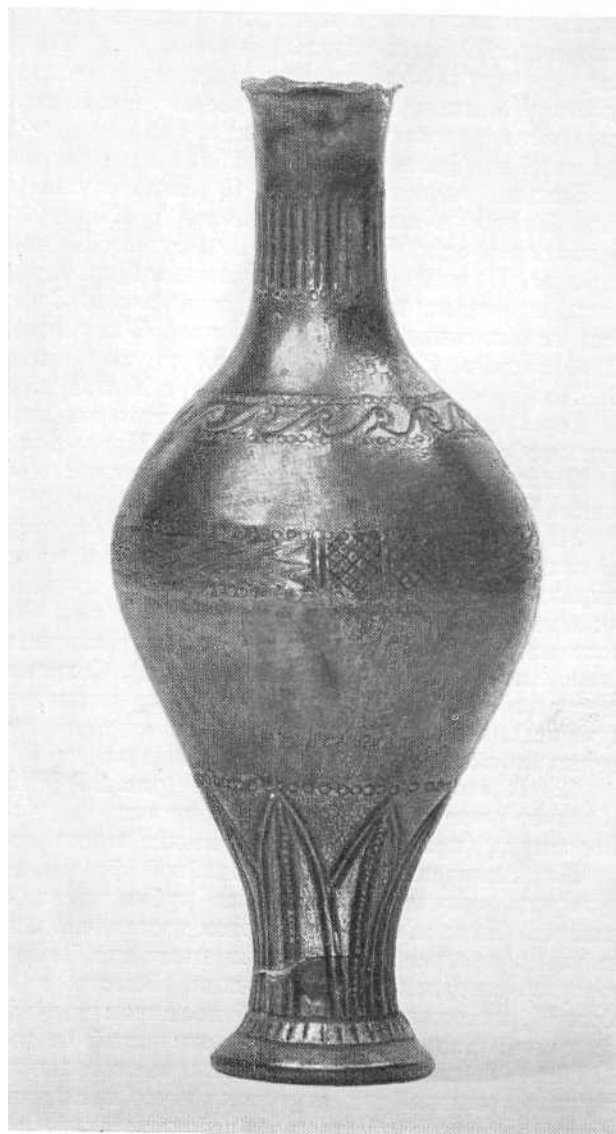

Рис. 28
Курильницы

Арт. 62, 18

Рис. 29
Унгвентарий

Арт. 107

³⁰¹ Thompson, *Two Centuries*, p. 373, D. 23, fig. 58.
³⁰² Sydenham E. A. *Op. cit.*, p. XXVIII ff, p. 33 ff.

³⁰³ Арт. 107. Гробница III. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. IV, 0, с. 22, № 22, с. 91; Minns. *Sc. and Gr.*, p. 431, fig. 321.

Высота 0,098 м. На тулове довольно большая выбоина, венчик обломан, на ножке трещины.

³⁰⁴ AA. 1899, S. 129, Abb. 11, 13. Воспроизведен: Тревер К. В. Ольвийская полихромная амфора. . ., с. 9, рис. 16а, б.

³⁰⁵ Eldridge L. G. *A Third-century Etruscan Tomb* — AJA, 1918, p. 263, fig. 7c, No. 4.

³⁰⁶ Арт. 20. Гробница I. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 9, № 28; Русск. древн., т. I, с. 88, рис. 118. Высота 0,082 м. Серебро плохо сохранилось, флакон и крышка скреплены изнутри мастикой; крышка реставрирована, в ней имеются трещины; части нижнего края крышки не хватает. Весь флакон покривился.

³⁰⁷ Такое устройство у пиксиды Арт. 65.

³⁰⁸ См., например: серебряные пиксиды Эрмитажа, Т.1818, 9а и Гп.1881.69, крышки глиняных пиксид эпохи эллинизма (AJA, 1909, vol. 19, p. 394).

³⁰⁹ Арт. 65. Гробница II. Издана: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. II, 23, с. 17, № 55, с. 70. Поверхность серебра во многих местах испорчена, отчего пострадал орнамент; пиксида покоробилась, не хватает части крышки, нижней части тулова и подставки.

лообразной части крышки — ряд остроконечных листьев на покрытом точками фоне. Между ним и центральной розеткой венков из листьев, перехваченный в двух местах широкой перевязью. Донышко пиксиды углублено и украшено пятнадцатилепестковой розеткой. На орнаментальных полосках и розетках сохранились следы позолоты. Орнамент гравированный и местами (киматий и нижняя розетка) исполнен чеканом в слабом рельефе.

Пиксиды цилиндрической формы были очень распространены в античном мире. Они изготовлялись из разных материалов и отличались друг от друга размерами и деталями формы. В эпоху эллинизма среди других форм встречаются высокие стройные пиксиды, сходные с Арт. 65. По форме и системе орнаментации близка к Арт. 65 фрагментированная серебряная пиксида из погребения у Карантинного шоссе³¹⁰. Прекрасно сохранилась серебряная пиксида, найденная близ Фанагорийской крепости³¹¹; форма ее аналогична, но крышка увенчана высоким столбиком-ручкой. Как пример цилиндрических пиксид средней высоты можно привести серебряную вазочку из Этолии³¹² и бронзовую из Таксилы в Индии³¹³.

10. Пиксида цилиндрическая, немного расширяющаяся книзу с высокой куполообразной крышкой (рис. 27)³¹⁴. Стенки тулова внизу образуют низкий валик, служащий подставкой. Вверху они более тонкие, поэтому стенки надетой на тулово крышки не выдаются над нижней частью тулова. Донышко немного углублено. Пиксида лишена орнамента. Выступы тулова и крышки сделаны неряшливо и имеют закругленный очень нечеткий профиль. Вазочка ковкая с последующей доработкой на станке.

Близкой аналогией к Арт. 19 может служить серебряная пиксида с куполообразной крышкой, найденная в Кьюзи в Этрурии и хранящаяся в Британском музее³¹⁵, однако она более совершенна по обработке и более нарядна. Пиксида найдена в каменной гробнице вместе с другими серебряными вещами и этрусским саркофагом. Здесь же найден уникальный ас, позволяющий датировать погребение временем не ранее середины II в. до н. э. С этой датировкой согласуется и тип саркофага, который В. Хельбиг относит ко II в. до н. э., а Х. Б. Вольтерс — к середине II в.

Серебряная пиксида из Кьюзи того же типа, но с конической, а не куполообразной крышкой хранится в Музее Бостона³¹⁶.

Пиксиды аналогичной формы выделывались также из кости³¹⁷ и из стекла³¹⁸.

11. Фрагментированный тимиатерий (курильница) (рис. 28)³¹⁹. От него сохранилась выкованная из одного листа серебра ножка в виде расширяющейся книзу каннелированной колонки на квадратном постаменте; на постаменте между концами каннелюр — язычки. На боковой грани постаumenta не вполне ясная буквенная надпись, исполненная пунктиром (вероятно, обозначение цены изделия). Сохранились и два больших фрагмента плоской чаши с отогнутым наружу широким краем (вероятно, чаша лутерия), а также пять крупных и много мелких фрагментов чаши примерно такой же формы, но без отогнутого края (крышка).

12. Тимиатерий (курильница) (рис. 28)³²⁰. Ножка гладкая, вверху она образует раструб, на котором стоит чашечка с отогнутым широким краем. Подставка (прямоугольная) и ножка выкованы из одного листа серебра.

Металлические вазочки подобной формы носят различные названия: лутерии, подсвечники, солонки, кубки. Назначение их остается невыясненным. На наш взгляд, имеется достаточно оснований считать эти вазочки тимиатериями, т. е. курильницами для благовоний. За такое толкование говорят следующие наблюдения. Вместе с «лутерием», найденным в Трое³²¹, находился бронзовый колпачок полусферической формы, сплошь усеянный рядами маленьких отверстий и имеющий колечко наверху. А. Гётце, издавший эти предметы, высказал предположение, что колпачок служил крышкой для «лутерия» и что последний был курильницей. Такое же устройство свойственно многочисленным видам античных тимиатери-

³¹⁰ Эрмитаж, инв. П.1834.74.

³¹¹ ДЕК, табл. XXXVII, 3.

³¹² *Eph. Arch.*, 1906, col. 83, fig. 11 (из гробницы середины II в. до н. э.)

³¹³ Marshall J. *Taxila*... , pl. 171, No. 253 (пиксида с высокой профилированной ручкой на крышке).

³¹⁴ Арт. 19. Гробница I. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 9, № 25. Не хватает почти половины куполообразной части крышки, поломан ее нижний край; на тулове, у подставки, — небольшая выбоина. Серебро не очень хорошей сохранности. Высота 0,08 м; диаметр подставки 0,055 м.

³¹⁵ Walters H. B. *Silver Plate*... , p. 7, No. 23; *Antike Denkmäler*. Bd. 1 S. 9 ff., Abb. 20 (Helbig).

³¹⁶ Eldridge L. G. *A Third-century Etruscan Tomb*... , p. 266, fig. 8b. Датировка комплекса III в. до н. э. основана на неправильной датировке Артюховского кургана.

³¹⁷ См., например: ОАК за 1896 г. Спб., 1898, с. 205, рис. 61а, б (из с. Цветка бывш. Чигиринского уезда).

³¹⁸ См.: *Glass from the Ancient World. The Ray Winfield Smith Collection*, No. 92, 172.

³¹⁹ Арт. 62. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. II, № 20—22, с. 17, № 52—54, с. 69. При издании памятников из Артюховского кургана Стефани (ОАК за 1880 г. Спб., 1882), видимо, перепутал лутерий из гробницы I (наш № 11) с вазочкой из гробницы II (наш № 12), и инвентарь Эрмитажа принимает определение Стефани. Но в печатном отчете Верберосова о раскопках гробницы I (ОАК за 1879 г. Спб., 1881, с. L) значителен «подсвечник в виде желобчатого столбика на квадратном основании», а в отчете о раскопках гробницы II (ОАК за 1879 г. Спб., 1881, с. VI—XI) отмечен просто «серебряный подсвечник». Мы полагаем поэтому, что лутерий с каннелированной ножкой (№ 11) относится к гробнице I, а лутерий с гладкой ножкой (№ 12) — к гробнице II. Высота ножки 0,073 м. Диаметр чашечки 0,066 м. От крышки сохранились фрагменты.

Как показала недавно произведенная реставрация, фрагменты чаш, возможно, происходят от другого, не сохранившегося, лутерия, а не от Арт. 62.

³²⁰ Арт. 18. Гробница II. Высота 0,111 м; диаметр чашечки 0,117 м. Серебро плохо сохранилось. Подставка склеена из нескольких кусков;

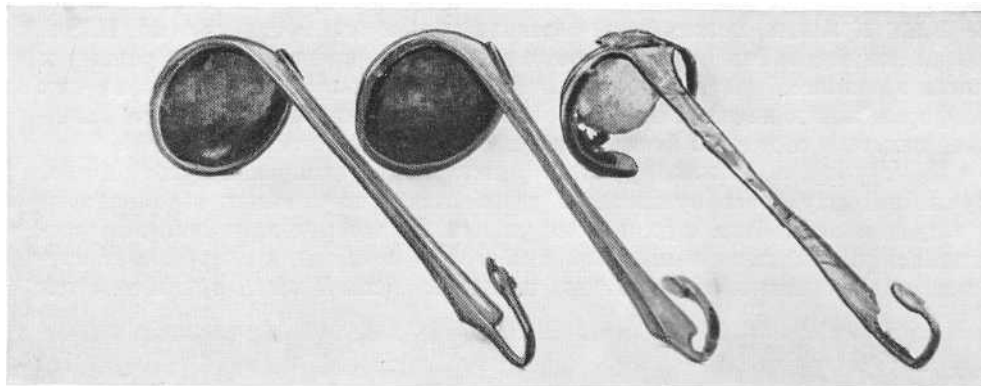
Рис. 30

Черпаки

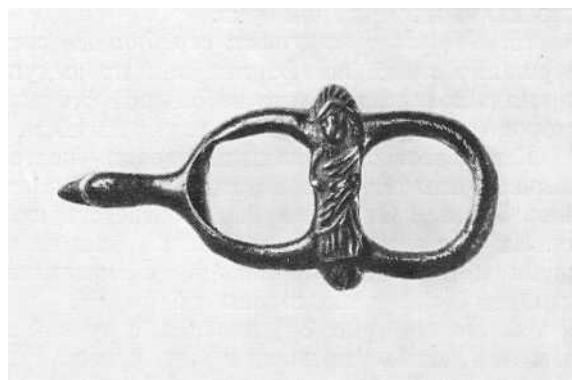
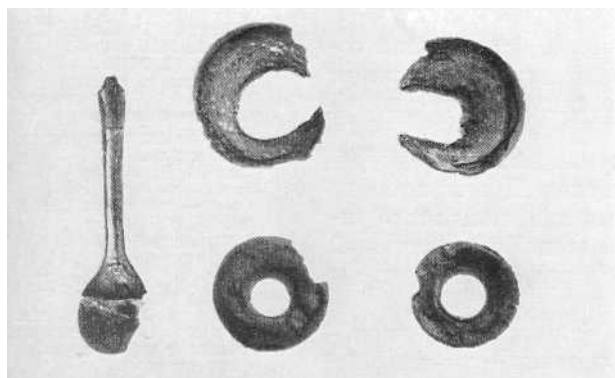
Ложка, колпачки,
ободки

Пряжка сарматского
типа

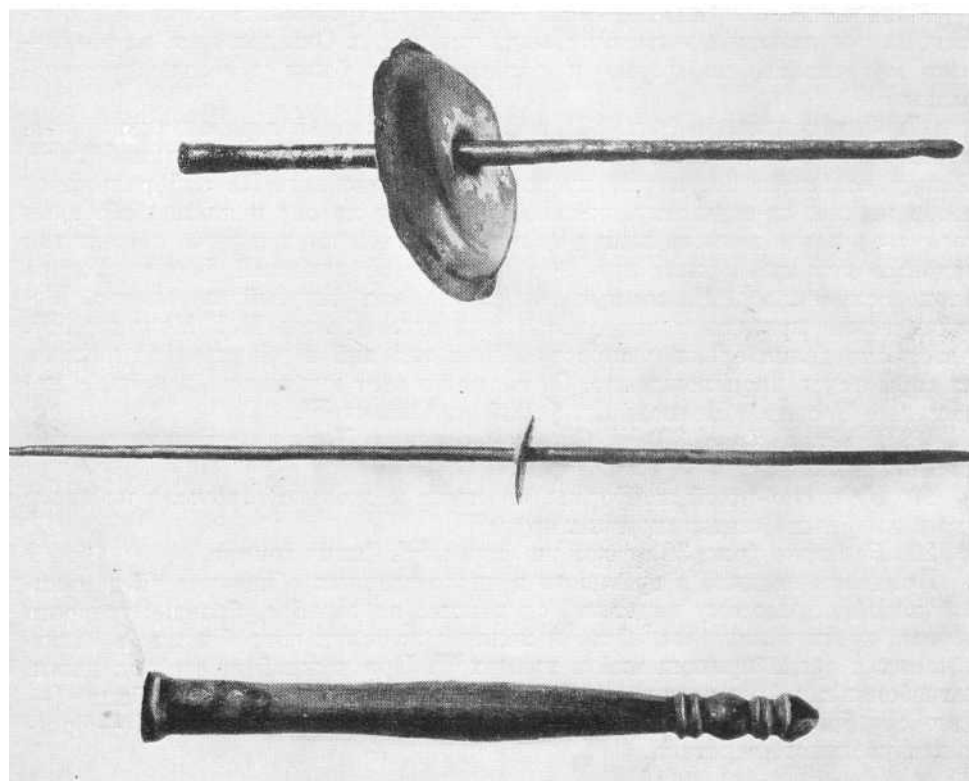
Веретена, палочка

Арт. 68, 67, 21

Арт. 69, 85, 22,

Арт. 70, 23, 72

ев³²². В крышках тимиаатериев, найденных на Боспоре, отверстий, видимо, не было. Крышки, может быть, служили только для тушения огня. К. Виганд в исследовании о тимиаатериях пишет, что на надгробных рельефах эпохи эллинизма часто изображаются курильницы³²³. Некоторые из них по форме почти идентичны «лутериям». Нам кажется, что все это позволяет видеть в сосудах в форме лутериев курильницы-тимиаатерии³²⁴.

13. *Черпак с длинной ручкой и неглубокой чашечкой* (рис. 30)³²⁵. Ручка наверху резко сужается и загибается книзу; конец ее обработан в виде головы собаки с длинными ушами. Внизу ручка, постепенно расширяясь, переходит в чашку, причем отогнутые назад края ручки ложатся на край чашки и образуют два шипа. В верхней части ручки имеется исполненная пунктиром надпись: (20 драхм), вероятно, цена черпака³²⁶.

14. *Черпак* такой же формы и техники, как предыдущий (рис. 30)³²⁷. Это точное повторение черпака Арт. 68, с той разницей, что на нем нет переданных пунктиром букв.

15. *Черпак с остатками серебряного ситечка* (рис. 30)³²⁸. Черпак совершенно такой же формы, как предыдущие. От ситечка в настоящее время сохранился только небольшой фрагмент, припаянный к внутренней стороне тонкой части ручки, под ее изгибом.

Как известно, черпаки и ситечки—постоянная принадлежность погребального инвентаря в могилах местной знати в Северном Причерноморье и во Фракии. Они неизменно соответствуют греческим изделиям этого вида. Их форма в общем стабильна, если не считать большей или меньшей глубины чашечки и вариантов в оформлении ручки (в виде головы птицы или, что более редко, головы собаки)³²⁹.

16. *Ложка* (рис. 30) плоская, с ручкой такой же формы, как у черпаков: она загибается назад в виде крючка³³⁰. По краю ручки—гравированная линия. Внутри чашечки слабые следы гравированного, по-видимому, растительного, орнамента.

Маленькие ложечки, подобные Арт. 69, употреблялись греками и римлянами в кулинарии, косметике, медицине и т. д. Они делались из различных материалов, по форме и орнаментации были довольно разнообразны³³¹.

17. *Литая пряжка* (рис. 30) в форме уложенной горизонтально восьмерки с выдающимся влево шипом, которому придан вид головы лебеда³³². Между кольцами восьмерки продолговатая пластина. На ней рельефное изображение, по-видимому, женской фигуры в хитоне и плаще; обе руки согнуты в локте и кисти лежат на поясе, причем правая рука, повернутая ладонью вверх, держит какой-то предмет сферической формы. Голова плохо сохранилась. На выступе пластины, над фигурой, пальметка. Металлические пряжки в виде восьмерки исследованы М. Г. Мошковой³³³. Автор определил ареал распространения изделий и убедительно доказал их сарматское происхождение. От сарматов этот вид поясных пряжек перешел на Боспор, в Неаполь Скифский и в Ольвию³³⁴.

18. *Веретено* (рис. 30)³³⁵. Спица массивная. Диск из довольно тонкого листа серебра.

19. *Веретено* такой же формы, но спица несколько тоньше, а на диске два рельефных концентрических круга³³⁶.

20. *Веретено* (рис. 30) такой же формы³³⁷. Спица тонкая.

Прядение входило в древности в число главных обязанностей домовитой хозяйки. Поэтому веретена, сделанные из серебра, бронзы, твердого дерева, кости и смальты, часто находят в женских погребениях, а также в домах и среди приношений в храмах³³⁸. При каждой из трех женщин, погребенных в Артюховском кургане, находились веретена: в гробнице I—одно серебряное, в гробнице II—два таких же, а в гробнице III—фрагменты костяного веретена.

многие фрагменты утрачены.

³²¹ Dorpfeld W. *Troja und Ilion*. Athen, 1902, S. 412 ff., Abb. 426, 427 (бронза).

³²² См.: Wigan K. *Thymiateria*.— «Bonner Jahrbücher», 1912, Bd. 122; D.-S., *Diet.*, s. v. *Turibulum*.

³²³ См.: Wigan K. *Op. cit.*, S. 72 ff., Taf. III, Nr. 101, 103; Taf. IV, Nr. 113, 115, 117; Wuilleumier P. *Le Trésor de Tarente*. Paris, 1930, pl. VII, p. 48.

³²⁴ См. также недавно найденную в Эдессе мозаику с изображением загробной трапезы (обложка журнала "Archaeology", 1952, vol. 12, No. 3). Один из юношей держит очень похожий на лутерий сосуд, накрытый плоской крышкой.

³²⁵ Арт. 68. Гробница II. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 18, № 60. Сохранность хорошая. Высота 0,248 м. Диаметр чашечки 0,057 м.

³²⁶ О подобных надписях на вазах см.: Lang M. *Numerical Quotations on Greek Vases*.— "Hesperia", 1956, vol. 25, p. 1 ff. и указанную там литературу.

³²⁷ Арт. 67. Гробница II. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 18, № 59. В чашке две выбоины. Поверхность серебра в верхней части ручки немного попорчена. Высота 0,25 м.

³²⁸ Арт. 21. Гробница I. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 8, № 23. Высота 0,025 м; диаметр чашечки 0,056 м. Чашечка составлена из фрагментов, причем нескольких не хватает. Ручка спаяна из отдельных кусков.

³²⁹ О черпаках см.: D.-S., *Diet.*, s. v. *Cyathus*. Работа Кента Хилла (Kent Hill D. *Wine Ladles and Strainers*.— "Journal of the Walters Art Gallery", 1942, No. 5) осталась нам недоступной.

³³⁰ Арт. 69. Гробница II. Издана: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 19, № 64. Длина 0,063 м. Утерян загнутый назад конец ручки, показанный на рисунке в ОАК. Ложечка склеена из трех кусков; край чашечки поломан.

³³¹ D.-S., *Diet.*, s. v. *Spatula*, *Ligula*; *Corinth*, vol. 12, p. 189, No. 1392—1401; *Délos*, p. 222 ff., pl. LXXIV, № 602, 2 (p. 223, notice 14 — подробная библиография).

³³² Арт. 98. Гробница II. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 13, № 9 (значится как «небольшая бронзовая пряжка без украшений»); Максимова М. И. Серебряная пряжка. . . Длина 0,071 м; высота 0,038 м. Поверхность металла была покрыта до чистки густой патиной, детали рельефа не ясны.

В Северном Причерноморье найдено значительное число веретен, по своей форме аналогичных веретенам из Артюховского кургана. Диск у них свободно передвигается по спице, однако его центральное отверстие уже нижнего конца спицы и поэтому при прядении, когда спица поворачивалась толстым концом книзу, диск не мог соскользнуть с веретена.

21. *Массивная литая палочка*, гладкая, неравномерной толщины (рис. 30)³³⁹. Один конец ее гладко обрезан и окружен двумя рельефными ободками; у другого конца две пары таких же ободков и заостренная шляпка. Назначение этого предмета неясно³⁴⁰.

22. *Два серебряных ободка*, припаянные к серебряным шляпкам (рис. 30)³⁴¹.

23. *Фрагменты четырех конусовидных колпачков* с отогнутым нижним краем (рис. 30)³⁴². Листовое серебро.

V. ИЗДЕЛИЯ ИЗ БРОНЗЫ

1. *Круглое зеркало с крышкой*, украшенной изображением Сциллы (рис. на с. 31)³⁴³. Зеркало имеет форму слегка выпуклого диска с отогнутыми краями. Лицевая сторона зеркала отполирована, на обороте оно украшено гравированными концентрическими кругами. Крышка выкована из тонкого бронзового листа. Она прикреплялась к зеркалу при помощи шарнира, помещающегося над головой Сциллы.

Фигурное украшение крышки исполнено в высоком рельефе. Изображен бой морского чудовища Сциллы с юношей—спутником Одиссея. Сцилла, фигура которой помещена в центре композиции и занимает в ней главное место, представлена в образе женщины с крыльями за спиной и длинным рыбьим хвостом вместо ног. Нижняя часть туловища Сциллы опоясана веерообразной оборкой с гребнем, из-под которой как бы выскакивают две обращенные в противоположные стороны собаки. Правая рука Сциллы, держащая весло, поднята кверху для нанесения удара, левой рукой она схватила юношу за волосы; локоны Сциллы развеваются по ветру, крылья подняты и распростерты, покрытый чешуей огромный хвост, заканчивающийся плавником, согнут в дугу. Юноша, фигура которого почти целиком утрачена, был, видимо, представлен тщетно пытавшимся ускользнуть от беспощадного противника. Нижнюю часть рельефа занимает изображение морских волн, переданных в виде набегающих друг на друга завитков.

Техника изготовления зеркала довольно сложная. Диск отлит в форме и доработан на токарном станке. Крышка выкована от руки. Рельеф выбит по модели, и выпуклые его части залиты свинцом. Некоторые детали рельефа (локоны Сциллы, плавник, морские волны) пройдены резцом; другие детали (чешуя на хвосте, кружки на крыльях и оборке) исполнены штамповкой. Рельеф был припаян к крышке. Следов позолоты, отмеченных Стефани, в настоящее время не наблюдается.

Зеркало из Артюховского кургана принадлежит к типу зеркал, возникшему в IV в. и очень распространенному в эпоху эллинизма³⁴⁴. В литературе неоднократно отмечалось, что рельеф его крышки тематически и композиционно тесно связан с бронзовым зеркалом из Эретрии³⁴⁵ и бронзовой пластиной из Додоны³⁴⁶. Проведенный З. А. Билимович сравнительный стилистический анализ этих рельефов, а также эллинистического резного камня с той же композицией³⁴⁷ убедительно показал, что рельеф зеркала из Артюховского кургана, вероятно, восходит еще к IV в. З. А. Билимович удалось доказать вторичное использование рельефного украшения его крышки, поскольку рельеф, изображающий Сциллу, первоначально предназначался для какого-то другого изделия большего размера, чем

³³³ Мошкова М. Г. Раннесарматские оронзовые пряжки. . .

³³⁴ Подробнее см. об этом в указанных статьях М. Г. Мошковой

и М. И. Максимовой.

³³⁵ Арт. 70. Гробница II. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 18, № 61. Длина спицы 0,157 м. Обломан край диска.

³³⁶ Арт. 71. Гробница II. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 18, № 62. Спица разломана на три части. От диска сохранилось три фрагмента.

³³⁷ Арт. 23. Гробница I. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 31. Длина спицы 0,22 м. Верхний кончик спицы приклеен. От диска сохранилась только средняя часть, надета на спицу (максимальная длина 0,019 м). На диске вырезана буква.

³³⁸ Об античных веретенах см.: D.-S., *Dict.*, s. v. Fusus; *Délos*, p. 267 (здесь указана библиография).

³³⁹ Арт. 72. Гробница II. Издана: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 18, № 63. Длина 0,137 м. Сохранность хорошая.

³⁴⁰ Сходные стержни из кости обычно истолковывались как спицы веретен или ручки вееров, опахал и т. п. См.: *Delos*, p. 247.

³⁴¹ Арт. 22.

³⁴² Арт. 85. Гробница II. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 15, № 20—23. Высота 0,017 м; диаметр 0,031 м. От каждого колпачка сохранилось только около половины.

³⁴³ Арт. 75. Гробница II. Издана: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. 111, 13, с. 19, № 65, с. 80; Reinach S. *Répertoire des reliefs*, Paris, 1912, vol. 3, № 495. В последнее время зеркало было основательно исследовано З. А. Билимович (см.: Билимович З. А. Зеркало из Артюховского кургана). Диаметр 0,21 м. Судя по печатному отчету о раскопках, зеркало было испорчено окисью металла (см. подробное описание повреждений зеркала в указанной статье З. А. Билимович, с. 139).

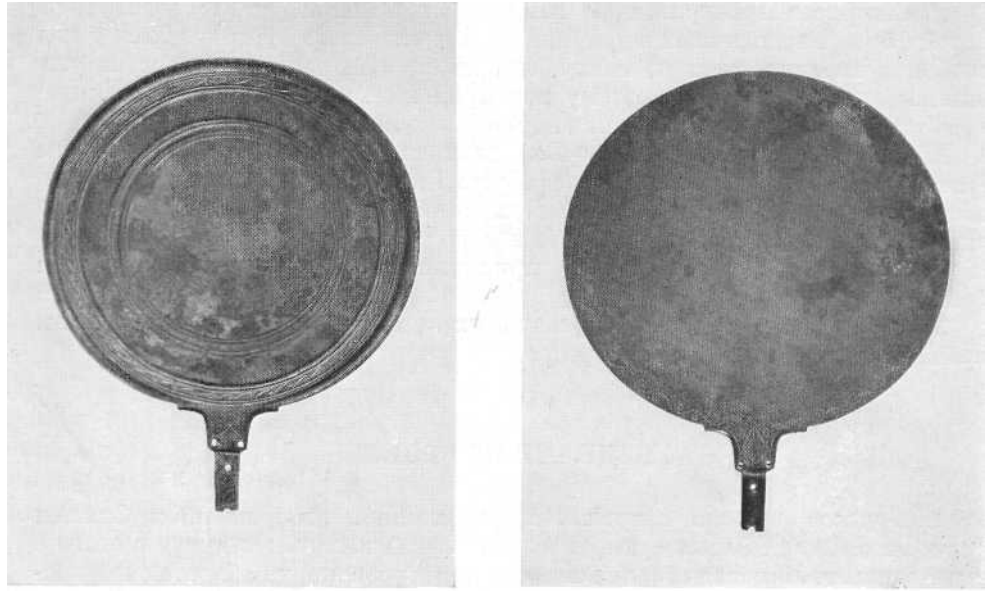
³⁴⁴ См.: Züchner W. *Griechische Klappspiegel*. Berlin, 1942, S. 56.

³⁴⁵ AA, 1894, S. 118, Nr. 14, Abb. 15 (A. Furtwängler); Züchner W. *Op. cit.*, S. 57, Abb. 120.

³⁴⁶ Carapanos C. *Dodone et ses mines*, Paris, 1878, pl. XVIII, № 1; Neugebauer K. A. *Zeus von Dodona*.—JdI, 1934, Abb. 12.

³⁴⁷ Furtwängler, A.G., Taf. XXXII, 45.

Рис. 31
Зеркало.
Лицевая и оборотная
стороны
Детали зеркала

Арт. 26

крышка зеркала Артюховского кургана. Таким образом, отнесение рельефа нашего зеркала ко времени значительно более раннему, чем предлагаемая нами дата Артюховского кургана, не противоречит новой датировке всего комплекса кургана и в то же время это интересный пример бережного сохранения в местной общественной среде Боспора выдающегося произведения эллинистического художественного ремесла.

2. *Зеркало* в виде массивного плоского диска с боковым выступом-стержнем (рис. 31)³⁴⁸. Зеркало отлито в форме. Как показывают отверстия для штифтов, к нижней половине стержня прикреплялась ручка зеркала, сделанная из металла, дерева или кости. Верхняя часть выступа украшена резьбой, так же как край лицевой стороны зеркала и его оборотная сторона. На стержне вырезаны три остроконечных листа с жилками. Кончики листьев заходят на диск; вдоль контура лопастей идет пунктирная линия.

Вдоль края диска, примерно до середины его высоты,—исполненная пунктиром ветка растения с завитками, усиками и плодами. На оборотной стороне concentрически расположены рельефные пояса, чередующиеся с двумя плоскими орнаментальными поясами в обрамлении из парных линий. Во внешнем орнаментальном поясе—исполненная пунктиром волна; во внутреннем поясе—гравированная гирлянда из стилизованных листьев, перехваченная широкими перевязями и лентой. На гладкой поверхности диска между обоими орнаментальными поясами находятся исполненные пунктиром неясные изображения, напоминающие ветки с листьями и цветами.

По своей форме Арт. 26 принадлежит к типу зеркал с прямой сборной ручкой³⁴⁹. Диски подобных зеркал снабжены выступом или шипом, на который насаживалась ручка, сделанная, как правило, из дерева или кости.

Верхняя часть выступа, не скрытая накладной ручкой, иногда бывает орнаментирована, причем растительные мотивы нередко, как у Арт. 26, распространяются с выступа на нижнюю часть диска³⁵⁰.

Зеркало Арт. 26 интересно тем, что его довольно богатые гравированные украшения состоят из типично эллинистических мотивов: наложенные друг на друга остроконечные листья, растительная ветка, плотная гир-

³⁴⁸ Арт. 26. Гробница I. ОАГ за 1880 г. Спб., 1882, с. 10. № 32. Диаметр 0,177 м. Конец стержня отломан. На поверхности имеются мелкие повреждения.

³⁴⁹ См.: D.-S., *Dict.*, s. v. *Speculum*, § VIII (De Riddder).

³⁵⁰ AA. 1910. S. 52. Abb. 6.

Рис. 32
Светильник

Чаши

Арт. 76

Арт. 112, 93

Лянда, перевязанная лептами. Орнаментация обратной стороны зеркала Арт. 26 концентрическими кругами напоминает систему украшения футляров зеркал с крышками.

3. Зеркало круглое (рис. 33)³⁵¹. Выковано из тонкого листа бронзы. Край его загнут к обратной стороне диска под прямым углом. Лицевая сторона отполирована. Судя по отчету Тизенгаузена³⁵², зеркало было позолочено.

Арт. 111 принадлежит к типу зеркал, описанному В.П.Шиловым как «плоские зеркала с вертикально отогнутым краем и боковой ручкой. . .».

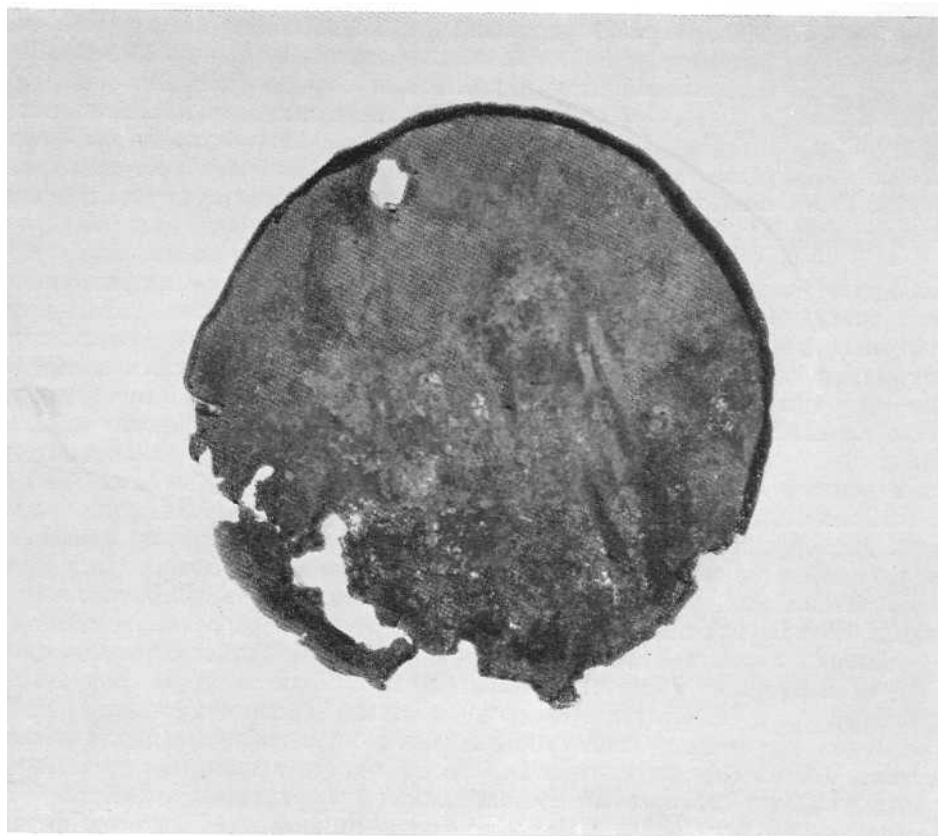
³⁵¹ Арт. 111. Гробница III. ОЛК за 1880 г. Спб 1882 с. 22. № 23. Диаметр 0.128 м. Край зеркала на протяжении примерно одной трети его окружности сильно попорчен, поэтому нельзя установить, имелась ли у зеркала ручка. Судя по экземпляру, опубликованному

Рис. 33

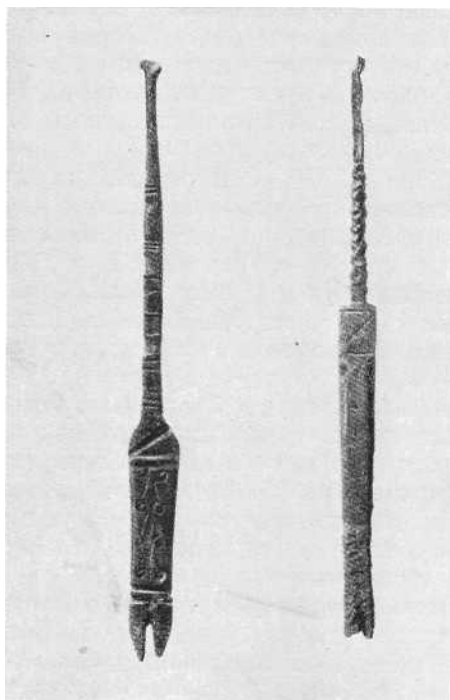
Зеркало

Уховертки

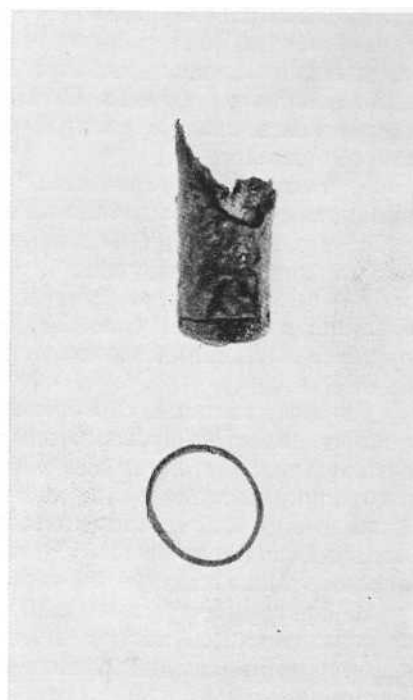
Фрагмент ладанки,
кольцо

Арт. 111

Арт. 94, 118
Арт. 77, 119

Обратная сторона их часто украшалась концентрическими кругами, геометрическим орнаментом в виде зигзагообразных линии, дополненных наколами или штриховкой. Некоторые зеркала носят следы позолоты³⁵³. В. П. Шилов приводит обширный список подобных зеркал, найденных в грунтовых могильниках и курганах Прикубанья. Массовый характер находок в Прикубанье указывает, по его мнению, на меотское происхождение зеркал этого типа. Время бытования этих изделий определяется Шиловым периодом от III до I в. до н. э.

4. *Бронзовый светильник* с вытянутым рожком и ручкой в виде гераклова узла (рис. 32)³⁵⁴. Вместилище сферической формы на профилированной довольно высокой кольцевидной подставке. Отверстие вместилища окружено ободком, на котором около ручки есть две петельки, служившие шарниром для крышки. Рожок с приплюснутыми боками сильно выдается вперед. Верхняя часть ручки имеет форму двух завязанных в гераклов узел стеблей; на одном конце они заканчиваются длинными острыми листьями, наложенными на тулово светильника; на другом — закручиваются в волюты: из-под волют выдается большой лист с зубчатыми краями и жилками. В центре волот и на листе восемь отверстий. Из-под гераклова узла выходит широкий плоский стержень, образующий петлю рожка; на месте сгиба стержня и на нижнем конце его — по листу плюща. Последний лист наложен на тулово светильника. На вместилище рельефная львиная маска. Светильник целиком отлит в форме; детали обработаны резцом.

Близкой аналогией для Арт. 76 может служить бронзовая лампа, найденная в Приене³⁵⁵. Строение этого светильника полностью совпадает с формами Арт. 76. Отсутствуют у него только верхний лист на ручке и рельефная маска на тулове. Сходство между обоими светильниками столь велико, что их следует считать изделиями одного времени и, по всей вероятности, одной, скорее всего, малоазиатской мастерской³⁵⁶.

Сравнение Арт. 76 с глиняными светильниками дает некоторые указания на время его происхождения. Как известно, во II в. до н. э. на смену глиняным светильникам, сделанным на гончарном круге, пришли светильники, изготовленные в формах³⁵⁷. Отличительным признаком последних являются обильные рельефные украшения, очень редкие на светильниках, сделанных на гончарном круге. Согласно принятому мнению, бронзовые светильники, похожие на Арт. 76, являются прототипами глиняных ламп, изготовленных в формах. Отсюда можно сделать заключение, что Арт. 76, скорее всего, следует датировать серединой II в. до н. э. или началом его второй половины.

5. *Чаша полусферической формы* (рис. 32)³⁵⁸. Стенки гладкие, без орнамента. Чаша выкована из довольно плотного бронзового листа.

6. *Чаша* такой же формы, но более глубокая (рис. 32)³⁵⁹; техника такая же, как у предыдущей.

7. *Футляр-ладанка* из двух вставленных друг в друга трубочек — вместилища и крышки (рис. 33)³⁶⁰, украшенных гравированными парными кружками. Ладанка выкована из тонкого бронзового листа и доработана на станке.

Сходные золотые, серебряные и бронзовые ладанки обнаружены в различных областях древнего мира³⁶¹. Назначение подобных изделий устанавливается благодаря тому, что во многих из них оказались свернутые в трубочку металлические листы или куски ткани с магическими знаками и символами или заклинательными надписями и магическими формулами. Ладанки носились на шее³⁶² иногда в виде подвесок к ожерельям. На Боспоре подобные ладанки встречались неоднократно³⁶³.

8. *Инструмент (уховертка)* (рис. 33)³⁶⁴ — удлиненная плоская лопаточка с раздвоенным концом и ручкой в форме стержня, заканчивающегося наверху миниатюрной ложечкой. Лицевая сторона украшена гравированным орнаментом.

Н. В. Анфимовым (МИА, 1951, № 23, с. 155—207, рис. 13, Л, некоторые зеркала этого типа были лишены ручек.

³⁵² ОАК за 1878—1879 гг. СПб., 1881, с. XLV.

³⁵³ Ш и л о в В. П. Калининский курганный могильник. — МИА, 1959, № 60, с. 434.

³⁵⁴ Арт. 76. Гробница II. ОАК за 1880 г. СПб., 1882, с. 19, № 66. Диаметр 0,197 м; высота 0,058 м. Повреждения имеются на ручке, рожке и тулове светильника.

³⁵⁵ Priene, S. 384, Abb. 383.

³⁵⁶ Бронзовая лампа сходной формы опубликована Вольгерсом (Walters H. B. *Catalogue of Lamps in the British Museum*, London, 1914, p. 2, fig. 3). Эта лампа датируется I в. до н. э. Встречаются и эллинистические глиняные лампы с опорой для большого пальца, оформленной в виде листа (AM, 1901, S. 56, Nr. 11).

³⁵⁷ Deonna W. *Les Lampes antiques de Délos*. — BCH, 1908, vol. 32, p. 138; Priene, S. 458; В а л ь д г а у е р О. Ф. Античные глиняные светильники. СПб., 1914, с. 7

³⁵⁸ Арт. 93. Гробница II. ОАК за 1880 г. СПб., 1882, с. 13, № 1. Диаметр 0,191 м; высота 0,054 м. Имеются две большие выбоины и два маленьких отверстия в нижней части чаши. Бронза местами сильно попортилась.

³⁵⁹ Арт. 112. Гробница III. ОАК за 1880 г. СПб., 1882, с. 22, № 24. Диаметр 0,19 м; высота 0,072 м. Донышко и часть стенок чаши выбиты. В передаточной описи (Архив ЛОИА АН СССР, д. АК 4/1879, л. 16) чаша описана как «бронзовая позолоченная».

³⁶⁰ Арт. 77. Гробница II. ОАК за 1880 г. СПб., 1882, с. 19, № 67. Длина 0,044 м. Трубочки спеклись. Отбито несколько кусков стенки крышки, сохранилась часть вместилища, находившаяся под крышкой, и небольшой участок ствола ниже крышки; бронза местами расплылась и покрылась патиной.

³⁶¹ О подобных ладанках см.: Marshall, *Jewellery*, No. 1555—1556; *Delos*, vol. 18, p. 238, fig. 257. В этих трудах указана библиография.

³⁶² Gjerstad E. *Op. cit.*, 1937, vol. 3, pl. 185, 186, p. 205; "Iraq", 1949, vol. 9, part 2, pl. LIX.

³⁶³ ЗООИД, 1898, вып. XXI, протоколы, с. 8—10 (В. В. Шкорпил). См. также: А па к и д з е А. М. н др. Мухета. Тбилиси, 1958, с. 82.

9. Такой же *бронзовый инструмент* (рис. 33)³⁶⁵. Лопаточка у этого экземпляра значительно длиннее, а стержень профилирован. В верхней части лопаточки гравировка. Обратная сторона без орнамента.

Подобные инструменты найдены в большом числе во всех областях античного мира³⁶⁶. Изготавливались эти предметы из золота, серебра, бронзы или кости. Формы их довольно разнообразны. Наряду с простыми маленькими ложечками на стерженьках встречаются разные комбинации ложечек с лопаточками, остриями и зубцами. Обычно эти приспособления называются ухвертками, что, надо полагать, правильно в отношении ложечек на простых стерженьках. Однако более сложные комбинированные инструменты, как Лрт. 94 и 118, вероятно, употреблялись для ухода за ногтями и зубами и находили применение в косметике и медицине³⁶⁷.

10. *Колечко* из плоской бронзовой проволоки (рис. 33)³⁶⁸.

11. *Бронзовые детали деревянного ложа* (рис. 34)³⁶⁹. Налицо имеются следующие части: четыре вида обкладок ножек, скобы для скрепления досок рамы, обкладка изголовья в виде продолговатой изогнутой пластины с рельефными фигурами.

Все эти части массивные, литые. Последующая отделка обкладок ножек и скоб двойными гравированными поясками производилась на токарном станке. Отделка обкладки изголовья исполнена от руки. Бронза была покрыта густой патиной, от которой сильно пострадала поверхность ныне очищенных от патины изделий.

Бронзовые обкладки ножек (рис. 34). Четыре обкладки верхнего конца ножек в виде широких гладких колец с вертикальными стенками, переходящими наверху в расширяющийся обод и гладкое куполообразное перекрытие. У всех четырех экземпляров наверший примерно на уровне средней линии их гладких стенок имеются два или три отверстия, в которых частично сохранились шляпки гвоздей. На крышках двух экземпляров видны вырезанные буквы А и А. Поверхность двух других крышек повреждена, но надо полагать, что и они носили на себе номерные знаки. Нумерация наверший (отсутствующая на других обкладках ножек) объясняется тем, что по своим размерам они распадаются на две пары. У одной пары наверший общий диаметр 0,092 м; диаметр вместилища для головной части ножки 0,066 м; высота 0,041 м. У другой пары общий диаметр 0,085 м; диаметр вместилища 0,066 м, высота 0,035 м.

Первая пара более массивна, чем вторая, хотя детали вставлявшихся в них головных ножек одинаков. Это различие (впрочем минимальное) объясняется тем, что первая пара наверший помещалась в головной части ложа и служила опорой для его изголовья.

Четыре обкладки ножек в виде колец. Их форма полностью совпадает с формой наверший, у колец отсутствуют куполообразные перекрытия. Отверстия для гвоздей находятся в нижней части гладких стенок. Размеры колец: общий диаметр 0,091 м; диаметр отверстия 0,072 м, высота 0,032 м.

Четыре обкладки ножек в виде двойных выкружек или дисков. Кроме гравированных двойных ободков, эти обкладки украшены рельефными ободками, полученными при отливке в форме. В них пробиты отверстия для гвоздей, отчего некоторые обкладки покосились. Этим, вероятно, объясняются колебания размеров общего диаметра и высоты их отдельных экземпляров (общий диаметр 0,064 м у трех экземпляров, 0,067 м—у четвертого; диаметр верхнего отверстия 0,032 м, нижнего—0,028 м; высота отдельных экземпляров 0,048, 0,052 и 0,054 м).

Четыре сложные по форме обкладки нижнего конца ножек. Поверхность украшена также рельефными и нарезными ободками. Отверстия для гвоздей есть у всех экземпляров. Сильно попорчены края всех нижних отверстий. Размеры: наибольший диаметр 0,076 м; диаметр верхнего отверстия 0,021 м, нижнего—0,015 м; высота 0,145 м.

³⁶⁴ Арт. 94. Найдены в преддверии гробницы II. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 13. Длина 0,105 м.

³⁶⁵ Арт. 118. Гробница III. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 23, № 28. Длина 0,109 м. Край ложечки обломаны.

³⁶⁶ См.: *Délos*, p. 223 (подробная библиография).

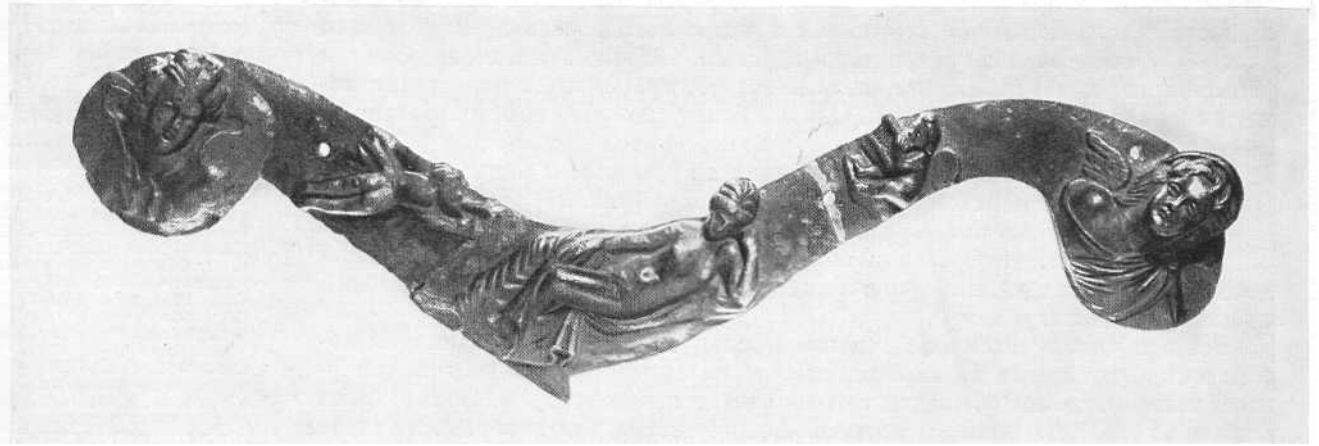
³⁶⁷ D.-S., *Dict.*, s. v. *Auriscalpium denticalpium*.

³⁶⁸ Арт. 119. Гробница III. Диаметр 0,023 м. Колечко помято.

³⁶⁹ Арт. 129. Гробница III. ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLVI. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 92. Реконструкцию ложа см.: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 88. Обладка изголовья издана: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. IV, 10. Согласно отчету о раскопках Тизенгаузена (ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLVIII) «бронзовые пластины и трубки», в которых еще сохранились остатки дерева, лежали в одной куче. Стефани (ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 92) также говорит об остатках «обуглившегося» дерева. В настоящее время имеются только бронзовые части ложа. Обладка изголовья, видимо, намеренно разбита на три части. Следы умышленных повреждений имеются и на других бронзовых частях ложа. Можно думать, что после обряда похорон ложа, на котором лежал покойник, было разломано, брошено в огонь, а затем засыпано землей.

Рис. 34
Бронзовые детали
деревянного ложа

Арт. 129

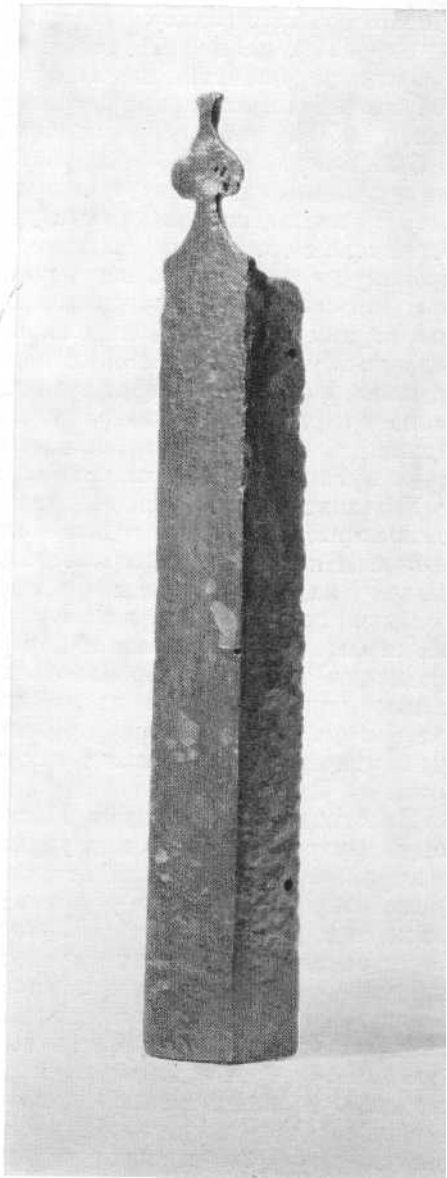

Бронзовые обкладки дают ясное представление о форме ножек ложа в целом. Что касается распределения бронзовых обкладок, то место, занимаемое обкладками 7, 2 и 4, совершенно ясно. Труднее определить местоположение обкладок 5. Однако, исходя из того, что диаметр деревянных ножек, судя по размерам диаметров отверстий обкладок 1, 5 и 2, равномерно уменьшался от верха к низу и что форма и орнаментация обкладок 5 и 2 во многом совпадают, можно думать, что обкладки 5 помещались немного выше обкладок 2, декоративно составляя с последними одно целое. Таким образом, выясняется, что деревянные ножки равномерно сужались книзу, начиная от той их части, которая примыкала снизу к раме ложа. Деревянные части этих ножек не имели выкружек, столь хорошо нам знакомых по изображениям на надгробных рельефах. Выкружки ножек заменялись здесь богато профилированными бронзовыми обкладками.

Скобы (рис. 34). Четыре скобы, служившие для скрепления концов досок деревянной рамы ложа (3). Они имеют форму продолговатых полос с тремя согнутыми под прямым углом гранями. На одном конце полоса закрыта квадратной стенкой, на другом—средняя грань полосы имеет продолжение в виде плоского листа плюща. В боковых гранях скоб—по 3—4 отверстия для гвоздей, при помощи которых скобы скреплялись с досками. Во многих из них сохранились шляпки гвоздей. Все скобы целиком, вместе с листом плюща, отлиты в форме, у трех экземпляров почти весь лист плюща отбит. Размеры: длина без листа плюща 0,184 м, длина с листом плюща 0,221 м, ширина граней скобы 0,024 м.

Массивная плоская изогнутая пластина с рельефными изображениями на лицевой стороне (рис. 34). На концах пластины—по круглому медальону; контуры средней ее части плавно изогнуты, за исключением нижнего участка, образующего горизонтальную прямую. Пластина целиком отлита в односторонней форме. Обратная ее сторона ровная, но в местах, которые соответствуют рельефным изображениям лицевой стороны (за исключением Эрота с цевницей), имеются углубления: под изображением Гермафродита—плоское, под остальными фигурами (Эрот с флейтами и фигуры в медальонах)—глубокие. После отливки отделка рельефных фигур производилась от руки. Пластина имеет четыре отверстия для гвоздей³⁷⁰ и была прибита к боковому обрезу изголовья, профиль

³⁷⁰ В верхнем отверстии сохранился обломок гвоздя.

Арт. 129

которого соответствовал ее форме. Своим нижним горизонтальным краем она опиралась на шляпки передних ножек ложа³⁷¹.

Среди украшавших пластину рельефов центральное место занимает изображение отдыхающего Гермафродита³⁷². Он полулежит на большом плаще, наброшенном на какой-то скрытый под ним предмет (скорее всего, большой камень).левой рукой, согнутой в локте, он подпирает опущенную и слегка повернутую к плечу голову; другая рука вытянута и кисть ее лежит на колене; контуры руки подчеркивают плавный изгиб нагого тела с его мягкими, женственными формами. Нижний конец плаща перекинут через правую ногу, которая почти полностью скрыта под его богатыми складками; выступает только ступня этой ноги, одетая в сандалию; ступня нагой левой ноги скрыта под складками плаща. Волосы Гермафродита уложены в высокую перевитую лентой очень сложную прическу. Выше фигуры Гермафродита изображен младенец-эрот, присевший на землю и играющий на многоствольной цевнице. У ног Гермафродита эрот, парящий в воздухе и играющий на флейтах; через правое плечо у него перекинут плащ, одно крылышко поднято высоко вверх.

Указанная группа фигур заимствована, несомненно, из живописной композиции, знаменитой в древности и известной нам по многочисленным античным камням и инталиям³⁷³. Она изображала Гермафродита, отдыхающего на лоне природы в тени раскидистого дерева и погруженного в сладкие грезы. Вокруг него целый рой маленьких эротов; некоторые из них играют на музыкальных инструментах, другие опахалами навевают прохладу. Рельефы на бронзовой пластине ложа из Артюховского кургана дают лишь извлечение из этой композиции. Следует отметить, что главная фигура с ее мягкими формами и текучими линиями передана здесь очень удачно, а самый сюжет как нельзя лучше подходит для украшения ложа.

Пластина завершается на обоих концах медальоном с рельефным бюстом в центре. Подобный вид украшений получил особенно широкое распространение в прикладном искусстве эпохи эллинизма, и мебель нередко ornamentировалась таким образом³⁷⁴. Бюсты в медальонах ложа из Артюховского кургана обычно толкуются как изображения эротов. Однако с таким определением трудно согласиться, так как во II в. до н. э. эроты мыслились уже в образе маленьких putti, а здесь перед нами взрослые юноши. К сожалению, поверхность нижнего рельефа сохранилась очень плохо, но весь облик изображенного не согласуется с образом младенца-эрота. Через правое плечо свешивается на грудь перевязь из листьев и плодов, а за спиной виднеются изогнутые крылья. Верхний, лучше сохранившийся, бюст также изображает крылатого юношу. Волосы его ниспадают на нагие плечи; ниже виден рельефный борт хитона. Через левое плечо перекинут плащ. На голове юноши убор в форме стеваны, с которой на затылок спускается покрывало. Перевязь из плодов и листьев на первом бюсте указывает на круг Диониса, но крылья обеих фигур и головной убор второго юноши противоречат толкованию их как участников фиаса этого бога. Может быть, в них, так же как в сходных бюстах, украшающих ложе из Анконы³⁷⁵, можно видеть каких-то дионисийских персонажей.

Подробное ознакомление с бронзовыми деталями ложа из Артюховского кургана подтверждает, что реконструкция его, осуществленная Г. Кизерицким³⁷⁶, в своих основных чертах правильна.

Как было установлено рядом исследователей³⁷⁷, тот тип ложа, к которому принадлежит Арт. 129, появился в эпоху эллинизма и, претерпев ряд изменений, сохранился до II—III вв. н. э. Из дошедших до нас и поддающихся реконструкции ложей этого типа к клине Артюховского кургана всего ближе ложа из Приены³⁷⁸ и из Мадии³⁷⁹, первое датируется II, а второе—I в. до н. э., что вполне согласуется с тем временем, к которому мы относим погребение Артюховского кургана.

³⁷¹ Ложа подобного устройства часто изображаются на надгробных рельефах (см., например: Kieseritzky G., Watzinger C. *Op. cit.*, S. 126, Taf. LI, Nr. 696; S. 127, Nr. 703 ff.).

³⁷² Стефани принял среднюю фигуру за Афродиту, и эта ошибка неоднократно повторялась в литературе.

³⁷³ Furtwangler, A. G., Taf. LVII, 23; Furtwangler, *Beschreibung*, Nr. 3911, 3912, 11167, 11242; Walters H. B. *Op. cit.*, No. 3481, 3482, 3768, 3878 ff.

³⁷⁴ Pernice E. *Hellenistische Kunst in Pompeii*. Berlin — Leipzig, 1932, Bd. 5, Taf. 53, 54; Richter G. M. A. *Ancient Furniture*. Oxford, 1926, p. 131, fig. 312; *Not. d. scavi*, 1902, p. 450 ff.

³⁷⁵ *Not. d. scavi*, 1902, p. 443—463, fig. 17.

³⁷⁶ ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 88.

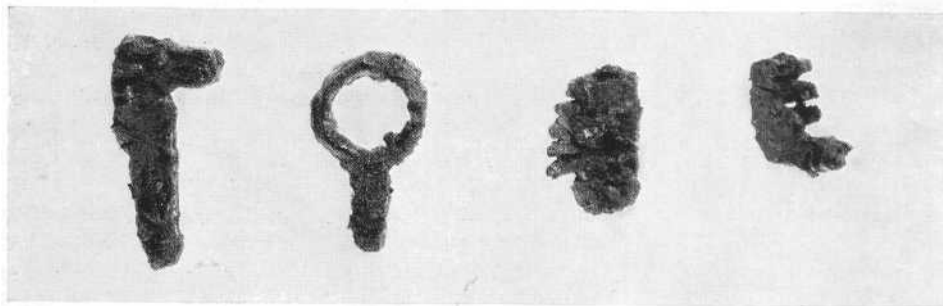
³⁷⁷ Ransom C. L. *Couches and Beds of the Greeks, Etruscans and Romans*. Chicago, 1905; Richter G. M. A. *Ancient Furniture*, p. 57, fig. 307; Priene, S. 378 ff.; Neugebauer K. A. *Delische Betten*. — AM, 1932, Bd. 57, S. 29.

³⁷⁸ Ransom G. L. *Op. cit.*, p. 30.

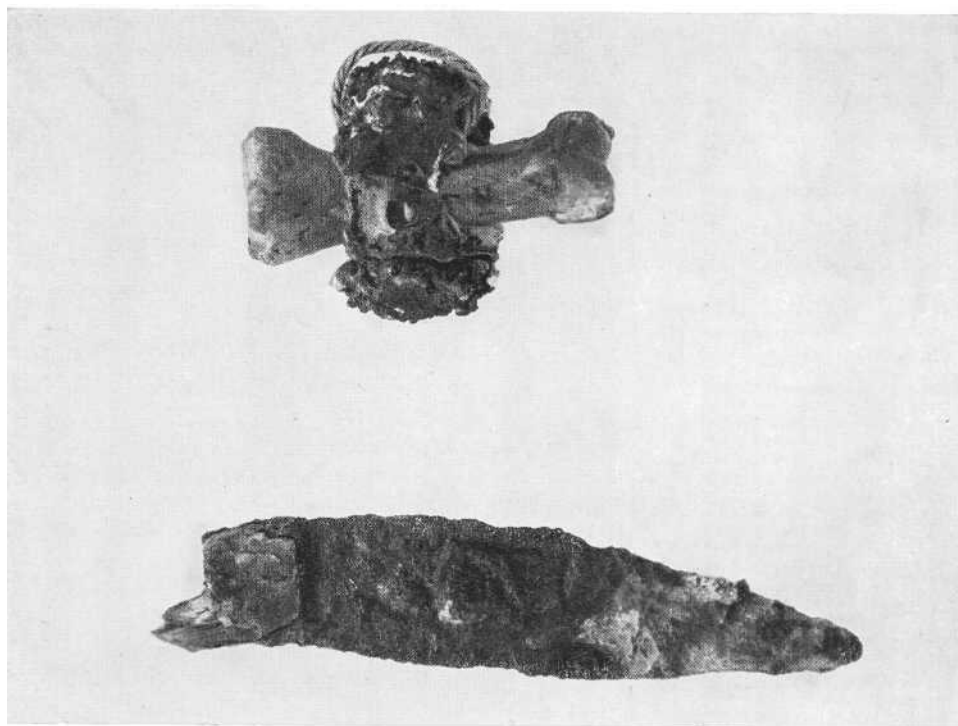
³⁷⁹ Neugebauer K. A. *Op. cit.*, S. 37.

Рис. 35
Фрагменты ключей
от шкатулок
Перстень и нож

Арт. 36

Арт. 128
Арт. 127

VI. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЖЕЛЕЗА

1. *Четыре фрагмента ключей и замка* (рис. 35)³⁸⁰: фрагмент бородки с тремя зубцами и частью стержня; фрагмент бородки с пятью зубцами; верхняя часть стержня ключа с кольцом; согнутая под прямым углом плоская с боков палочка от механизма замка.

В дневнике³⁸¹ и в печатном отчете³⁸² Воребрюсова эти предметы описаны как «медный замок с железным ключом и остатками внутреннего железного механизма». В передаточной описи³⁸³ значится: «Наружная пластинка от медного замка (у шкатулки.—*М. М.*) с остатками внутреннего механизма и с железным ключом». Стефани описывает их как «обломки замка, частью железные, частью бронзовые»³⁸⁴. Упомянутые в этих описаниях бронзовые части замка ныне утрачены. Железные фрагменты, видимо, представляют собой части двух ключей; а палочка, возможно, происходит от внутреннего железного механизма замка³⁸⁵.

Ключи, вероятно, состояли из стержня с колечком наверху и бородки, поставленной под прямым углом к стержню (ключи типа I по Р. Валуа³⁸⁶

³⁸⁰ Арт. 36. Гробница I. ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLIX; ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. И, № 42. Длина: а) 0,025 м, б) 0,03 м, в) 0,041 м, г) 0,047 м. Железо сильно окислилось.

³⁸¹ Архив ЛОИЛ АН СССР, д. АК 6/1879, л. 42.

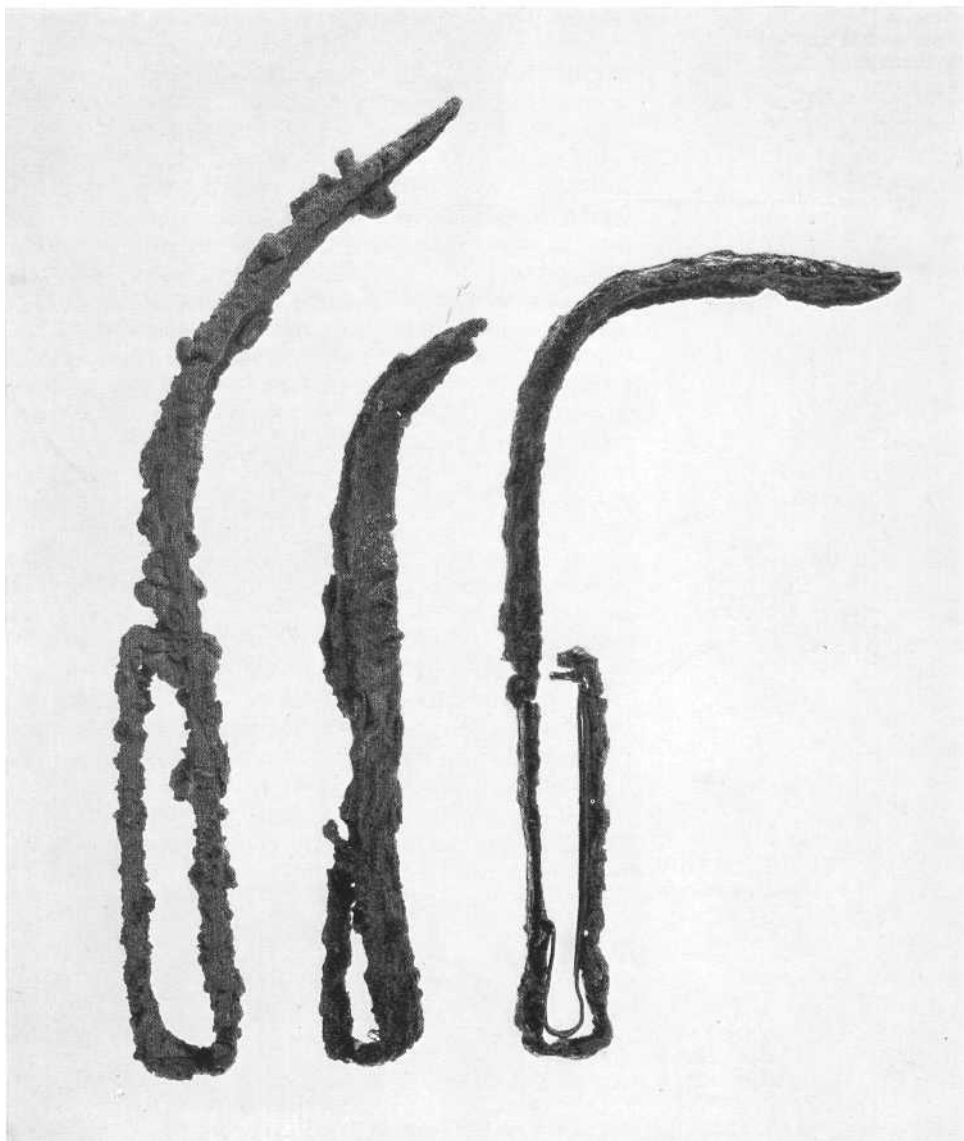
³⁸² ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLIX.

³⁸³ Архив ЛОИА АН СССР, д. АК 6/1879, л. 74, № 24.

³⁸⁴ ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 11, № 42.

³⁸⁵ Сходный предмет был найден в Тарсе (см.: Goldman H. *The Excavations at Gözli-Kule, Tarsus*, Princeton, 1950, pl. 265, в).

³⁸⁶ D.-S., *Dict.*, s. v. Sera (R. Valois).

Рис. 36
Стригили

Арт. 99, 100, 126 L

и Дж. Рихтер³⁸⁷). В разных областях древнего мира было найдено много таких бронзовых и железных ключей³⁸⁸. Почти все они относятся к римскому времени. Находки в Артюховском кургане и в Тарсе устанавливают факт существования подобных ключей в эпоху эллинизма.

Нам кажется вероятным (так, видимо, полагал и Веребрюсов), что ключи и исчезнувший ныне замок принадлежали шкатулкам, костяные шарниры от которых были найдены в той же гробнице. Шарниры, правда, оказались в земле у женского костяка, а фрагменты ключей и замка в особом отгороженном черепицей отделении гробницы в ногах остова, но Веребрюсов подчеркивает, что многие, особенно мелкие, вещи в этой гробнице были перемещены грызунами и найдены не в тех местах, где они первоначально находились³⁸⁹.

2. *Перстень*, в котором сохранилась фаланга пальца левой руки (рис. 35)³⁹⁰. Плохая сохранность не позволяет установить первоначаль-

³⁸⁷ Richter G. M. A. *Catalogue of Bronzes. Metropolitan Museum. New York, 1915, p. 361.*

³⁸⁸ Об античных ключах см.: Goldman H. *Op. cit.*, p. 391, note 4.

³⁸⁹ ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLIX.

³⁹⁰ Арт. 128. Гробница III. См.: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 20, № 4. Железо изъедено ржавчиной. Длина шинки 0,025 м.

ную форму перстня, не ясно также, имелась ли в жуковине вставка. Возможно, что здесь, как и в многочисленных других случаях, перед нами перстень-амулет, заключавший в себе простой кусок железа³⁹¹.

3. *Фрагмент перстня* (Арт. 110). Сохранились почти вся жуковина и кусок шинки. Насколько позволяет судить изъеденный ржавчиной металл, жуковина была плоская, овальная, шинка округлая, суживающаяся книзу.

4. *Нож с остатком деревянной рукоятки* (рис. 35)³⁹². Режущая кромка плоского ножа прямая, спинка закруглена. Деревянная плоская рукоятка была прикреплена к лезвию при помощи железных штифтов, один из которых сохранился.

Ножи типа Арт. 127 с деревянными, костяными и металлическими рукоятками были распространены в Северном Причерноморье³⁹³ и за его пределами³⁹⁴.

5. *Стригиль* (рис. 36)³⁹⁵. Ложка у него очень глубокая; верхняя часть сильно отогнута. Внизу ложка переходит в плоский стержень, который образует ручку стригиля с прямоугольным очертанием.

6. *Стригиль* той же формы (рис. 36)³⁹⁶, но ложка у него, видимо, была более прямая, а небольшая ручка имеет треугольное очертание.

7. *Стригиль* той же формы (рис. 36)³⁹⁷, но ложка более прямая, а ручка имеет форму петли.

Стригили железные, бронзовые, иногда серебряные часто встречаются в мужских погребениях Боспорского царства³⁹⁸.

VII. ИЗДЕЛИЯ ИЗ АЛЕБАСТРА, КОСТИ, РАКОВИНЫ, КОЖИ, СТЕКЛА

1. *Маленькая вазочка из желтоватого алебастра*, в форме амфориска, но без ручек (рис. 38)³⁹⁹. Выточена на токарном станке. На венчике, плечиках и ножке рельефные пояски. На стыке плечиков и тулова имеются бугорки (на одной стороне вазочки—тройной, на другой—одиночный), видимо, зацепки для шнура.

Очень похожая на Арт. 117 вазочка из алебастра была найдена в каменной плитовой гробнице в кургане у Карантинного шоссе⁴⁰⁰.

2. *Костяные трубочки цилиндрической формы*, с боковым отверстием (рис. 37)⁴⁰¹. Трубочки двух размеров: пять трубочек (из которых от одной сохранились только фрагменты) диаметром 0,008 м и длиной от 0,01 до 0,012 м; семь трубочек (пять из них фрагментированных) диаметром 0,015 м и длиной от 0,025 до 0,027 м.

Стефани считал эти трубочки «обломками одной или двух флейт», и это определение сохранилось в литературе об Артюховском кургане. Между тем, оно, несомненно, ошибочно. Очень трудно представить себе флейту, составленную из таких коротких цилиндров. Найденные в хорошей сохранности античные флейты, как, например, флейта, происходящая с афинской агоры⁴⁰², сделаны из одной длинной костяной трубки, а не из ряда костяных цилиндров.

Подобные цилиндрики из кости или твердого дерева часто находят при раскопках могильников, жилых помещений и производственных мастерских. Назначение их долгое время оставалось загадкой⁴⁰³. Их принимали за части флейт, за части ткацкого станка, но в настоящее время можно считать установленным, что эти цилиндрики представляли собой шарниры для откидных крышек шкатулок, ларцов, а также для створок шкафов⁴⁰⁴. При помощи деревянных втулок, вставляемых в боковые отверстия, трубочки прикреплялись попеременно к корпусу шкатулки и к ее крышке. Затем сквозь их продольные отверстия продевался деревянный стержень, служивший осью, вокруг которой вращались трубочки, прикрепленные к

³⁹¹ Арт. 110. Гробница III. ОАК за 1880 г. СПб., 1882, с. 23, № 29. Длина 0,026 м. Железо изъедено ржавчиной и перстень потерял форму.

³⁹² Арт. 127. Гробница III. ОАК за 1880 г. СПб., 1882, с. 21, № 5. Длина 0,083 м. Железо сильно окислилось. От ручки остался только небольшой фрагмент.

³⁹³ См., например, ножи из Зеленого кургана (Эрмитаж, инв. Зел. 15, Зел. 25), ножи из Неаполя Скифского (Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953, табл. V, 4 — конец II в. до н. э.; табл. XII, 1, 2 — I в. до н. э.); ножи из Фанагории (МИА, 1956, № 57, с. 109, рис. 2, 13, 14 и др.).

³⁹⁴ См., например, Priene, S. 391, Abb. 515; Gjerstad E. *Op. cit.*, 1937, vol. 3, pl. XXXVIII, No. 622.

³⁹⁵ Арт. 99. Гробница II. ОАК за 1880 г. СПб., 1882, с. 13, № 5. Длина 0,205 м. Склеены из нескольких кусков. Железо сильно окислилось.

³⁹⁶ Арт. 100. Гробница II. ОАК за 1880 г. СПб., 1882, с. 13. Длина 0,2 м. Стригиль склеен из трех кусков. Кончик ложки отбит. Железо сильно окислилось.

³⁹⁷ Арт. 126. Гробница III. ОАК за 1880 г. СПб., 1882, с. 20, № 3. Длина 0,275 м. Склеен из трех кусков. Железо сильно окислилось.

³⁹⁸ О стригилях см.: D.-S., *Dict.*, s. v. Strigilis; *Olynthus*, part 10, p. 172 ff. (библиография).

³⁹⁹ Арт. 117. Гробница III. ОАК за 1880 г. СПб., 1882, с. 23, № 32. Высота 0,055 м.

⁴⁰⁰ Эрмитаж, инв. П. 1838. 35.

⁴⁰¹ Арт. 35. Гробница I. ОАК за 1880 г. СПб., 1882, с. 11, № 41. Кость желтоватая, пористая.

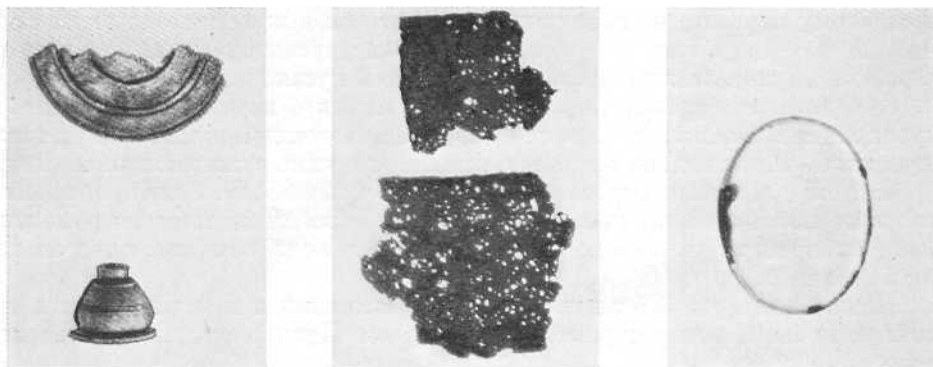
⁴⁰² AJA, 1935, p. 73, fig. 18.

⁴⁰³ О подобных костяных трубочках и их назначении см.: *Délos*, p. 242 *St.*; ср.: *Corinth*, vol. 12, p. 128; Goldman H. *Op. cit.*, p. 400.

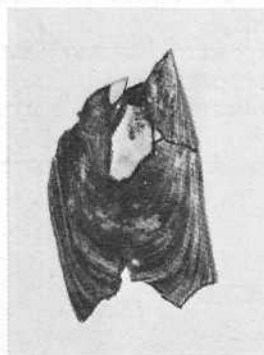
⁴⁰⁴ См.: Vassy, Muller. *Un Atelier gallo-romain de fabricants de charnières en os a Saint-Colombe-les-Viennes. Association Française pour l'avancement des sciences. Reims, 1907, p. 864.* По свидетельству Деонна, в музеях Женевы и Помпей были произведены реконструкции шкатулок с откидными крышками подобного устройства, действующими безукоризненно.

Рис. 37
Фрагмент
костяного диска
от веретена
и костяное пряслице
Фрагмент
кожаной плетенки
Стеклянная пластина
Фрагмент
створчатой раковины
Костяные шарниры
от шкатулок

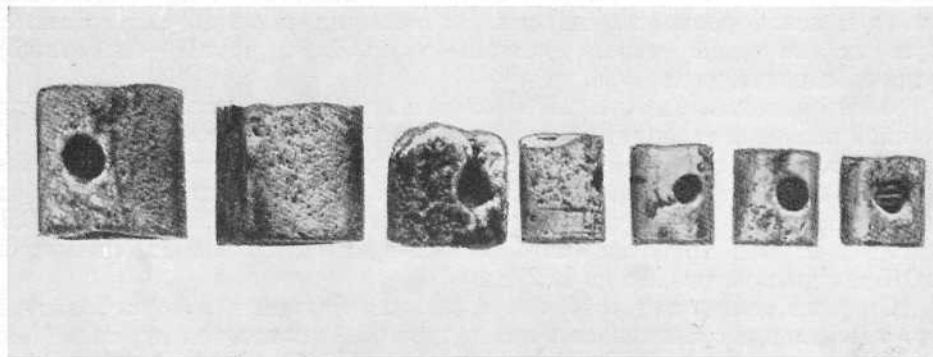
Арт. 120, 80, 74

Арт. 121

Арт. 35

А Б Боскореале сделан гипсовый слепок со шкафа (его отпечаток сохранился в золе, засыпавшей античную виллу при извержении Везувия), причем оказалось, что створки вращались на шарнирах, — вероятно, костяных, — имевших форму именно таких цилиндрических трубочек. См.: *Mon. ant.*. 1897. vol. 7. col. 411, fig. 6; Mau A. *Führer durch Pompeii*. Leipzig, 1898, S. 80. В Северном Причерноморье подобные

трубочки находят довольно часто (см., например: Наливкина М. А. Костяные изделия из раскопок Ольвии 1935, 1936 гг. — Ольвия, Киев, 1940, т. I, табл. XLVI. I. 2. с. 190; Кругликова И. Т. Костяные изделия из Пантйапея. — МИА, 1957, № 56, с. 176, рис. 3, 4

⁴⁰⁵ Такое же устройство имели откидные крышки деревянных саркофагов в виде ящиков, относимых к концу IV и III в. до н. э. См.:

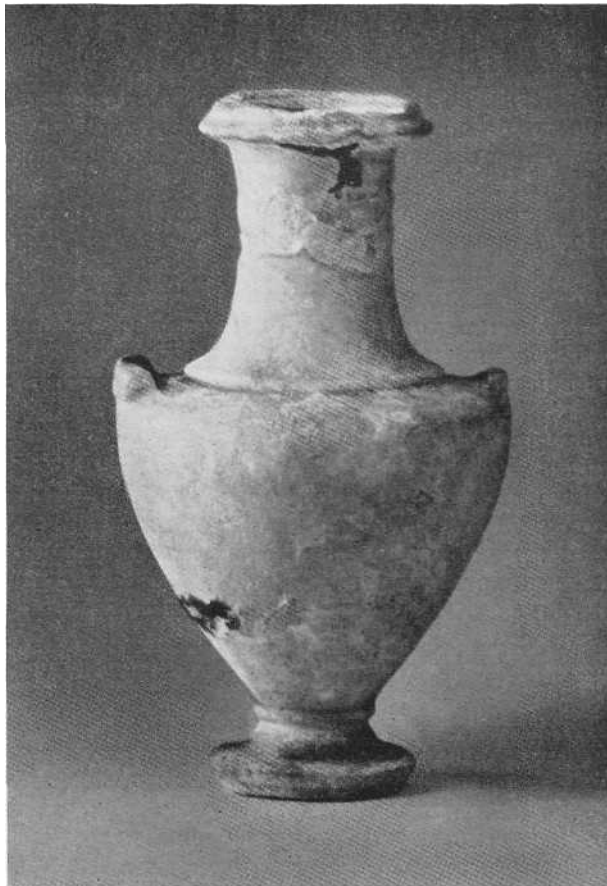
Watzinger C. *Griechische Holz Sarkophage*. Leipzig, 1905, S. 26 ff. Саркофаги № 1, 2, 3, 5, 8, 10 (последний из Юз-Обы).

⁴⁰⁶ Арт. 120. Гробница III. ОАБ за 1880 г. Спб.. 1882. с. 23. № 30. Высота пряслица 0,016 м; диаметр диска 0,044 м. У пряслица отбит кусок нижней части; сохранилось меньше половины диска.

⁴⁰⁷ *Délos*, p. 241. fig. 267; p. 238, fig. 260.

Рис. 38

Вазочка из алебаstra

Арт. 117

крышке шкатулки, когда крышка откидывалась назад⁴⁰⁵. Так как в погребении I были найдены трубочки двух размеров, то можно предположить, что там находилось две шкатулки. Весьма вероятно, что два железных ключа и части замка из той же гробницы принадлежали этим шкатулкам.

3. Два фрагмента костяного веретена (?)⁴⁰⁶: пряслице с профилированным широким основанием, на нижней поверхности которого вырезан кружок; части круглой пластины, на поверхности которой вырезаны концентрические круги (рис. 37).

По всей вероятности, эти два предмета — части от веретена, но, возможно, они имели и другое назначение. По поводу найденных на Делосе аналогичных вещей В. Деонна замечает, что предметы типа пряслица могли украшать концы ремешков, а круглые пластинки — употребляться в качестве дисков веретен, шляпок для булавок и различных стерженьков, а также в качестве игральные жетонов⁴⁰⁷.

4. Половина простой створчатой раковины (рис. 37)⁴⁰⁸. В отчете Тизенгаузена говорится, что в ней находились остатки румян, у Стефани — что это были белила и румяна. В настоящее время в ней можно видеть следы какого-то розового вещества.

5. Три небольших фрагмента кожаной плетенки (рис. 37)⁴⁰⁹.

6. Тонкая, овальная пластинка из бесцветного стекла (рис. 37)⁴¹⁰. Назначение этой и найденных вместе с ней ныне утерянных пластин неясно. Возможно, они украшали какой-то предмет из дерева (ларец?).

⁴⁰⁸ Арт. 121. Гробница III ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 23, № 31. Длина 0,059 м. Край обломаны. Об употреблении раковин для хранения белил и румян см.: ОАК за 1870 г. Спб., 1874, с. 27.

⁴⁰⁹ Арт. 80. Гробница II. У Стефани не упоминаются. Кратко описаны в отчете Тизенгаузена (ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLVII) как «кожаная плетенка».

⁴¹⁰ Арт. 74. Гробница II. Длина 0,028 м. Стекло иризирует. Стефани о пластинке не упоминает. В отчете Тизенгаузена (ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLVIII) и в передаточной описи (Архив ЛОИА АН СССР д. АК/1879, п. 92) сказано, что при окончательной расчистке склепа найдены две золотые, две стеклянные и три сердоликовые пластинки. В настоящее время имеется только одна пластинка.

VIII. КЕРАМИКА

ПРОСТАЯ БЫТОВАЯ КЕРАМИКА

1. *Миска*⁴¹¹ (рис. 39; табл. II)⁴¹². Глина светло-коричневая, пористая, без примесей. Формовка небрежная, поверхность сглажена плохо. Глазурь жидкая, тусклая, коричневатая, от неравномерного обжига местами приняла бурый цвет.

Подобные простые миски местного производства были широко распространены как в Северном Причерноморье, так и в других областях античного мира⁴¹³.

2. *Чашечка* (рис. 39; табл. II) из бледно-коричневой глины с небольшим количеством слюды⁴¹⁴. Стенки тонкие; сосуд хорошо сформован. Жидкая тусклая коричневатая-черная глазурь стала почти везде (под влиянием обжига) темно-коричневой с красным отливом. Чашки местного производства, похожие на Арт. 31, также имели чрезвычайно широкое распространение в Северном Причерноморье⁴¹⁵.

3. *Тарелка на кольцевидной подставке* (рис. 44; табл. II)⁴¹⁶. Грубая светло-коричневая глина с небольшим количеством слюды. Поверхность плохо сглажена. Верхний край изнутри подрезан немного углубленной бороздкой. Внутренняя поверхность покрыта тусклой глазурью и украшена концентрическими кругами; два врезанных круга исполнены на станке до обжига, три — выполнены накладной белой краской по глазури. Снаружи стенки оставлены в цвете глины.

Тарелки сходной формы встречаются как в Северном Причерноморье, так и за его пределами⁴¹⁷.

4. *Тарелка* (рис. 40; табл. II)⁴¹⁸. По типу близка к Арт. 28, но ее верхний край сильно загнут, отсутствует украшение в виде концентрических кругов. Глина грубая, светло-коричневая, с небольшим количеством слюды. Глазурь кирпично-красная, тусклая. Снаружи стенки оставлены в цвете глины; здесь имеются потеки краски. У края блюда видны отпечатки запачканных красной глазурью пяти пальцев левой руки (по-видимому, руки подростка).

В Северном Причерноморье нередко встречаются местные блюда для рыбы с верхним краем примерно того же профиля, как у Арт. 97⁴¹⁹. Находятся они и среди блюд и тарелок, сделанных в Малой Азии, в Афинах и других античных центрах⁴²⁰.

5. *Тарелка* (рис. 39; табл. II) из грубой темно-коричневой глины без примесей⁴²¹. Сформована довольно тщательно, но поверхность местами плохо сглажена. Целиком покрыта коричневатой-черной жидкой глазурью с сильным металлическим отблеском. На доньшке вокруг центра два аккуратно врезанных на станке концентрических круга. На внутренней поверхности стенок во многих местах видны следы от поддонов других сосудов, стоявших на блюде во время обжига.

Подобные тарелки и блюда встречаются в слоях эллинистического времени как на Боспоре, так и за пределами Северного Причерноморья⁴²².

Основываясь на качестве глазури и небрежности исполнения, тарелки Арт. 28, 29, возможно, следует причислить к местной керамике. Тарелка Арт. 97 по техническим признакам стоит на более высоком уровне. Вероятно, это импортное (из Малой Азии) изделие.

6. *Маленький кувшинчик* из светло-коричневой слоистой глины с большим количеством мелкой слюды (рис. 42; табл. II)⁴²³. Сформован на гончарном круге. Стенки очень тонкие. Обжиг слабый. Поверхность сглажена. Матовая жидкая глазурь, черная с рыжевато-серым оттенком, наложена на шейку (снаружи и внутри), на часть тулова под шейкой и целиком на одну из сторон кувшинчика.

Предмет в настоящем его виде легко принять за горшочек. Однако нетрудно заметить бугорок неправильной формы, находящийся на тулове,

⁴¹¹ Арт. 30. Гробница I. ОАБ за 1880 г. Спб., 1882, с. 11, № 36. Диаметр 0,247 м; высота 0,081 м. Миска еще в древности была разбита на две части и починена при помощи свинцовых скоб. Сосуд покрыт белым налетом.

⁴¹² См.: приложение II, табл. I—V.

⁴¹³ См., например: Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. — МИА, 1952, № 25, с. 202, рис. 115, 8;

Марченко И. Д. Раскопки восточного некрополя. . . с. 109, рис. 2, 10;

Круглинова И. Т. Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее в VI—III вв. до н. э. — МИА, 1957, № 56, с. 117, рис. 5, 7; здесь же (с. 118) приведены аналогии из Северного Причерноморья, Малой Азии и Греции.

⁴¹⁴ Арт. 31. Гробница I. Чашка не значится в печатном отчете п в дневнике Верещинского, См.: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 11, № 37 и № 30

(передаточная опись). Диаметр 0,142 м; высота 0,05 м. На поверхности имеются мелкие выбоины.

⁴¹⁵ См., например: Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия. . . с. 202, рис. 115;

Книпович Т. Н. Керамика местного производства из раскопа «П» — Ольвия. Киев, 1940, т. I, с. 160, табл. XXXVIII, 6 (тип 47, местная черноталовая керамика), с. 146, табл. XXXIV, 1 (тип 24а).

⁴¹⁶ Арт. 28. Гробница I. ОАБ за 1880 г. Спб., 1882, с. 10, № 34. См. также: СА, 1960, № 3, с. 51,

рис. 3а. Диаметр 0,351 м. Глазурь местами повреждена. Белая краска частично стерта.

⁴¹⁷ См., например: Марченко И. Д. Раскопки восточного некрополя. . . с. 113, рис. 3, 11 (гробница II в. до н. э.);

Кругликова И. Т. Ремесленное производство. . . с. 128, рис. 7, 7;

Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия. . . с. 202, рис. 115, з. 4, 6;

Книпович Т. Н. Керамика местного производства. . . ; табл. XXXVIII, 1, с. 155, рис. 102 (тип 38);

Thompson, *Two Centuries*, p. 394, E—E-15, fig. 82; AM, 1929, S. 45, Abb. 33, 7 (Самос); Goldmann, *Op. cit.*, p. 213, pl. 179, No. 34, 36.

Рис. 39
Глиняные миска
и чашка
Глиняная тарелка

Арт. 30, 31

Арт. 29

примерно на середине его высоты, под тем местом, где в настоящее время отбит кусок шейки—остаток основания отбитой ручки, верхний конец которой был прикреплен к шейке. Характер излома последней вполне согласуется с нашим предположением. Арт. 116 представляет собой, таким образом, не простой горшочек, а кувшинчик без носика. Изделия такой формы встречаются в местных гончарных мастерских Северного Причерноморья⁴²⁴. Но Арт. 116 по консистенции глины и другим техническим данным не может считаться местным изделием. Он имеет больше общего с кувшинчиками, находимыми в других областях античного мира⁴²⁵ (например, на западном побережье Малой Азии и прилегающих к побережью островах).

7. *Кувшин* из грубой, плохо промытой глины со значительным количеством слюды и белых вкраплений (рис. 43; табл. II)⁴²⁶. В изломе глина кирпично-красного цвета, на поверхности—розовая с желтоватым оттенком. Сосуд сформован на гончарном круге, стенки сглажены, причем в нижней половине это сделано очень неаккуратно. Витая ручка вмазана довольно небрежно. Кольцевидная подставка изготовлена отдельно.

Как неоднократно отмечалось в нашей литературе, кувшины типа Арт. 96 часто встречаются на территории Боспорского царства и в других

⁴¹⁸ Арт. 97. Гробница II. ОАК за 1880 г. СПб., 1882, с. 14, № 10. См. также: СА, 1900, № 3, с. 51, рис. 36. Диаметр 0,365 м. Глазурь в нескольких местах облупилась.

⁴¹⁹ Кн и п о в и ч Т. Н. Опыт характеристики. . . , с. 150, рис. 41, 4; Г а й д у к е в и ч В. Ф. Раскопки Мирмекия. . . , с. 202, рис. 115, 1.

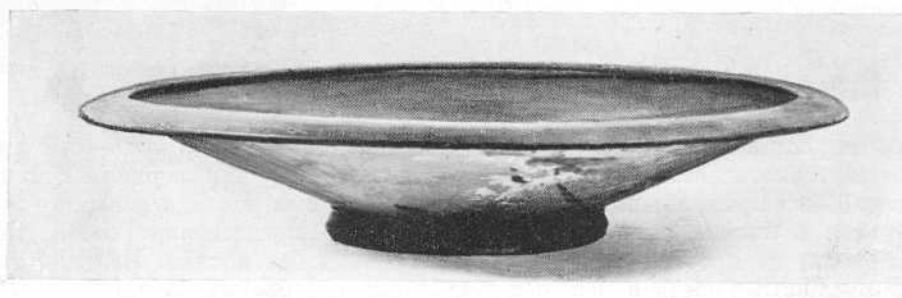
⁴²⁰ Кн и п о в и ч Т. Н. Опыт характеристики. . . , рис. 36, 3, 37, 2; Goldman H. *Op. cit.*, p. 213, No. 32; Thompson, *Two Centuries*, E-18—E-21, fig. 82.

⁴²¹ Арт. 29. Гробница I. ОАК за 1880 г. СПб., 1882, с. 11, № 35; СА, 1900, № 3, с. 52, рис. 4. Диаметр 0,242 м; высота 0,057 м. Не хватает части верхнего края. Большой кусок блюда был отбит, теперь оно склеено.

Рис. 40
Глиняная тарелка

Арт. 97

Арт. 97

областях Северного Причерноморья⁴²⁷. Они принадлежат к тонкостенной местной керамике, охарактеризованной в целом Т. П. Книпович⁴²⁸.

8. *Лагинос* (рис. 45; табл. II) из грубой красновато-коричневой глины со значительным количеством слюды и белых вкраплений сформован на гончарном круге⁴²⁹. Донышко выпуклое, с рельефным ободком у центра. Ручка и подставка довольно неряшливо примазаны к готовому сосуду.

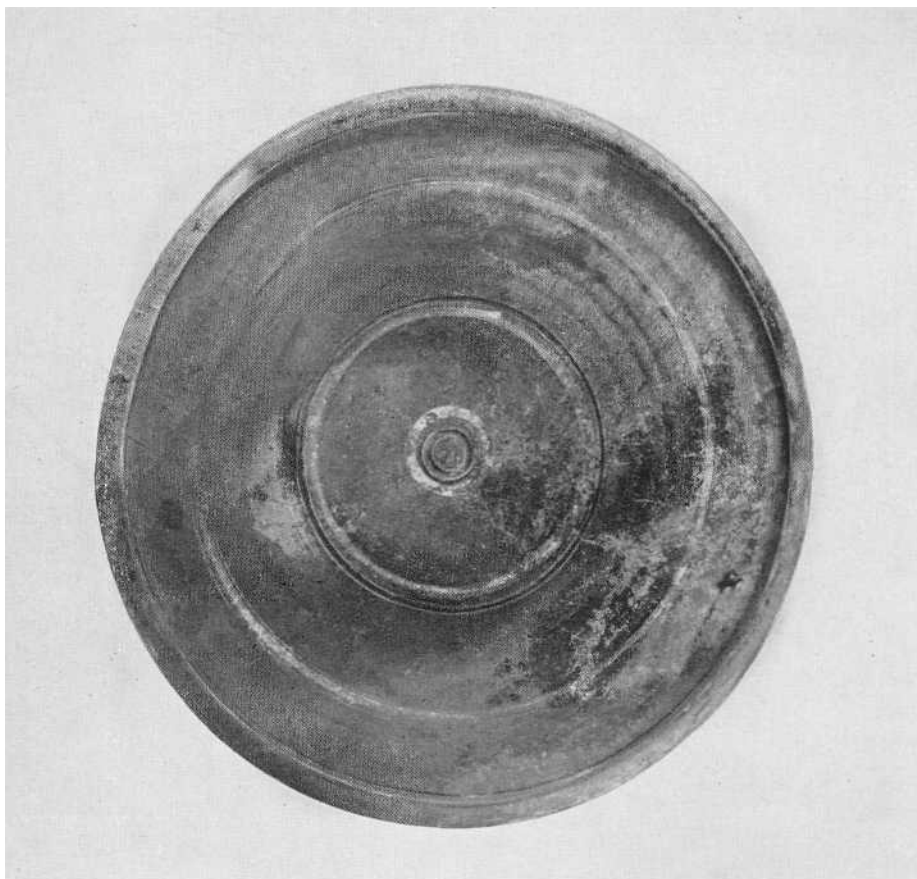
Г. Леру⁴³⁰ считает этот предмет вариантом обычного типа эллинистического лагиноса, характерным для гончарных мастерских Северного Причерноморья. Действительно, такие лагиносы часто встречаются на Боспоре и в Ольвии⁴³¹, тогда как в других областях античного мира они, видимо, неизвестны.

⁴²⁷Кругликова И. Т. Ремесленное производство... с. 128 (тип. III); *Altertümer von Pergamon*. Bd. 1, 2, S. 268. Nr. 1; Thompson, *Two Centuries*, E-151 (два фрагмента тарелок пергамского происхождения с красной глазурью), fig. 116; E-154 (сероглиняная). fig. 112, 116.

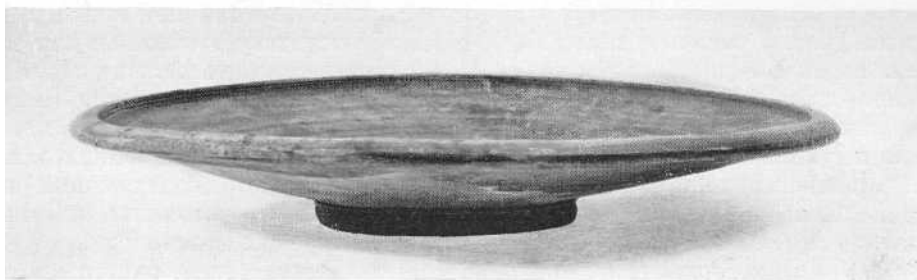
⁴²⁸Арт. 116. Гробница III. ОАБ за 1880 г. Спб., 1882, с. 24, № 35. Высота 0.047 м; диаметр тулова

Рис. 41

Глиняная тарелка

Арт. 28

Арт. 28

0,064 м. Отбиты ручка и часть шейки; поверхность повреждена; на доньшке имеется отверстие.

⁴²¹ Книпович Т. Н. Керамика местного производства. . . , табл. XXXI. 6, с. 139 (Ольвия); Капошина С. П. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи. — МИА, 1959, № 69, с. 137, рис. 41.

⁴²⁵ См., например: Thompson. *Two Centuries*, В-32, G-8, D-19, E-56 ff.;

Olynthus, part 13, pl. 149; *Priene*. S. 422, Nr. 65, 66, fig. 538 (R. Zahn).

⁴²⁶ Арт. 96. Гробница II. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, приложение к с. 12, № 2, с. 14, № 7. Высота 0,155 м; диаметр тулова 0,15 м. На тулове большая выбоина и мелкие повреждения. Поверхность сосуда частично покрыта беловатым налетом.

⁴²⁷ См., например: Книпович Т. Н. Опыт характеристики. . . , с. 147, рис. 39; с. 149,

рис. 40; Танаис, с. 43, рис. 6; с. 76, рис. 31; Кобылина М. М. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1948 г. — МИА, 1951, № 19, с. 248, рис. 5, S; Марченко И. Д. Раскопки восточного некрополя. . . , с. 102—127, рис. 2, 3; 3, 3.

⁴²⁸ Книпович Т. Н. Опыт характеристики. . . , с. 148.

⁴²⁹ Арт. 113. Гробница III. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, приложение к с. 12, № 6, с. 23, № 33;

Leroux G. *Lagunos*. Paris, 1913, p. 71, N° 145. Высота 0,204 м; диаметр тулова 0,16 м.

⁴³⁰ Leroux G. *Op. cit.*, p. 71.

⁴³¹ См., например: Марченко И. Д. Раскопки восточного некрополя. . . , с. 113, рис. 3, № 8, с. 111, 114 (Фанагория. Найден в гробнице 23 вместе с монетами II в. до н. э.); ИАК, 1903, вып. 8, табл. V, № 46 (Ольвия, могила 109 П—I вв. до н. э.).

Рис. 42
Глиняный кувшинчик

Арт. 116

9. *Лагинос* (рис. 44; табл. II)⁴³². Бледно-розовая, не очень тщательно промытая и слабо обожженная глина, мягкая и слоистая, с небольшим количеством слюды. Сосуд сформован тщательно, но нижний конец ручки неаккуратно вмазан в плечико. У Арт. 95 отсутствует обычная для этой категории сосудов белая обмазка. Поверхность тулова сглажена очень хорошо, и это благодаря цвету глины создает иллюзию облицовки. Жидкой красно-бурой глазурью окрашены венчик и подставка, а на стыке плечиков и тулова имеется широкий поясик между двумя парами тонких линий.

Лагиносы сходной формы, исполненные в той же редкой технике, найдены были на Делосе⁴³³ и на афинской агоре⁴³⁴. Это позволило нам определить Арт. 95 как продукцию гончарных мастерских Делоса⁴³⁵.

10. *Унгвентарий* (рис. 46; табл. III)⁴³⁶. Глина серая, одного цвета в изломе и на поверхности, с большим количеством мелкой слюды. Сформован небрежно: толщина стенок неравномерна, поверхность плохо сглажена. На шейке, плечике и тулове пояски, исполненные белой краской.

11. *Унгвентарий* (рис. 46; табл. III)⁴³⁷. Глина в изломе желтовато-серая, со слюдой, поверхность серая. Сформован небрежно, подвергнут сильному обжигу. Белые полосы также идут вокруг горлышка, плечиков и тулова.

12. *Унгвентарий* (рис. 46; табл. III)⁴³⁸. Глина грубая, в изломе кирпичного цвета, поверхность желтовато-серая. Вся поверхность плохо сглажена. Белые пояски на горле, плечике и тулове.

13. *Унгвентарий* (рис. 46; табл. III)⁴³⁹. Плохо промытая серо-коричневая глина. Сосуд сформован чрезвычайно небрежно, отдельные его части отклоняются от прямой оси. Поверхность очень плохо сглажена. На нижней части тулова белые пояски.

⁴³² Арт. 95. Гробница II. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, приложение к с. 12, № 1; СА, 1960, № 3, с. 54, рис. 9. Описан Леру (Leroux G. *Op. cit.*, p. 29, № 38). Высота 0,223 м; диаметр тулова 0,21 м. Местами верхний слой глины на тулове отколот.

⁴³³ Leroux G. *Op. cit.*, p. 19.

⁴³⁴ Thompson, *Two Centuries*, fig. 92, p. 404.

⁴³⁵ СА, 1960, № 3, с. 54.

⁴³⁶ Арт. 32. Гробница I. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 11, № 38—40. Высота 0,168 м.

⁴³⁷ Арт. 33. Гробница I. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 11, № 38—40. Высота 0,166 м. Мелкие выбоины.

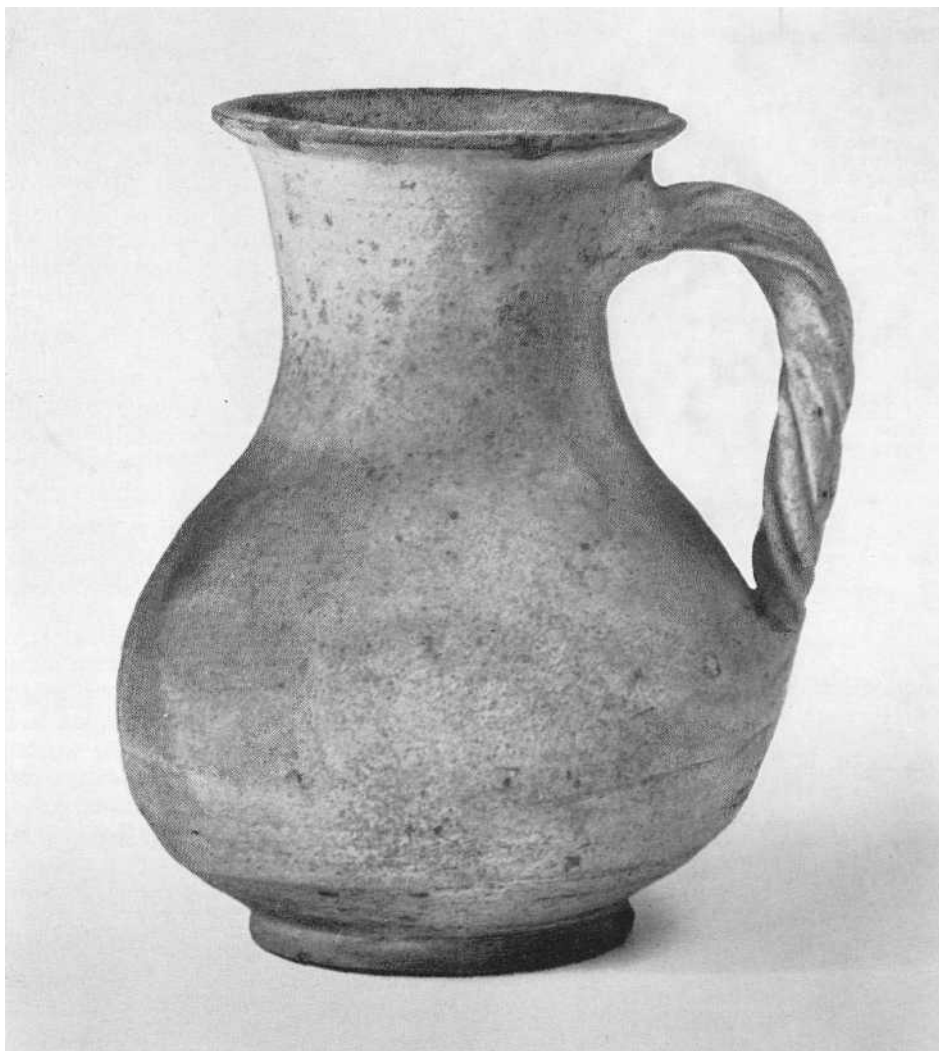
⁴³⁸ Арт. 34. Гробница I. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 11, № 38—40; СА, 1960, № 3, с. 50, рис. 2б. Высота 0,21 м.

⁴³⁹ Арт. 79. Гробница II. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 20, № 69; СА, 1960, № 3, с. 50, рис. 2а. Высота 0,1 м; диаметр тулова 0,027 м.

⁴⁴⁰ Арт. 90. Гробница II. ОАК за 1880 г. с. 14, № 13, 14, 15. Высота 0,217 м; диаметр тулова 0,056 м.

⁴⁴¹ Арт. 91. Гробница II. ОАК за 1880 г., с. 14, № 13—15. Высота 0,15 м; диаметр тулова 0,04 м.

Рис.43
Глиняный кувшин
с витой ручкой

Арт. 96

14. Унгвентарий (рис. 46; табл. III)⁴⁴⁰. Плохо промытая глина с небольшим количеством слюды; в изломе грязно-коричневого цвета. Поверхность темно-серая. Белые пояски.

15. Унгвентарий (рис. 46; табл. III)⁴⁴¹. Плохо промытая глина коричневатого-серого цвета (излом и поверхность) с небольшим количеством слюды. Белые пояски.

16. Унгвентарий (рис. 46; табл. III)⁴⁴². Глина в изломе сургучно-красная, с мелкими белыми вкраплениями. Поверхность серая. Белые пояски.

17. Унгвентарий (рис. 46; табл. III)⁴⁴³. Глина такая же, как у Арт. 92. Неравномерный обжиг, вследствие чего поверхность местами красная, местами грязно-серая. Белые пояски.

Г. Томпсон дал примерную схему эволюции унгвентариев в течение III—II вв. до н. э.⁴⁴⁴ В основных своих чертах эта схема и сейчас остается в силе. Унгвентарии Артюховского кургана по форме и фактуре явно примыкают к унгвентариям II в. Ближайшие аналогии для наших унгвентариев мы находим в группах D и E афинской агоры, датированных серединой и второй половиной II в. до н. э.⁴⁴⁵

⁴⁴² Арт. 92. Гробница II. ОАКза 1880 г. Спб., 1882. с. 14, № 13—15. Высота 0,259 м; диаметр тулова 0,07 м.

⁴⁴³ Арт. 115. Гробница III. ОАКза 1880 г. Спб., 1882. с. 24, № 36; СА. 1960, № 3, с. 50, рис. 2в. Высота 0,115 м; диаметр тулова 0,038 м. Имеются выбоины на ножке и на губе.

⁴⁴⁴ Thompson, *Two Centuries*, p. 472—474.

⁴⁴⁵ Ср., например: D-78 и E-138. См. также унгвентарии из Фанагории (МИА, 1956, № 57, с. 113. рис. 3, № S) из Неаполя Скифского (Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя Скифского, табл. XVIII, Лъ 2, 4) и из Пантикапея (Кругликова И. Т. Ремесленное производство. . . , с. 96, рис. 71, 2, с. 125).

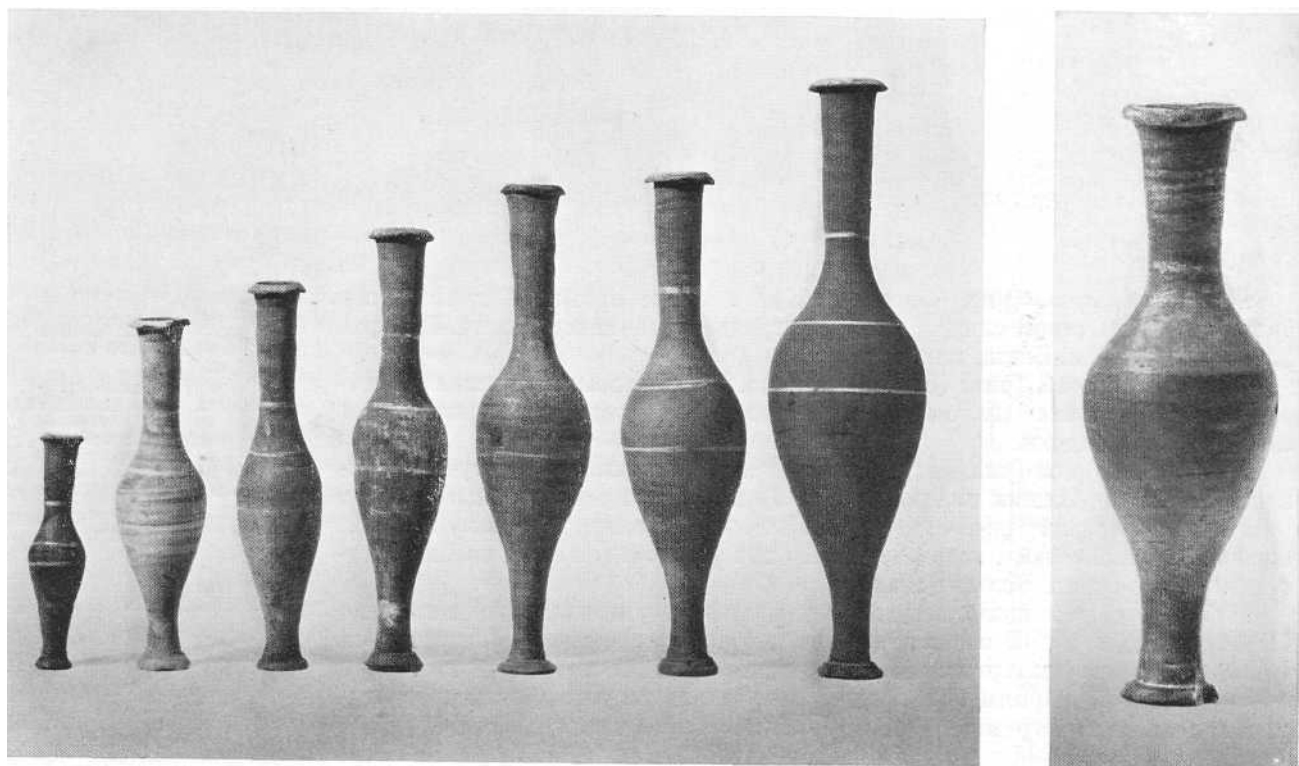
Рис. 44,45
Глиняные лагиносы

Арт. 95
Арт. 113

Рис. 46
Глиняные унгентарии

Арт. 79, 91, 33, 32, 34, 90, 92, 115

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КЕРАМИКА

Чернолаковые сосуды

1. Чашка (рис. 48; табл. V) ⁴⁴⁶. Глина розовато-коричневая, довольно хорошо промытая; негустая черная глазурь с сильным металлическим отливом. Имеются две глубоко процарапанные горизонтальные линии, оставленные в цвете глины, одна на стыке тулова с подставкой, другая на нижнем крае подставки с внешней стороны. В центре доньшка с внешней стороны конусообразный выступ. Доньшко внутри чашки соответственно углублено; на нем штампованный орнамент в виде четырех пальметок в тройном круге палочного орнамента. Здесь видны следы подставки другой чашки, которая стояла на чашке Арт. 88 во время совместного обжига в гончарной печи.

2. Чернолаковая чашка (рис. 47; табл. V) ⁴⁴⁷. Глина розовато-коричневая, довольно хорошо промытая; негустая черная глазурь с сильным металлическим отливом. Стенки чашки сформованы довольно аккуратно. Доньшко снаружи слегка выпуклое. На доньшке внутри следы от другой, стоявшей там во время совместного обжига чашки.

Чашки Арт. 88 и 114 очень сходны между собой по фактуре и качеству глины и глазури. Скорее всего, они представляют собой изделия одной из мастерских Малой Азии. Томпсон дал схему эволюции чашек этого типа в течение III—II вв. до н. э. по материалам афинской агоры ⁴⁴⁸. Что касается формы чашек, то Арт. 88 находит себе близкую аналогию в D = 5 ⁴⁴⁹, а Арт. 114 всего ближе к чашке E = 46 ⁴⁵⁰.

3. Нижняя составная часть пиксиды (рис. 48; табл. V) ⁴⁵¹. Хорошо очищенная светло-коричневая глина с розоватым оттенком; глазурь, черная, с бурым отливом и сильным металлическим отблеском, довольно равномерно наложена на стенки сосуда как с внешней, так и с внутренней стороны. Сосуд аккуратно сформован на гончарном круге; нижняя кольцевидная часть подставки подрезана снизу таким образом, что получилась выемка. Судя по качеству глины и глазури, по наличию выемки на подставке, пиксида происходит из малоазийской гончарной мастерской ⁴⁵².

Пиксиды формы Арт. 89 были собраны и изучены М. И. Ростовцевым ⁴⁵³, который разделил их на две хронологические группы, датируемые одна первой, а другая второй половиной III в. до н. э. Ко второй группе он причисляет и Арт. 89 ⁴⁵⁴. Однако целый ряд находок, опубликованных после статьи Ростовцева, показывает, что пиксиды этого типа выделялись в течение всего II в. до н. э. ⁴⁵⁵

4. Чернолаковый стамнос с рифленным туловом, двумя вертикальными ручками и высокой конической крышкой (рис. 49; табл. V) ⁴⁵⁶. Мелкозернистая глина, содержащая много мелкой слюды, имеет светло-серый цвет. Глазурь черная, тусклая, с металлическим отблеском, наложена неровно. Сосуд имеет форму миски. На крышке и плечиках, на тулове и подставке вырезанные на станке горизонтальные бороздки. Крученные ручки поставлены вертикально; верхняя часть их несколько изогнута внутрь; на тулове справа и слева от каждой ручки по круглому прилепу. Тулово покрыто рифлением, очень неаккуратно выполненным, под ручками на тулове оставлено гладкое поле, на котором выцарапаны веерообразно расположенные знаки в виде черточек неравномерной ширины. Внутри крышка частично покрыта глазурью. Внутренняя поверхность стенок тулова оставлена в цвете глины.

По технике изготовления Арт. 124 принадлежит к разделу эллинистической чернолаковой керамики, с которой ее связывают некоторые детали структуры и орнаментации, как то: рифление тулова и форма ручек. Мастерская, из которой вышло это изделие, находилась, скорее всего, в Малой Азии. Близкие аналогии к Арт. 124 (по качеству глины и лака, по небрежной манере исполнения, а также по рифлению тулова, форме ручек

⁴⁴⁶ Арт. 88. Гробница II. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 14, № 11. Издана: СА, 1960, № 3, с. 53, рис. 60. Диаметр 0,185 м; высота 0,059 м. Глазурь местами стерта.

⁴⁴⁷ Арт. 114. Гробница III. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 23, № 34. Издана: СА, 1960, № 3, с. 53, рис. 6а. Диаметр 0,106 м; высота 0,044 м.

⁴⁴⁸ Thompson, *Two Centuries*, p. 430.

⁴⁴⁹ *Ibid.*, fig. 117.

(В комплексе D найдено 5 целых чаш такой формы и много осколков таких же чаш. У двух чаш — D-5 и D-6 — сходный штампованный орнамент); *ibid.*, fig. 115.

⁴⁵⁰ *Ibid.*, fig. 117.

См. также: МИА, 1952, № 25, с. 202, рис. 115, № 9, 10 (чашки из Мирмекия, найденные в слое III—II вв. до н. э.); МИА, 1956, № 57, с. 109, рис. 2, 9 (гробница II в. из Фанагории).

⁴⁵¹ Арт. 89. Гробница II. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 14, № 12. Высота 0,066 м; диаметр верхнего края 0,059 м.

⁴⁵² О выемке на подставке как признаке малоазийского происхождения чернолаковых сосудов см.: К н и п о в и ч Т. Н. Опыт характеристики. . . , с. 140.

⁴⁵³ Ростовцев М. И. Пиксида расписного склена кургана Васюринской горы.— ЗООИД, 1912, т. 30, с. 136—150.

⁴⁵⁴ Там же, с. 146, 149.

⁴⁵⁵ Arvanitopoulos S. *Op. cit.*, S. 73—118; Thompson, *Two Centuries*, p. 377, E-51; ср. E-65. Томпсон приводит еще несколько экземпляров пиксид этого типа, датируемых II в. до н. э.

⁴⁵⁶ Арт. 124. Гробница III. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 21, Яг 7. Здесь упомянут только крышка сосуда; надо думать, что тулово было в обломках, когда его описывал Стефани. Черный глиняный сосуд с крышкой значится в передаточной описи под № 23 (Архив ЛОИА АН СССР, д. АК 4/1879, л. 116) и в печатном отчете о раскопках (ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLV). Высота 0,217 м; диаметр тулова 0,19 м; диаметр отверстия 0,09 м. Сосуд склеен из многих кусков, из них нескольких недостает. Особенно пострадала подставка, ныне реставрированная. Отбита одна из ручек. Крышка сохранилась полностью.

Рис. 47
Чаша

Арт. 114

и врезанным черточкам под ручками) мы находим среди многочисленных чернолаковых гидрий и амфор малоазиатского производства. Однако прямых аналогий к форме нашей вазы среди эллинистических чернолаковых ваз нам найти не удалось, хотя сосуды сходной формы, исполненные в другой технике и известные в литературе под разными названиями (стамнос, лекана, **кальида**, пиксида), были распространены в эпоху эллинизма довольно широко⁴⁵⁷.

На стенных росписях второго и третьего помпейского стиля и на рельефах виллы Фарнезина⁴⁵⁸ нередко встречаются изображения колонок, возвышающихся в священных рощах и несущих на себе большие парадные бронзовые или каменные вазы знакомой нам формы.

Вазы стиля «западного склона»

1. *Амфора* (рис. 53; табл. V)⁴⁵⁹. Глина розовая, без примесей, пористая. Обжиг сильный. Глазурь жидкая, черная, с металлическим отблеском; при обжиге она почти повсеместно приняла кирпично-красный и бурый цвет. Внутри амфора покрыта той же черной глазурью, но очень неравномерно, и большие куски поверхности оставлены здесь в цвете глины. Шейка вместе с венчиком занимает половину всей высоты сосуда. Между нижним валиком венчика и шейкой—горизонтальная линия, процарапанная от руки; широкие и аккуратно исполненные до обжига на станке горизонтальные углубленные линии отграничивают шейку от плечиков и плечики от тулова. Под ручками поверхность тулова гладкая, здесь с каждой стороны сделано по пять вертикальных врезов, расположенных веерообразно. Нижние концы ручек прикреплены к плечу при помощи особого глиняного валика, скатанного вручную, наложенного на место стыка ручки с вазой и украшенного на концах круглыми прилепами. Орнамент исполнен белой и розовой (разжиженная глина) красками и процарапанными линиями. Круглые прилепы у основания ручек белые; по слабым следам розовой краски видно, что первоначально они были расписаны в виде розеток.

⁴⁵⁷ См., например, две вазочки из Ольвии (Нитерн Э. К вопросу об эллинистической керамике.— ЗООИД, 1910, вып. 28, с. 158, табл. VI, 21, 22); Furtwängler A. *Sammlung Sabouroff*. Berlin, 1883, Bd. 1, Tat. LXX, Abb. 2; Тревер К. В. Ольвийская полихромная амфора. . . с. 24, рис. 40; ДБК, табл. XXXVII, рис. 5; ИАК, 1903, вып. 7, с. 31, рис. 152; Rostowzew M. *He Ulenistish-römische Architekturlandschaft*.— RM, 1911, Nr. 1, 2, S. 128, Abb. 61b.

⁴⁵⁸ См.: Rostowzew M. *Op. cit.*, S. 133, Abb. 1, 13, 15, 17, 22.

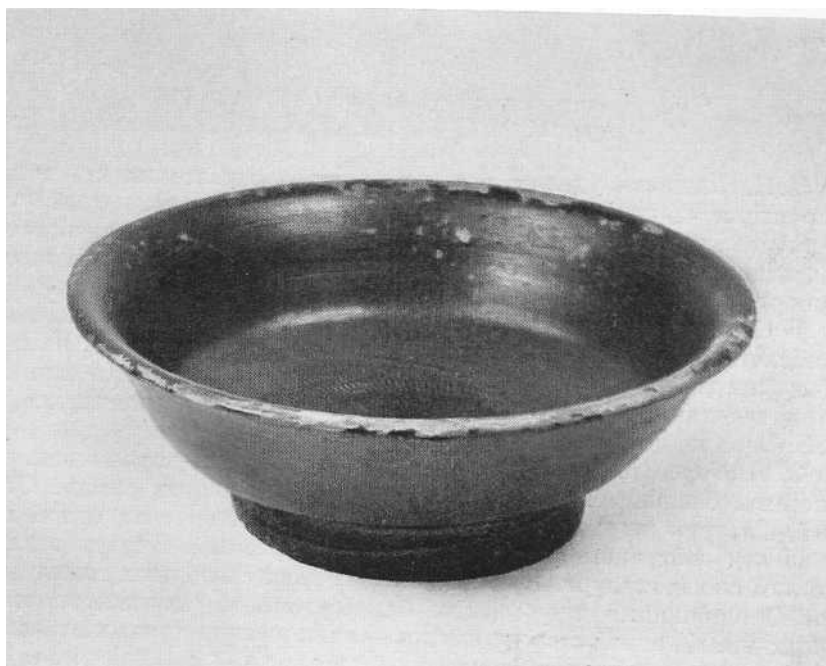
⁴⁵⁹ Арт. 78. Гробница II. Издана: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, приложение к с. 12, № 5, с. 19, № 68; СА, 1960, № 3, с. 55, рис. 11. Высота 0,196 м; диаметр тулова 0,172 м. На одной из сторон амфоры много крупных и мелких выбоин; во многих местах здесь сойта глазурь и стерт орнамент.

Рис. 48
Пиксида
Чаша

Арт. 89

Арт. 88

Рис. 49
Стамнос

Арт. 124

Т. Н. Книпович удалось установить и точно разграничить два типа амфор стиля «западного склона» — малоазийский и аттический⁴⁶⁰. Арт 78 принадлежит к типу малоазийскому. Однако, судя по консистенции глины, качеству глазури и неряшливости работы, вряд ли ее можно считать импортным малоазийским изделием.

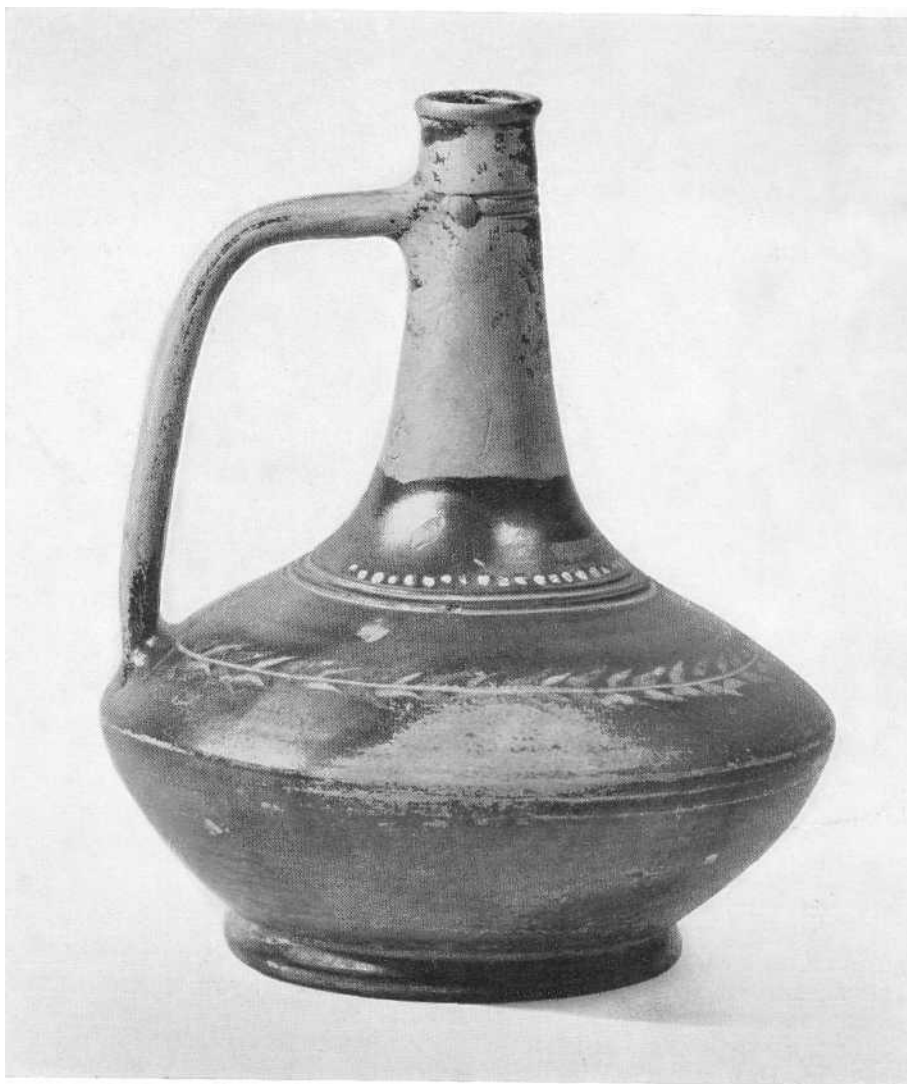
В Северном Причерноморье амфоры стиля «западного склона» (малоазийского типа), сходные с Арт. 78, встречаются нередко⁴⁶¹. Из найденных здесь предметов только ольвийская амфора может быть приблизительно датирована. Она происходит из погребального комплекса, который Б. В. Фармаковский отнес ко II в. до н. э.

2. Амфора (рис. 52; табл. V)⁴⁶². Глина светло-коричневая, мелкозернистая с большим количеством очень мелких частиц слюды. Обжиг слабый. Глазурь жидкая и нестойкая; ее черный цвет на одной из сторон вазы под действием огня превратился в красный. Внутри ваза покрыта тонким слоем глазури. Ручки витые, из двух скатанных глиняных жгутиков. Орнамент выполнен матовой белой и розовой (из разжиженной глины) красками. На одной стороне шейки — поля разноцветных шашек, разделенные поперек с перекрещивающимися линиями.

⁴⁶⁰ Книпович.
К вопросу, с. 271—284.

⁴⁶¹ Укажем, например, на амфору, найденную в Ольвии (ИАК, 1903 вып. 8, с. 42, рис. 41, с. 77, могила 29). Дальнейшие аналогии: СА, 1960, № 3, с. 56.

⁴⁶² Арт. 86. Гробница II. Издана: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, приложение к с. 12, № 4, с. 14, № 90; СА, 1960, № 3, с. 55, рис. 12; Küthmann, *Beitrage*, S. 101 Abb. 3, I. Высота 0,185 м; диаметр тулова 0,18 м. От белой краски во многих местах остались лишь слабые следы.

Рис. 50
Лагинос

Арт. 87

На другой стороне шейки, не представленной на нашем рисунке,— украшение в виде стебля плюща, на котором белой краской обозначены листья и плоды.

Сравнение амфоры Арт. 86 с аттическими амфорами стиля «западного склона», опубликованными в упомянутой выше статье Т. Н. Книпович⁴⁶³, и с такими же сосудами, происходящими с афинской агоры⁴⁶⁴, не оставляет сомнений в том, что амфора Арт. 86 изготовлена по типу аттических амфор этого стиля. Мы, однако, никоим образом не хотим сказать, будто Арт. 86 следует считать вывезенной из Аттики. Против такого определения говорят как качество глины и глазури, так и крайне неряшливое исполнение вазы Арт. 86. Мы склонны поэтому признать Арт. 86 местным подражанием аттическим образцам⁴⁶⁵.

3. *Лагинос* (рис. 50; табл. IV)⁴⁶⁶. Глина светло-коричневая, с желтоватым оттенком, хорошо промытая и измельченная, без вкраплений. Глазурь черная, с металлическим отливом, местами принявшая бурый цвет. На шейке, на уровне верхнего конца ручки, две процарапанные линии образуют поясок, на который наложено по глиняному прилепу; ниже изображена в виде гирлянды повязка с каплевидными подвесками; на ленте

⁴⁶³ См.: Книпович, К вопросу, рис. 2, 3, 5.
⁴⁶⁴ Thompson, *Two Centuries*, D-25, D-26.

⁴⁶⁵ Сходные по форме и орнаменту амфоры аттического происхождения встречаются в Северном Причерноморье довольно часто. См., например: Книпович, К вопросу, рис. 5, 4, 6; ОАК, 1896, с. 218, рис. 594; *Samml. Vogell*, Taf. VII., 18, 19, Nr. 305, 306.

⁴⁶⁶ Арт. 87. Гробница II. Издана: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, приложение: к с. 12, № 3, с. 14. № 8; Leroux G. *Op. cit.*, p. 66, № 133. Высота 0,208 м; диаметр тулова 0,17 м. Глазурь местами стерта.

Рис. 51
Расписная крышка
леканы

Арт. 125

Арт. 125

сохранились следы белой краски, а на подвесках—следы разжиженной глины; шнуры процарапаны. У лавровой ветви на плечиках стебель передан врезной линией; листья белые и розовые.

Среди ваз стиля «западного склона» лагиносы встречаются не очень часто⁴⁶⁷. Нам известен один экземпляр в собрании Фогель (Vogell)⁴⁶⁸, судя по изображению и описанию, почти идентичный с нашим лагиносом; затем два сосуда, найденные в Дельфах⁴⁶⁹: лагинос, происходящий с острова Аталанта⁴⁷⁰, и лагипос из Коринфа⁴⁷¹. Все эти сосуды похожи друг на друга по форме и орнаментальным мотивам.

Судя по качеству глины и глазури, Арт. 87, скорее всего, следует считать изделием малоазийской керамической мастерской.

4. Крышка леканы (рис. 51; табл. IV)⁴⁷². Глина розовая, с небольшим количеством мелкой слюды. Сформована небрежно и поверхность сглажена плохо. Верхний выступ—ручка крышки, средняя часть которой сильно углублена. Она изготовлена отдельно и неаккуратно приставлена к крышке. Глазурь гладкая, тусклая, черная, с рыжеватым оттенком, но местами с металлическим отблеском; она покрывает всю крышку снаружи и внутри. Роспись выполнена белой накладной краской и разжиженной глиной. Орнамент состоит из белых и розовых углубленных ободков и расписного фриза из шести розовых пальметок и расположенных между ними попеременно трех белых ваз и трех тоже белых цветков мака, вырастающих из пучка высоких ростков.

Вопрос о месте изготовления Арт. 125 вряд ли может быть решен с полной уверенностью. Скорее всего, это изделие одного из городских цепт-

⁴⁶⁷ Лагиносы формы Арт. 87, но исполненные в другой технике, многочисленны. См., например: Leroux G. *Op. cit.*, № 17, 27, 35, 66, 67, 68.

⁴⁶⁸ *Samml. Vogell*, Taf. VI, Nr. 24; S. 35, Nr. 312.

⁴⁶⁹ Perdrizet. *Fouilles de Delphes*. Paris, 1906, vol. 5, p. 173, fig. 730; p. 174, № 402.

⁴⁷⁰ Leroux G. *Op. cit.*, p. 64, fig. 125.

⁴⁷¹ «Hesperia», 1947, vol. 16, part 4, p. 240, pl. LVIII, 12. Найден в комплексе III—II вв. ДО н. э.

⁴⁷² Арт. 125. Гробница III. ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 21, № 8.

В передаточной описи значится под № 24 как «глиняная патера узорчатая»; в печатном отчете (ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLV) как «расписная патера с остатками орехов». Диаметр 0,288 м. Склеена из трех кусков.

ров Малой Азии. Следует подчеркнуть большую редкость некоторых орнаментальных мотивов. Мы затрудняемся назвать на вазах данной категории изображения маков⁴⁷³ и ваз⁴⁷⁴ этого типа.

На распространение лекан в Северном Причерноморье неоднократно указывалось⁷⁵. Сравнение лекан, исполненных в стиле «западного склона» и происходящих из комплексов раннего эллинизма, с Арт. 125 указывает на значительно более позднюю дату крышки леканы из Артюховского кургана⁷⁶. Арт. 125 не может быть причислен к местным изделиям это импортный экземпляр, служивший, возможно, образцом для местных гончаров, изготовлявших леканы с акварельной росписью⁴⁷⁷.

⁴⁷³ Цветок на высоком стебле, украшающий крышку леканы Арт. 125, представляет собой маковую головку. В сходной трактовке маковые головки часто изображались на античных монетах и геммах. Ср. например: Imhoof-Blumer F., Keller O. *Tier- und Pflanzendarstellungen auf Gemmen*. Leipzig, 1889, S. 58. Taf. IX, Nr. 40, 41 (монеты

Рис. 52
Расписная амфора

Арт. 86

Керамика с рельефными украшениями

1. *Гидрия* с ручкой в виде фигуры Приапа (рис. 54; табл. IV)⁴⁷⁸. Глина мелкозернистая, серо-коричневая, с большим количеством слюды. Глазурь, покрывающая вазу как снаружи (кроме доньшка), так и внутри, тусклая, черная, с коричневым оттенком, местами с металлическим отливом. Стенки вазы плохо сглажены. Обе маленькие горизонтальные ручки гидрии скатаны от руки и имеют вид калачиков, прилепленных к тулову вазы не только своими основаниями, но и изогнутой верхней частью, так что они почти не отделяются от стенок сосуда. На одинаковом расстоянии от обеих ручек и на одном с ними уровне к тулову прилеплена изготовленная отдельно в особой форме комическая маска, которая служит подставкой для вертикальной ручки гидрии. Последняя также изготовлена в отдельной форме и представляет фигуру Приапа. Ступни Приапа довольно неряшливо вмазаны в верхнюю часть маски, а затылок — к особой про-

Коринфа, Византии, Сард и др. городов).

⁴⁷⁴ Вазы являются, вероятно, гидриями. У них, правда, только по одной, а не по две горизонтальные ручки, но это, очевидно, результат неопытности вазописца.
⁴⁷⁵ ОАК за 1860 г. СПб., 1862, с. 5 (Л. Стефани); ЗООИД. 1893, вып. 16, с. 29 (Б. В. Фармаковский); там же, вып. 18, с. 19 (Э. Штерн). Интересно отметить, что в погребениях на Боспоре нередко встречаются одни крышки лекан, как это наблюдается

и в Артюховском кургане. По аналогии с Арт. 125 можно думать, что они

Рис. 53
Расписная амфора

Арт. 78

долговатой пластине, прилепленной к губе гидрии; фигура слегка отогнута назад; правая рука Приапа касается бороды, а левая придерживает откинувшийся край хитона; вся нижняя часть фигуры обнажена.

Бронзовые гидрии и амфоры с ручками в виде человеческих фигур, известные в Греции в эпоху архаики, вновь входят в моду в эпоху эллинизма⁴⁷⁹. Из разных областей Боспора происходят несколько глиняных ваз и фрагментов, составляющих небольшую, но очень показательную группу сосудов с фигурными ручками. Кроме Арт. 123, в эту группу входит ручка вазы, найденная в 1953 г. в Порфмии. Она представляет собой такую же фигурку Приапа, изготовленную в другой форме⁴⁸⁰. Гидрия, сходная с Арт. 123, была обнаружена в Пантикапее⁴⁸¹. Ее ручка изображает Пана в позе Приапа гидрии Арт. 123. Сильно поврежденная ручка этого типа была, по сообщению Л. Ф. Силантьевой, найдена в 1956 г. в Нимфее с монетами, датированными 200—121 гг. до н. э. Она, по-видимому,

использовались в качестве блюд. См., например, ОАК за 1882—1888 гг. Спб., 1891, с. XIX (Анапа); там же, с. XIX—XXII (ст. Благовещенская); там же, с. GI (близ горы Митридат).

⁴⁷⁹ Ср., например, Эрмитаж, инв. Т.1910, 17. См.: ОАК за 1909—1910 гг. Спб., 1913, с. 215.

⁴⁸⁰ Ростовцев М. И. Пиксида расписного склепа... табл. VIII, 38, с. 148 и табл. V, 22, 23.

⁴⁸¹ Кобылина М. М. Раскопки южного некрополя Фанагории... с. 245, рис. 3, 2, 3; с. 247, рис. 2. См. также: с. 244, рис. 2, 5; с. 245, рис. 4, 3, 5, 3 и с. 249.

Рис. 54
Гидрия с ручкой
в виде фигуры Приапа

Арт. 123

изображала стоящего эрота. Все изделия объединяет также одинаковое качество глины и глазури.

Следует обратить внимание еще на один памятник данного типа, найденный в Приене⁴⁸². Это тоже фигурная ручка от гидрии или амфоры, изображающая мальчика-эроса. Ручка прилеплена к губе и плечу сосуда совершенно таким же образом, как у Арт. 123. Р. Цан, опубликовавший ручку из Приены, высказал предположение о ее принадлежности к рельефной керамике, местом производства которой он считал Пергам.

Труднее определить место изготовления сходных сосудов и ручек, найденных на Боспоре. Р. Цан был несомненно прав, сопоставляя ручку из Приены с нашей гидрией из Артюховского кургана. Между этими памятниками существует близкое сходство не только в отношении структуры фигурных ручек, но и в том, что касается способа их изготовления и прикрепления к вазе. Однако это еще не дает нам права причислить гидрию

⁷⁸ Арт. 123. Гробница III
Издана: ОАК за 1880 г.
Спб., 1882, с. 21; Русск.
древн., с. 53, № 70. Высота
0,208 м. Вертикальная
ручка и часть венчика
были отбиты и ныне
приклеены к вазе.
Пластина и губа вазы
сильно попорчены.

⁴⁷⁹ См., например: ДБК,
табл. XXXVII. 5.

⁴⁸⁰ Не издана. Полевая
опись № II.53.172.

⁴⁸¹ Эрмитаж, инв. П.1910,
118. Издана:
Шкорпил В. В.
К вопросу о времени
правления архонта
Игиенонта. — Сборник
археологических статей,

Рис. 55
Амфора
с рельефным
орнаментом

Арт. 27

Арт. 123 и аналогичные ей памятники к изделиям Пергама. По консистенции глины и качеству глазури найденная на Боспоре группа керамики существенно отличается от пергамских рельефных ваз. Поэтому мы считаем более вероятным видеть в ней продукт какой-то другой, пока еще не определенной мастерской, создававшей продукцию в подражание рельефной керамике Пергама. Не исключена возможность, что эта мастерская находилась в пределах Боспорского царства.

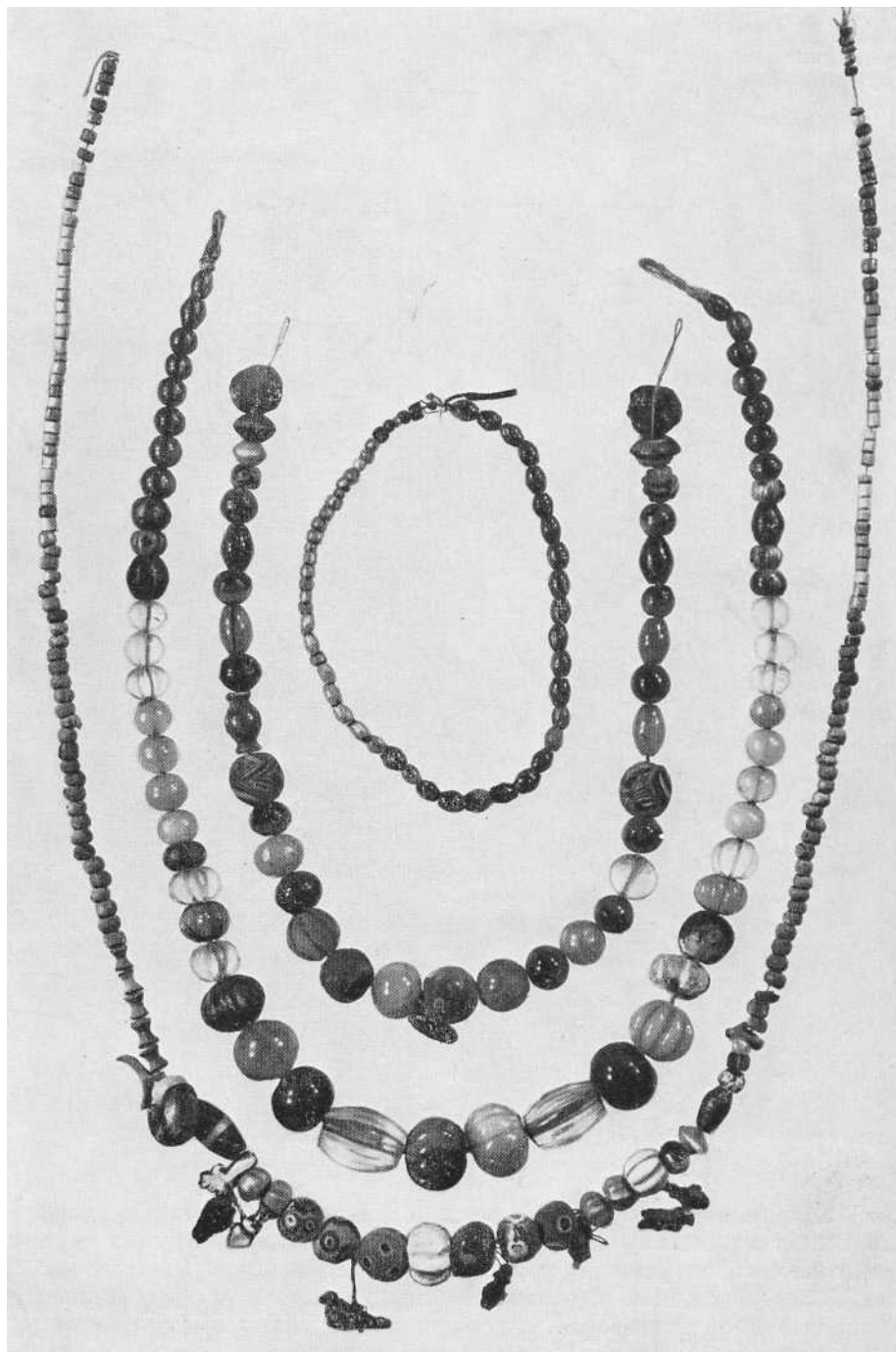
2. Амфора чернолаковая с рельефным орнаментом в технике и стиле «мегарских» чашек (рис. 55; табл. IV)⁴⁸³. Глина серая, мелкозернистая, без примесей. Глазурь жидкая, черная, с металлическим отблеском. Она наложена на стенки сосуда довольно ровно; доньшко покрыто глазурью только наполовину; здесь, а также и на внутренней поверхности горлышка имеются потеки. Тулово изготовлено, как «мегарская» чашка, в форме; горлышко, шейка, плечики и подставка сформованы довольно тщательно

поднесенный
А. А. Бобринскому. Спб.,
1911, с. 31–44.

⁴⁸² Priene, S. 413, Abb. 537;
S. 410. Nr. 56.

⁴⁸³ Арт. 27. Гробница I.
ОАК за 1880 г. Спб., 1882
с. 10, № 33. Высота
0,184 м; диаметр тулова
0,07 м. На венчике
небольшая выбоина.

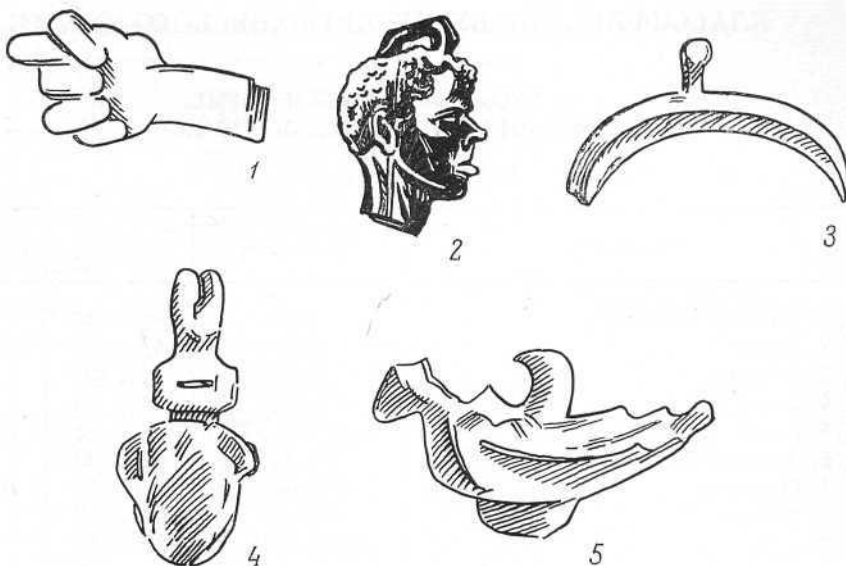
Рис. 56
Бусы разных форм

Арт. 24, 73, 108, 109

на гончарном круге и вместе с ручками присоединены и затем притерты к тулову. Стенки сосуда тонкие. Обжиг равномерный. На тулове четыре орнаментальных пояска: волна, лесбийский киматий, звезды, листья. На донышке вазы нечетко отгиснутая в форме двойная розетка в рамке из двух рельефных кружков. Снаружи рамка обрамлена рядом перистых листьев, исполненных чрезвычайно небрежно.

Рис. 57
Амулеты (из низки бус
Арт. 24): 1 — рука,
2 — голова негра,
3 — лунница,
4 — египетский амулет
в виде сердца,
5 — птичка

Сложный вопрос о месте изготовления амфоры Арт. 27 приходится пока оставить открытым. Наиболее вероятным представляется ее изготовление в каком-то еще не известном нам центре Малой Азии и импорт в Северное Причерноморье.

IX. БУСЫ И АМУЛЕТЫ

Бусы, найденные в трех нетронутых погребениях Артюховского кургана, собраны в настоящее время в пять низок, из которых три (Арт. 24, 73 и 108) имеют длину ожерелий, а две (Арт. 25 и 109) значительно короче (рис. 56 и на с. 32)⁴⁸⁴. Обстоятельства находки бус не дают гарантий правильности их распределения по отдельным низкам. Так, бусы и амулеты из гробницы I, согласно дневнику Веребрюсова, были найдены рассеянными по всей гробнице в земле, а относительно бус из гробниц II и III Стефани сообщает, что они находились при женских костяках, но в разрозненном виде⁴⁸⁵. Произвольное распределение по низкам произведено под руководством Стефани в соответствии с материалом и формой бусин. Таким образом, следует иметь в виду, что принадлежность бус к определенному погребению может считаться установленной, но порядок их распределения по низкам является условным.

Амулеты были обнаружены только в гробнице I. В настоящее время они присоединены к ожерелью из бус Арт. 24. Подобные амулеты часто использовались в качестве подвесок к ожерельям⁴⁸⁶, и потому такая реконструкция возможна, но ее опять-таки нельзя считать абсолютно достоверной, так как ожерелья, составленные из одних амулетов, тоже нередко встречаются в погребениях Боспора⁴⁸⁷. Ниже дается описание бус из Артюховского кургана по признакам их формы, материала и техники изготовления, независимо от вхождения экземпляров в состав той или иной низки. Принадлежность каждой отдельной бусины к тому или иному погребению может быть без труда установлена по ее инвентарному номеру. В основу нашей классификации мы положили классификацию, принятую в работе Х. Бека⁴⁸⁸.

⁴⁸⁴ Низки изданы: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. I, 7, с. 7, № 7 (Арт. 24), табл. I, 5, с. 7, № 8 (Арт. 25); табл. II, 12, с. 15, № 30 (Арт. 73); табл. IV, 4, с. 22, № 12 (Арт. 108); с. 22, № 13 (Арт. 109).

⁴⁸⁵ ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 49, 50, 67, 90. В. Г. Тизенгаузен в печатном отчете о раскопках (ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLIII, XLV) сообщает, что бусы из гробниц II и III найдены на шеях женских костяков и на левой руке женщины в гробнице III, однако Л. Стефани определенно говорит, что эти бусы были подобраны в низки по его усмотрению.

⁴⁸⁶ См., например, Toll N. P. *The Necropolis. Preliminary Report of the 9th Season of Work.* 1935/36, part 2, pl. XXIII, XXIV, XXXVI, L, LII (Excavations at Dura-Europos).

⁴⁸⁷ См., например: ОАК за 1912 г. Спб., 1914, с. 55, рис. 79 (Марьевская станица); ОАК за 1877 г. Спб., 1879, табл. II (4-й Семибратий курган); ИАК, 1916, вып. 60, с. 26 (Зеленский курган).

⁴⁸⁸ Beck, *Beads*, p. 1—76.

КЛАССИФИКАЦИЯ БУС ИЗ АРТЮХОВСКОГО КУРГАНА

I. БУСЫ СФЕРИЧЕСКОЙ ФОРМЫ С УЗКИМ ОТВЕРСТИЕМ ДЛЯ ШНУРА ⁴⁸⁹

А. Гладкие бусы (рис. 56)

⁴⁸⁹ По своей форме наша группа бус I соответствует разряду C. 1a у Бека (Beck. *Beads*, pl. II, III).

Материал	Диаметр, м	Инвентарный номер	Количество
1. Голубой халцедон	0,029	Арт. 25	1
2. То же	0,019	Арт. 25	1
3. „ „	0,009	Арт. 108	3
4. „ „	0,007	Арт. 73	8
5. „ „	0,008—0,009	Арт. 25	14
6. Аметист бледный	0,014	Арт. 73	1
7. Сердолик	0,013	Арт. 73	2
8. То же	0,005	Арт. 73	12
9. „ „	0,005—0,01	Арт. 108	И
10. „ „	0,012	Арт. 4	4
11. Горный хрусталь	0,01	Арт. 108	1
12. То же	0,006—0,007	Арт. 73	4

Б. Бусы с глазками ⁴⁹⁰ (рис. 56)

⁴⁹⁰ О бусах с глазками, сделанных из стеклынной пасты, см.: Eisen G. *The Characteristics of Eye Beads, from the Earliest Times to the Present.*— *AJA*, 1916, vol. 20, I, p. 27; Rohde El. *Antike Schmuckarbeiten aus Gold und Glas.*— «*Staatliche Museen zu Berlin. Forschungen und Berichte*», 1957, Bd. 1, S. 40—51 и указанную там литературу; Beck, *Beads* (группа XLVI), p. 41—46 (ср.: p. 60—65); fig. 34a, 34b; См. также: МАК, 1903, т. 8. табл. XIV, XC, XCI.

Материал	Диаметр, м	Инвентарный номер	Количество
1. Желтая паста с сине-белыми глазками	0,01	Арт. 24	2
2. Коричневая паста с черно-белыми глазками	0,012	Арт. 24	1
3. Голубая паста с сине-белыми глазками	0,011	Арт. 25	1
4. Кирпично-красная паста с желто-черными глазками ⁴⁹¹	0,013	Арт. 108	4

⁴⁹¹ Три бусины попорчены.

В. Бусы реберчатые ⁴⁹² (рис. 56)

⁴⁹² Beck. *Beads* (группа XIII), p. 24 ff., fig. 21; p. 10, fig. 11.

Материал	Диаметр, м	Инвентарный номер	Количество
1. Голубой халцедон	0,01	Арт. 25	1
2. То же	0,008—0,012	Арт. 73	4
3. Сердолик	0,012—0,014	Арт. 73	2
4. Горный хрусталь	0,013—0,017	Арт. 25	3
5. То же	0,009—0,01	Арт. 73	5
6. Позолоченное стекло	0,008	Арт. 24	4
7. Белое матовое стекло	0,009	Арт. 73	1
8. То же	0,004	Арт. 108	1

Г. Бусы с нарезным орнаментом (рис. 56)

Материал	Диаметр, м	Инвентарный номер	Количество
1. Матовое белое стекло. На поверхности — нарезные пятиугольники	0,012	Арт. 108	1

II. ЭЛЛИПСОВИДНЫЕ БУСЫ**А. Гладкие бусы (рис. 56)**

Материал	Длина, м	Инвентарный номер	Количество
1. Сердолик	0,007—0,008	Арт. 73	4
2. То же	0,012	Арт. 108	3
3.	0,004—0,006	Арт. 109	24
4. ,, ,,	0,011	Арт. 4	14
5. ,, ,,	0,003—0,005	Арт. 4	37
6. Красная стеклянная паста	0,011	Арт. 24	1
7. Черная стеклянная паста с белой полосой	0,015	Арт. 24	1

⁴⁹³ Бусы группы II соответствуют у Бека разряду D. 1/a (см. pl. II, III).

Б. Бусы реберчатые ⁴⁹⁴ (рис. 56)

Материал	Длина, м	Инвентарный номер	Количество
1. Горный хрусталь	0,018 и 0,019	Арт. 73	2

¹⁹⁴ Бус, вполне совпадающих по форме с группой II Б.Л., у Бека нет. Всего ближе к ней его разряд D. *ff. b* (pl. II, III), но наши бусы длиннее.

В. Бусы с перехваченными концами (рис. 56)

Материал	Длина, м	Инвентарный номер	Количество
1. Сердолик	0,014	Арт. 108	1

III. БИКОНИЧЕСКИЕ БУСЫ ⁴⁹⁵**А. Продолговатые (рис. 56)**

Материал	Длина, м	Инвентарный номер	Количество
1. Желтая стеклянная паста	0,005	Арт. 109	6

⁴⁹⁵ Beck, *Beads*, pl. II, III, D. 1e.

Б. Укороченные (рис. 56)

Материал	Высота, м	Инвентарный номер	Количество
1. Позолоченное стекло	0,009	Арт. 24	1
2. Коричневая паста	0,01	Арт. 108	1
3. Серая паста ⁴⁹⁶	0,01	Арт. 108	1

⁴⁹⁶ Бусины из серой и коричневой пасты попорчены.

IV. БУСЫ В ВИДЕ КОЛЕЧЕК С ШИРОКИМ ОТВЕРСТИЕМ ⁴⁹⁷

А. Гладкие бусы (рис. 56)

Материал	Диаметр, м	Инвентарный номер	Количество
1. Синяя паста	0,005	Арт. 73	1
2. То же	0,003—0,004	Арт. 109	3
3. Красная паста	0,016	Арт. 24	1
4. Мозаичное стекло	0.013	Арт. 24	1
5. Позолоченное стекло	0,005	Арт. 108	1
6. То же	0,002—0,003	Арт. 109	18
7. Серая паста	0,009	Арт. 24	1
8. То же	0,006—0,008	Арт. 24	1
9. Стеклопаста разных оттенков. Мел	0.002—0.004	Арт. 24	145

⁴⁹⁷ Наиболее близкие формы см.: Beck, *Beads*, pl. II, III, разряды B. 1b и B. 2b, f. Но у наших колечек отверстие гораздо шире. См. также: Beck, *Beads* (группа XX), p. 19 П., fig. 18 и pl. IV (тип VIa). Ширина бус в виде колечек примерно равна их диаметру; в других случаях эти бусы похожи на дисковидные, но снабжены широкими отверстиями.

Б. Бусы с глазками (рис. 56)

Материал	Диаметр, м	Инвентарный номер	Количество
1. Синяя паста с белыми глазками	0.005	Арт. 108	1
2. Серая паста с белыми глазками	0,011	Арт. 24	1

В. Бусы реберчатые, в остальном идентичные с IV, Б

Материал	Диаметр, м	Инвентарный номер	Количество
1. Позолоченное стекло	0,005	Арт. 73	3
2. Белая паста	0,01 и 0,014	Арт. 24	2

V. БУСЫ БОЧКОВИДНЫЕ ⁴⁹⁸

А. Округлые бусы (рис. 56)

Материал	Длина, м	Инвентарный номер	Количество
1. Лигнит. Две поперечные нарезные ЛИНИИ, между ними сетка из линий	0,01	Арт. 73	1
2. Лигнит (фрагмент)	0,003	Арт. 10)	1
3. Коричневая паста с белыми глазками	0,011	Арт. 73	2
4. Голубая паста с тремя рядами рельефных шишек ⁴⁹⁹	0,008	Арт. 108	0

⁴⁹⁸ Beck, *Beads*, pl. II, III, C. 1b, D. 1b.

⁴⁹⁹ Одна бусина попорчена.

Б. Плоские бусы

Материал	Длина, м	Инвентарный номер	Количество
1. Мозаичное стекло	0.013	Арт. 108	2

VI. БУСЫ В ФОРМЕ ПОЗВОНКОВ (рис. 56) ⁵⁰⁰

Материал	Длина, м	Инвентарный номер	Количество
1. Зеленая паста	0,006	Арт. 24	5

Большая часть бус, происходящих из гробниц Артюховского кургана, принадлежит по своим формам и материалу к стандартным изделиям этого рода, пользовавшимся широким распространением в древнем мире. При их классификации мы ограничились поэтому ссылками на труд Бека, не приводя аналогий из других мест находок. Однако в Артюховском кургане встречаются отдельные более редкие экземпляры бус и целые их наборы, заслуживающие особого упоминания.

Прежде всего следует указать на крупные сферические бусы из голубого халцедона (I, А, 1 и 2) и на многочисленные мелкие бусы-колечки из разных материалов (IV, А).

Об отсутствии в Греции очень крупных бус уже говорилось в специальной литературе ⁵⁰¹. Ближайшие для них аналогии обнаружены в сарматских погребениях Венгрии ⁵⁰². Это тоже сферические халцедоновые бусы больших размеров ⁵⁰³. И там же, в тех же погребениях, часто попадаются очень мелкие бусины-колечки, широко представленные и в гробницах Артюховского кургана ⁵⁰⁴. На сходство крупных и мелких бисерных бус из Венгрии с такими же бусами, найденными на Боспоре, обратил внимание венгерский ученый М. Пардуц ⁵⁰⁵. Он высказал предположение о перенесении бус этих типов иранцами «из северных иранских областей на северо-запад», т. е. в Венгрию. Эта интересная гипотеза нуждается в дальнейшем подтверждении.

Если она окажется обоснованной, то можно будет считать, что вышеописанные бусы Артюховского кургана являются еще одним свидетельством проникновения сарматских влияний на Тамань примерно в середине II в. до и. э.

Добавим еще несколько замечаний к редким типам бус из Артюховского кургана.

I. Г. 1. Сферическая стеклянная бусина с нарезным орнаментом в виде пятиугольников (рис. 56). Аналогии к этому типу бус нам неизвестны.

П. В. 1. Эллипсоидные бусы с перехваченными концами встречаются редко. Бронзовые бусы этой формы найдены в Кобани ⁵⁰⁶.

II. А. 5. Эллипсоидная бусина из черной стеклянной пасты с поперечной белой полосой. Ср. бусину из некрополя Пантикапея ⁵⁰⁷, из Месопотамии ⁵⁰⁸, из Неаполя Скифского ⁵⁰⁹.

V. А. 1. Ср. стеклянную бусину сходной формы с сетчатым орнаментом из Кумбульта ⁵¹⁰.

V. Б. 1. Ср. сходные бусы из стекла с цветными разводами с Северного Кавказа ⁵¹¹.

Амулеты из «египетского фаянса», носившиеся большей частью как подвески к ожерельям, получили очень широкое распространение во всем античном мире и далеко за его пределами в эпоху эллинизма и в первые века нашей эры. Отдельные экземпляры подобных изделий и целые их наборы археологи находят в значительном количестве также и в Северном Причерноморье, на Северном Кавказе и в Закавказье ⁵¹². Интересно отметить, что в Северном Причерноморье, наряду с подвесками-амулетами из «египетского фаянса», на золотых ожерельях иногда носили сходные подвески-амулеты из золота ⁵¹³. Что касается состава «фаянсовых» амулетов из Артюховского кургана, то все представленные там типы, как видно из

⁵⁰⁰ Beck, *Beads*, pl. II, III, c. 3b.

⁵⁰¹ СР. и Б., с. 276. См.: МАК, 1900, т. 8, табл. VI, XС, XСI.

⁵⁰² Parducz M. *Denkmaler der Sarmatenzeit Ungarns.*— ААН, 1941, vol. 25; 1944, vol. 28; 1950, vol. 30.

⁵⁰³ См., например, ААН, vol. 28, pl. XXVI, XXXIV, XLII, XLV и др.

⁵⁰⁴ См., например, ААН, vol. 25, pl. XII, I, 17; pl. XIII, 26, 28; pl. XIV, I, 2 ff.

⁵⁰⁵ ААН, vol. 25, p. 71.

⁵⁰⁶ МАК, 1903, т. 8, табл. XXX, II.

⁵⁰⁷ Эрмитаж, инв. П.1910. 124.

⁵⁰⁸ Beck, *Beads*, p. 47, fig. 35.

⁵⁰⁹ МИА, 1961, № 96, рис. 37, 20.

⁵¹⁰ МАК. 1903, т. 8, табл. XСI, 9.

⁵¹¹ МАК, 1903, т. 8, табл. XСI, 3 (из Кобани), с. 137, рис. 112 (из Банты); ср. также: Beck, *Beads*, p. 67, fig. 72 (из Италии).

⁵¹² О находках амулетов из «египетского фаянса» в Северном Причерноморье и в других областях Советского Союза см.: Плотровский Б. Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза.— СА, 1958, № 1, с. 20—27, с. 24. О древних амулетах см.: D.-S., *Dict.*, s. v. Amuletum, Fascinum; RE, s. v. Amulett; Petrie F. *Amulets*. London, 1914.

⁵¹³ ДБК, табл. IX, 3; XI, I; XII, 3 (Карантинное шоссе).

приводимых ниже аналогий, хорошо известны по находкам в других областях античного мира. Связь многих из них с Египтом очевидна. Однако чрезвычайно широкое распространение этих изделий (отдельные их экземпляры были найдены в Китае) заставляет думать, что их изготавливали не только в Египте, но и в других областях древнего мира⁵¹⁴.

1. *Амулет из желтого стекла* (рис. 56; 57, 1). Правая рука с пальцами, сложенными в «кукиш»⁵¹⁵. Подобные амулеты имели широчайшее распространение во всем античном мире, в частности и в Северном Причерноморье⁵¹⁶. Они служили апотропеями. Жест направлен против злых духов.

2. *Амулет* в виде головы негра (рис. 57, 2). Сделан из черной тусклой, непрозрачной смальты⁵¹⁷. Подобные апотропеи были очень распространены в древнем мире⁵¹⁸.

3. *Амулет* в виде птички (рис. 57, 5). Черное непрозрачное стекло с белой полосой⁵¹⁹. На спине ушко для шнура. Подвески и звенья ожерелий в виде птиц неоднократно встречались как в Северном Причерноморье, так и в других областях античного мира⁵²⁰.

4. *Подвеска* в виде лунницы из серой непрозрачной смальты (рис. 56; 57, 3)⁵²¹.

Украшения и амулеты этой формы были обнаружены в большом числе во всех областях Северного Причерноморья и на Северном Кавказе. В Ольвии найдена формочка для отливки металлической подвески в виде лунницы⁵²². По мнению Флиндерса Петри, в Египте полумесяц символизировал небесное заступничество против колдовства⁵²³.

5. *Пять амулетов* в виде сердца из зеленого прозрачного и синего матового стекла (рис. 56; 57, 4).

Флиндерс Потри считает, что подобные амулеты, существовавшие в Египте со времен VI династии вплоть до эпохи эллинизма, символизировали жизненную силу и волю к жизни. В Италии тот же амулет служил апотропеем против дурного глаза и болезней сердца⁵²⁴.

⁵¹⁴ Пиотровский Б. Б. Древнеегипетские предметы. ... с. 24.

⁵¹⁵ Арт. 24. Издан: ОАК за 1880 г. Спб., 1882, табл. I, № 7. Высота 0,015 м. Стекло покрыто белым слоем иризации.

⁵¹⁶ См., например, Petrie F. *Op. cit.*, p. 11. No. 13, pl. I; *Délos*, fasc. XVIII, pl. Cl. fig. 890, p. 360 (библиография); ОАК за 1872 г. Спб., 1875, табл. III, 10, II, с. 163 (Тамань); МИА, 1956, № 50, с. 75, рис. 40 (Ольвия) и др.

⁵¹⁷ Высота 0,012 м.

⁵¹⁸ См.: ОАК за 1866 г. Спб., 1868, с. 74, примеч. 4; ОАК за 1869 г. Спб., 1871, табл. I, 15 (золотые пронизки ожерелья из Большой Близницы); Rohde El. *Op. cit.*, S. 40 ff., Nr. 4. ⁵¹⁹ Длина 0,018 м. Ушко сломано.

⁵²⁰ См., например, ОАК за 1897 г. Спб., 1900, с. 31; Смела IV, табл. VI, № 484; МИА, 1956, № 57, с. 19, рис. 4, 43; МАК, 1903, т. 8, с. 152, рис. 143; Toll H. P. *Op. cit.*, pl., XXXVI, LII; Beck. *Beads*, p. 37, fig. 30 и др.

⁵²¹ Ширина 0,013 м; высота 0,009 м. Отломан кончик полумесяца.

⁵²² См.: МИА, 1956, № 50, с. 177, рис. 18, 3.

⁵²³ Petrie F. *Op. cit.*, p. 23.

⁵²⁴ *Ibid.*, p. 10.

РАЗГРАБЛЕННЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ АРТЮХОВСКОГО КУРГАНА (гробницы IV—VIII)

В первой части настоящего труда мы неоднократно упоминали о найденных в Артюховском кургане гробницах, оказавшихся разграбленными. Все эти погребения обозначены на плане Гросса. В их описание, составленное М. И. Ростовцевым⁵²⁵, вкралось много неточностей, а сохранившиеся памятники никогда не были изданы. В приложении к настоящему труду мы стремились опубликовать те памятники, которые сохранились до наших дней в оригинале или в воспроизведениях. Знакомство с этими материалами расширяет наши знания о данном кургане в целом, поскольку выясняется, что гробница V, содержащая в себе медную монету Левкона II, по-видимому, восходит ко второй половине III в. до н. э., тогда как повторное захоронение в склепе VII было произведено в первые десятилетия I в. н. э. Таким образом, можно установить, что Артюховский курган служил усыпальницей в течение 250—300 лет, судя по всему, для одной и той же семьи, пережившей, таким образом, времена кризиса, охватившего Боспорское царство в конце II и в I в. до и. э.

Гробница IV⁵²⁶ в дневнике Верebrюсова описана под № 6. Там говорится: «Открытая здесь гробница построена была на материале из плит белого песчаника... Верх гробницы прикрывался двумя рядами плит, сложенных косвенно и составляющих покатую на обе стороны крышу. Положение гробницы было с запада на восток. К сожалению, из числа плит, составлявших крышу, не доставало одной, что означало давнее разграбление гробницы... Отняв боковую плиту, стали выбрасывать землю, наполнявшую внутренность гробницы и тщательно перебирать прах, расстилавшийся тонкой полосой на самом дне, по матерiku... Вещей никаких не найдено... Из двух плит, составлявших левую половину крыши, первая от запада имела на внутренней стороне высеченное рельефом изображение мужчины... Следы голубой краски оставались еще заметными на его мантии. Верх плиты украшен простым карнизом, внизу оставлен свободный четвероугольник, но без надписи...»⁵²⁷

На плане Гросса могила имеет прямоугольные очертания.

Гробница V описана в дневнике Верebrюсова под № 3⁵²⁸. Здесь говорится: «С восточной стороны того же (т. е. Артюховского.—*М. М.*) кургана расследована обширная могила, оставшаяся свободной. Сделан был раскоп у подошвы на 4 и к центру на 2 сажени, на расстоянии до 4 сажений. Пройдя по матерiku первую сажень, встретили с правой стороны обрез, которым обнаружена земляная гробница. В ней, при истлевшем прахе, найдено: 3 золотых листика тонкого золота, продолговатой формы, медная пряжка, медная игла и медная монета с изображением Ирака на одной стороне — тип монет Левкона».

Перечисленных здесь вещей в эрмитажной инвентарной описи нет. Однако, если верить описи вещей из Артюховского кургана, отправленных в Петербург 25 сентября 1879 г.⁵²⁹, медная монета была послана в Археологическую комиссию вместе с вещами из могилы VII.

Судя по описанию, упомянутая у Верebrюсова медная монета была монетой Левкона II⁵³⁰. Эти монеты датируются Д. Б. Шеловым третьей четвертью III в. до н. э.

Гробница VI⁵³¹ в дневнике Верebrюсова описана под № 4 следующим образом: «Далее через одну сажень (от гробницы V.—*М. М.*), в середине раскопа разобрана детская гробница, в которой находились: стеклянная слезница, 2 браслета медной проволоки и 2 медные монетки, совершенно испорченные окисью металла».

Перечисленных Верebrюсовым вещей в Эрмитаже нет. Если верить определению стеклянной вазочки как слезницы, то гробницу следует отнести ко времени не ранее конца I в. до н. э.

Гробница VII⁵³². Склеп с полуциркульным сводом, нештукатуренный. Судя по чертежам Гросса (рис. 3), он был сложен из тесаных камней и имел длину примерно 2,8 м, ширину 1,4 м и высоту до свода 1,6 м. Склеп состоял из одного помещения и был впущен в материк примерно на 1/4 его высоты. Пол, видимо, был земляной. Вход

⁵²⁵ Ск. и Б., с. 273—276.

⁵²⁶ ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLVIII. В книге Ростовцева (Ск. и Б.) она не значится. См. наст. работу, рис. 1, № 18, раскоп 15.

⁵²⁷ Архив ЛОИА АН СССР. Альбом рисунков Ф. И. Гросса за 1879 г., л. 17. Описание см. в кн.: Kieseritzky G., Watzinger C. *Op. ей.*, Nr. 471a (рельеф надгробной плиты); см. наст. работу, рис. 58.

⁵²⁸ Описана: ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLIV; Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли, с. 159; Ск. и Б., с. 275, № VI. См. наст. работу, рис. 1, № 20, раскоп 17.

⁵²⁹ Архив ЛОИА АН СССР. д. АК 4/1879, л. 16—21, № 103.

⁵³⁰ См.: Шелов Д. Б. Монетное дело... , табл. VII, № 76.

⁵³¹ Описана: ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. LI; упоминается: Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли, с. 159; Ск. и Б., с. 275, № VII. См. наст. работу, рис. 1, № 21, раскоп 17.

⁵³² Склеп кратко описан: ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLVIII; Архив ЛОИА АН СССР. д. АК 4/1879, л. 12; Ск. и Б., с. 275, 111. См. наст. работу, рис. 1, № 12, раскоп 5.

Рис. 58
Надгробная стела
из гробницы IV

перекрыт аркой; дверной проем закрывался большой тесаной каменной плитой. Дромос и ступеньки перед входом отсутствуют. На рисунке верхняя часть перекрытия склепа уступчатая.

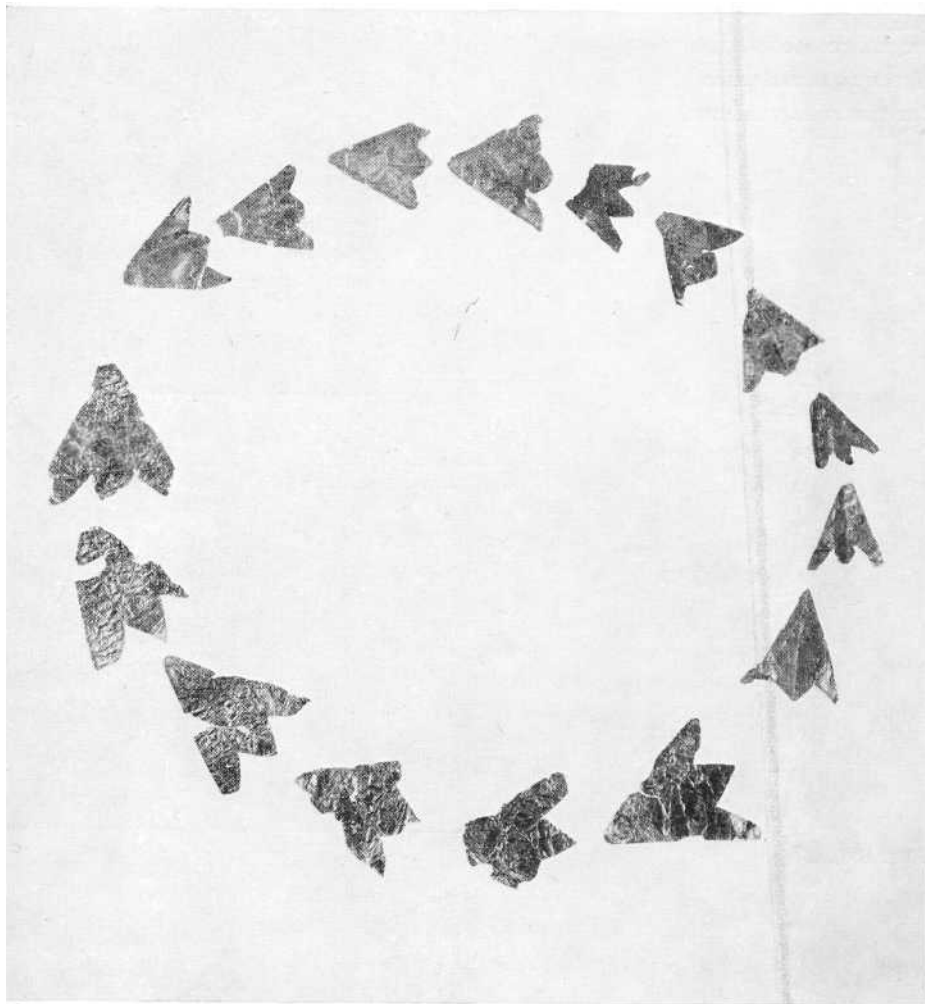
В склепе найдены предметы, относящиеся ко II в. до н. э. и к началу I в. н. э. Он, следовательно, содержал в себе повторное захоронение.

1. *Фрагменты двух золотых венков* (рис. 59)⁵³³; шесть треугольных зубчатых листьев сельдерея, вырезанных из очень тонкого золотого листа; десять золотых листьев такой же формы, но меньших размеров; фрагменты гладких золотых лент-повязок от двух венков, вырезанные из очень тонкого листового золота.

Так как листья и фрагменты лент-повязок имеют разные размеры, то фрагменты, видимо, принадлежат двум очень сходным венкам. По своей форме они сильно отличаются от венков, найденных в гробницах II и III. К тонкой ленте-повязке, заменяющей здесь ветки венка, прикреплены при помощи проволоки или простой при-

⁵³³ Арт. 130.

Рис. 59
 Детали двух золотых
 венков
 Золотая серьга

Арт. 130

Арт. 131

пайки отдельные листочки сельдерея. Такие венки появляются в конце I в. до н. э. и сохраняются до II—III вв. н. э., претерпевая известные изменения⁵³⁴. Венки Арт. 130 принадлежали к самым ранним из этой серии венков.

2. *Золотая серьга* в виде колечка из крученой проволоки, украшенная круглым выпуклым гранатом (рис. 59)⁵³⁵. Гранат вставлен в золотой колпачок с гладким дном. Серьги такой формы имели большое распространение в античном мире в первые века н. э.⁵³⁶

3. *Бронзовое дисковидное зеркало* без украшений⁵³⁷. Одна из его сторон отполирована. С края имеется небольшая петлевидная выемка: возможно, здесь находился выступ, на который насаживалась деревянная ручка.

Зеркала этого типа с выступами для деревянных ручек или без них нередки в Северном Причерноморье⁵³⁸. Часто они хранились в деревянных футлярах. По наблюдениям В. П. Шилова, они чрезвычайно характерны для сарматских захоронений Нижнего Поволжья, относимых к I в. до н. э. и I в. н. э.⁵³⁹ Находят их и в Прикубанье⁵⁴⁰ и в районе Эшери в Абхазии⁵⁴¹.

4. *Глиняный бальзамарий* с грушевидным туловом и длинной шейкой (рис. 63; табл. I)⁵⁴². Светло-коричневая плохо промытая глина. Сформован неаккуратно. Обжиг неравномерный, обзазки нет.

Глиняные бальзамарии этого типа были широко распространены во всем античном мире с конца I в. до н. э. и в течение первой половины I в. н. э.⁵⁴³ Они, по-видимому,

⁵³⁴ См.: ДБК, табл. V, 4. Об эволюции форм погребальных венков см.: ОАК за 1875 г. Спб., 1877, с. 1G.

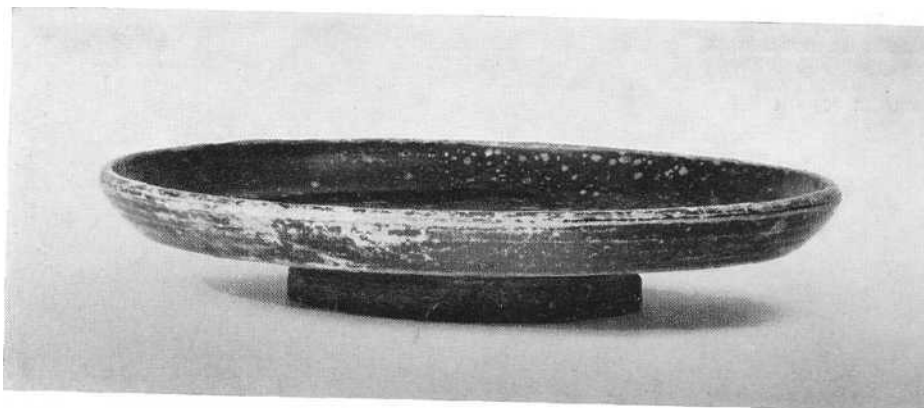
Вв Арт. 131. Диаметр 0,015 м. Края оправы немного повреждены. В центре камня маленькое просверленное отверстие: очевидно, из камня хотели первоначально изготовить бусину.

⁵³⁶ См., например: ИАК, 1906, вып. 13, с. 154, рис. 102 (Ольвия, гробница № 10, 1в); П л т ы ш е в а Н. Ювелирные изделия Херсонеса. М., 1936, табл. XI, с. 52; Marshall, *Jewellery*, No. 2508 ff., No. 2524 ff., pl. LIII; Zahn, *Samml. Schiller*, Taf. 53, Nr. 69.

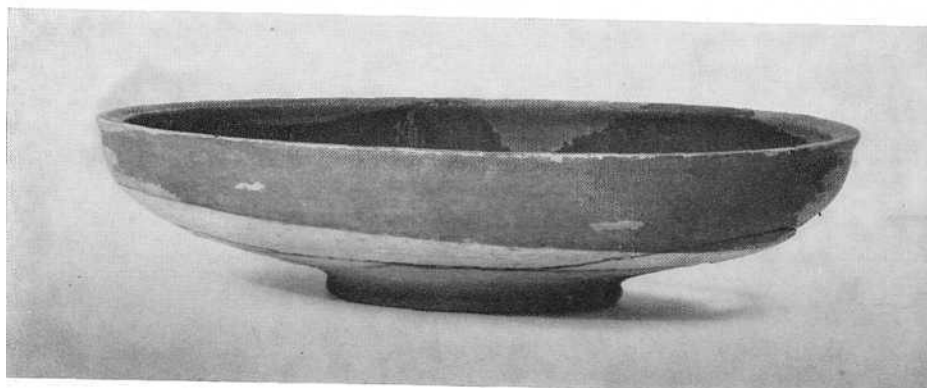
⁵³⁷ Арт. 139. Диаметр 0,07 м. Край зеркала местами поврежден. На оборотной стороне металл подвергся разрушению. Зеркало чищено.

Рис. 60

Чернолаковое блюдо
Краснолаковая чаша
Глиняные светильники

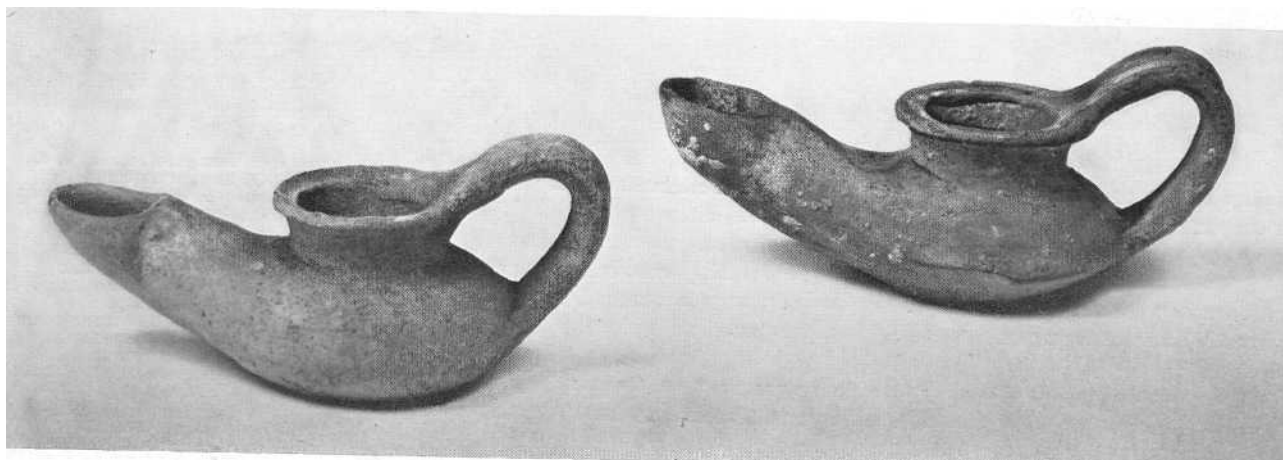

Арт. 134

Арт. 135

Арт. 136, 137

⁵³⁸ См., например: ИАК, 1909, вып. 29, с. 35, рис. 26 (Ахтанизовский клад); Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского — МИА, 1961, № 96, рис. 9, 4 (погребение конца II — начала I в. до н. э.); рис. 22, 5 (погребение XIII, того же

времени); рис. 26, 4 (погребение XV, I в. до н. э.); рис. 31, 4 (погребение конца I в. до н. э.).

⁵³⁹ Шидов В. П. Указ соч., с. 464.

⁵⁴⁰ Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы

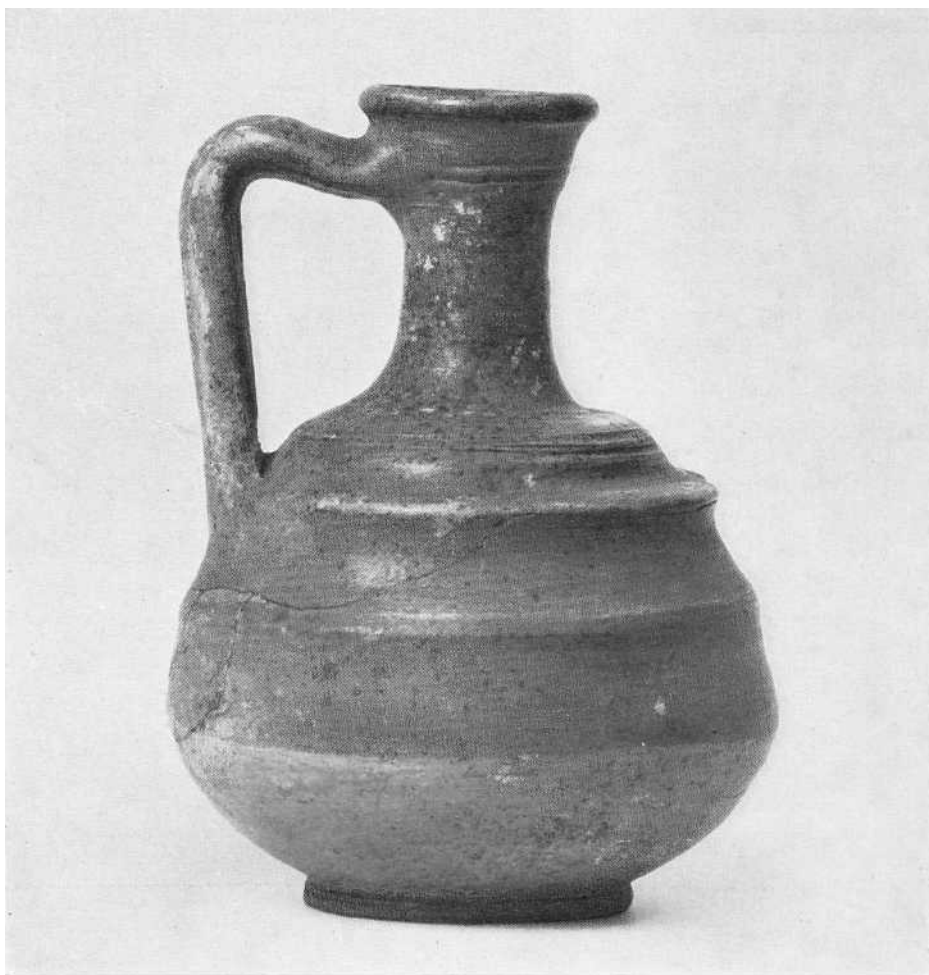
Усть-Лабинской. — МИА 1951. № 23, с. 186.

⁵⁴¹ Куфтин В. А. Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949 г. I, с. 25.

⁵⁴² Арт. 138. Высота 0,13 м.

⁵⁴³ См., например Priene, S. 427, Abb. 545.

Рис. 61
Глиняный кувшин
«Мегарская» чаша

Арт. 132

Арт. 140

пришли на смену так называемым веретенообразным флаконам (унгвентариям) эпохи эллинизма и делались по образцу стеклянных дутых бальзамариев. В Северном Причерноморье они также встречаются часто ⁵⁴⁴.

5. Глиняный светильник (рис. 60) ⁵⁴⁵. Тулово в форме «кувшинчика» с широкой шейкой и профилированной губой. Глина светло-коричневая с красноватым оттенком, довольно хорошо промытая, с небольшим количеством слюды. Тулово с шейкой изготовлено на станке; рожок и ручка слеплены от руки. Облицовки нет.

6. Глиняный светильник такой же формы и техники изготовления, как предыдущий (рис. 60) ⁵⁴⁶. Глина с более сильным красным оттенком и большим количеством слюды.

О. Ф. Вальдгауер относит оба светильника к эпохе эллинизма и предположительно считает их местными изделиями.

Светильники, которые можно рассматривать как варианты типа Арт. 136 и 137, встречаются в Северном Причерноморье часто.

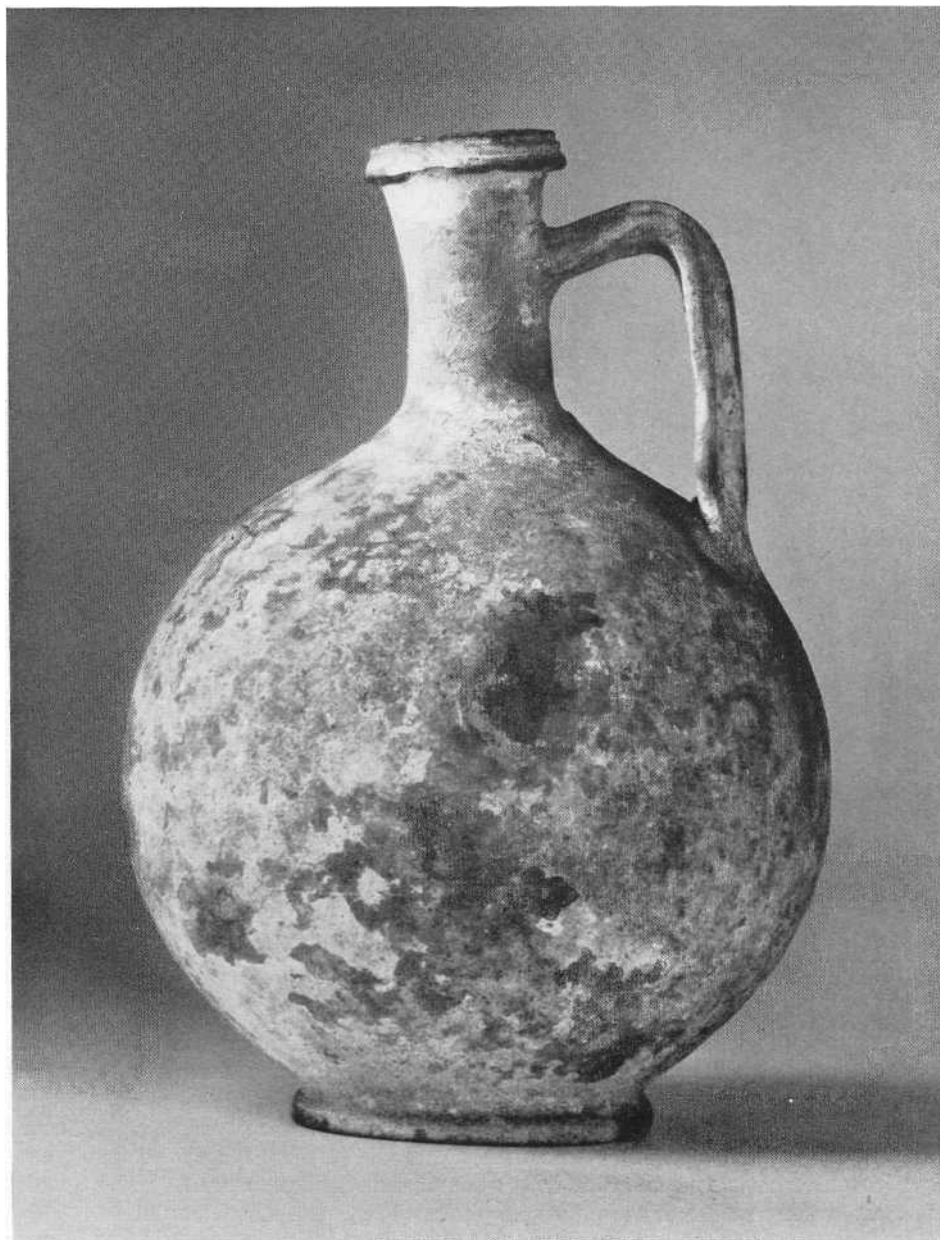
Подобные светильники, найденные в Ольвии, были изучены Т. Н. Книпович ⁵⁴⁷.

И. Т. Крутикова устанавливает присутствие светильников тех же типов среди простой керамики Пантикапея ⁵⁴⁸. Светильник типа 22 (по классификации И. Т. Кругликовой), особенно близкий к Арт. 136 и 137, происходит из катакомбы близ станицы Сенной. Вместе с этим светильником был найден стеклянный бальзамарий раннего типа. Судя по наблюдениям И. В. Зеест, светильники в форме «кувшинчика» бытовали на Боспоре на протяжении почти всего античного периода ⁵⁴⁹. Судя по светильнику

⁵⁴⁴ См., например: Марченко И. Д. Раскопки восточного некрополя. . . , с. 119, рис. 4, № 3; Гайдукевич В. Ф. Некрополи. . . , рис. 83 (Тиритака, могила первого десятилетия I в.)
⁵⁴⁵ Арт. 136. Длина 0,13 м. Мелкие повреждения поверхности. Издан: Вальдгауер О. Ф. Античные глиняные светильники. . . , табл. VIII, 87, с. 26.
⁵⁴⁶ Арт. 137. Длина 0,122 м. Мелкие повреждения поверхности. Упомянут: Вальдгауер О. Ф. Античные глиняные светильники. . . , с. 26.
⁵⁴⁷ Книпович Т. Н. Керамика местного производства. . . , табл. XXXIII, 1—3, 5, с. 144.
⁵⁴⁸ Кругликова И. Т. Ремесленное производство. . . , с. 134, рис. 26, 2, рис. 8, 11.
⁵⁴⁹ Зеест И. В. Пантикапейская керамика сарматского времени. — МИА, 1957, № 56, с. 156.

Рис. 62
Глиняный кувшин

Арт. 133

из катакомбы близ станции Сенной, который является ближайшей аналогией к светильникам Арт. 136 и 137, последние, скорее всего, датируются началом I в. н. э.

Все перечисленные экземпляры представляют собой местные изделия.

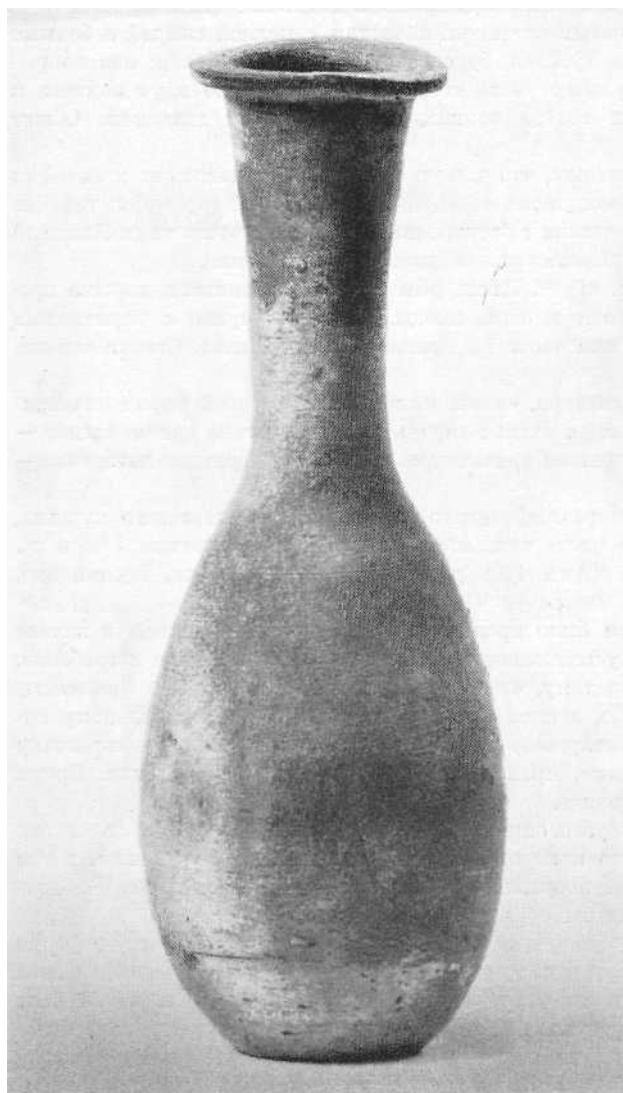
7. *Краснолаковый кувшин* с приземистым биконическим туловом на низкой кольцевидной подставке (рис. 61; табл. I)⁵⁵⁰. Верхняя часть тулова опоясана рельефными ребрами. Глина мелкозернистая, розовато-коричневого цвета, со значительным количеством слюды. Матовая, темно-красная глазурь покрывает всю верхнюю часть вазы. Сосуд грубой выделки. Стенки толстые. Обжиг сильный.

Кувшины сходной формы довольно часто встречаются в краснолаковой керамике. Сосуд этого типа с красочным орнаментом и выемчатым пояском на тулове был найден в некрополе Тиритаки — в гробнице, которую В. Ф. Гайдукевич датирует первыми десятилетиями I в. н. э.⁵⁵¹

⁵⁵⁰ Арт. 132. Высота 0,15 м; ширина 0,103 м. Тулово склеено из нескольких пусков, не хватает небольшой его части. Поверхность загрязнена мелкими черными вкраплениями.

⁵⁵¹ Гайдукевич В. Ф. Некрополи. . . , с. 217, рис. 83.

Рис. 63
Глиняный бальзамарий

Арт. 138

8. Глиняный тонкостенный кувшин с шаровидным туловом на низкой кольцевидной подставке (рис. 62; табл. I) ⁵⁵². Глина светло-коричневая, хорошо измельченная и промытая. Тулово аккуратно сформовано и поверхность тщательно сглажена.

Кувшин Арт. 133 принадлежит к разряду тонкостенной керамики, места изготовления которой не установлены ⁵⁵³. По форме нашему сосуду был очень близок, по-видимому, кувшин, происходящий из Тиритаки, из могилы I в. н. э. ⁵⁵⁴

9. Черноразовое блюдо с плоским дном на кольцевидной подставке (рис. 60; табл. I) ⁵⁵⁵. Мелкозернистая, хорошо промытая глина розового цвета без вкраплений. Жидкая черная, с сильным коричневым оттенком, матовая глазурь покрывает все блюдо, кроме подставки. От неравномерного обжига она на большей части сосуда приняла ярко-красный цвет. На доннышке блюда кружок из мелких насечек. Стенки блюда тонкие, формы его четкие. Подставка массивная.

Форма блюда, его плоское дно ⁵⁵⁶, а также характер глины и глазури позволяют считать Арт. 134 изделием малоазийской гончарной мастерской. Тусклая глазурь и небрежный обжиг говорят о довольно позднем происхождении вещи (не ранее II в. до н. э.) ⁵⁵⁷.

⁵⁵² Арт. 133. Высота 0,235 м; ширина 0,16 м. Отбит кусочек венчика. Сосуд почти целиком покрыт известковым налетом, поэтому трудно определить, имелась ли на нем обмазка и роспись.

⁵⁵³ См.: Книпович Т. Н. Опыт характеристики. . ., с. 148.

⁵⁵⁴ Гайдукевич В. Ф. Некрополи. . ., с. 221; рис. 90, 1 [мог. 13(27)]; ср. также: Шелов Д. Б. Некрополь. . . табл. XXVIII, 4, с. 26, 68 (из гробницы I в.).

⁵⁵⁵ Арт. 134. Диаметр 0,178 м. Мелкие повреждения поверхности.

⁵⁵⁶ См.: Книпович Т. Н. Опыт характеристики. . ., с. 143.

10. *Плоская краснолаковая чашка* на кольцевидной подставке (рис. 60; табл. I) ⁵⁵⁸. Светлая глина, желтая, с розоватым оттенком, пористая, с мелкой слюдой и белыми вкраплениями. Глазурь жидкая, тусклая, бурая, с малиновым оттенком; она покрывает всю чашку внутри и верхнюю часть стенок снаружи; ниже идут подтеки и видны следы пальцев. Стенки сосуда тонкие, поверхность их сглажена. Обжиг **сильный**.

Нам кажется наиболее вероятным, что чашечка Арт. 135 принадлежит к какой-то (может быть, таманской) разновидности местной краснолаковой керамики, так как рядом своих особенностей она связана с боспорскими изделиями этого типа. Плавный профиль чашки говорит о сравнительно ранней дате ее изготовления.

11. *«Мегарская» чашка* (рис. 61) ⁵⁵⁹. Глина розовая, мелкозернистая, хорошо промытая, с небольшим количеством мелкой слюды. Матовая черная с коричневым оттенком глазурь; при обжиге она частично приняла красный цвет. Стенки тонкие. Обжиг **сильный**.

Судя по качеству глины и глазури, чашка импортная. По своей форме она принадлежит к типу чашек с наклоном стенок внутрь ⁵⁶⁰, а по системе орнаментации — к чашкам с зонально распределенным орнаментом. Наиболее вероятная датировка — середина II в. до н. э.

Материал, происходящий из разграбленного склепа VII Артюховского кургана, не одновременен. Большая его часть относится к первым десятилетиям I в. н. э., тогда как «мегарская» чашка (Арт. 140) должна быть датирована, несомненно, II в. до н. э. Это показывает, что склеп VII был построен примерно в середине II в. до н. э. и тогда же в нем было произведено захоронение. Позднее, в начале I в. н. э., он вторично служил усыпальницей, причем это более позднее погребение, видимо, было двойным, судя по тому, что принадлежащие ему золотые фрагменты происходят, несомненно, от двух венков разных размеров. К первоначальному погребению мы относим, кроме «мегарской» чашки (Арт. 140), чернолаковую тарелочку (Арт. 134). Прочие вещи, видимо, происходят из вторичного захоронения. Время Арт. 136, 137 и 139 трудно определить.

Гробница VIII ⁵⁶¹. О. Тизенгаузен описывает ее как ограбленную могилу, заключавшую в себе «лишь несколько плит от обыкновенной каменной гробницы, в том числе две с рельефными, сильно поврежденными фигурами, без надписей» ⁵⁶². Здесь оказалась «поломанная глиняная чашечка с рельефными узорами».

«Обыкновенной каменной гробницей, вероятно, следует считать гробницу в форме каменного ящика». Такую форму придал погребению VIII и Ф. Гросс на своем плане. Рисунки надгробных стел были им отправлены в Петербург при рапорте № 6 от 22 ноября 1879 г. ⁵⁶³ В альбоме рисунков они, однако, не воспроизведены (надо полагать, из-за плохой сохранности этих памятников). Местонахождение плит с рельефами неизвестно. Г. Кизерицким и К. Ватцингером они не опубликованы и не описаны. Под «глиняной чашечкой с рельефными узорами», ныне утерянной, вероятно, нужно подразумевать «мегарскую» чашку. В таком случае погребение следует отнести к эпохе эллинизма.

⁵⁵⁷ Леви Е. И. Привозная греческая керамика из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. — Ольвия, Киев, 1940, т. I, табл. XXIV, I, № 1515, см. с. 123.

⁵⁵⁸ Арт. 135. Диаметр 0,18 м; высота 0,038 м. Чашка склеена из нескольких кусков.

⁵⁵⁹ Арт. 140. Диаметр 0,092 м. Склеена из четырех кусков. В верхней части чашки имеются повреждения.

⁵⁶⁰ Courby, *Vases*, p. 279, fig. 47, 2.

⁵⁶¹ ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLVIII; Ск. и Б., с. 275, № IV. См. наст. работу, рис. 1, № 11, раскоп 7.

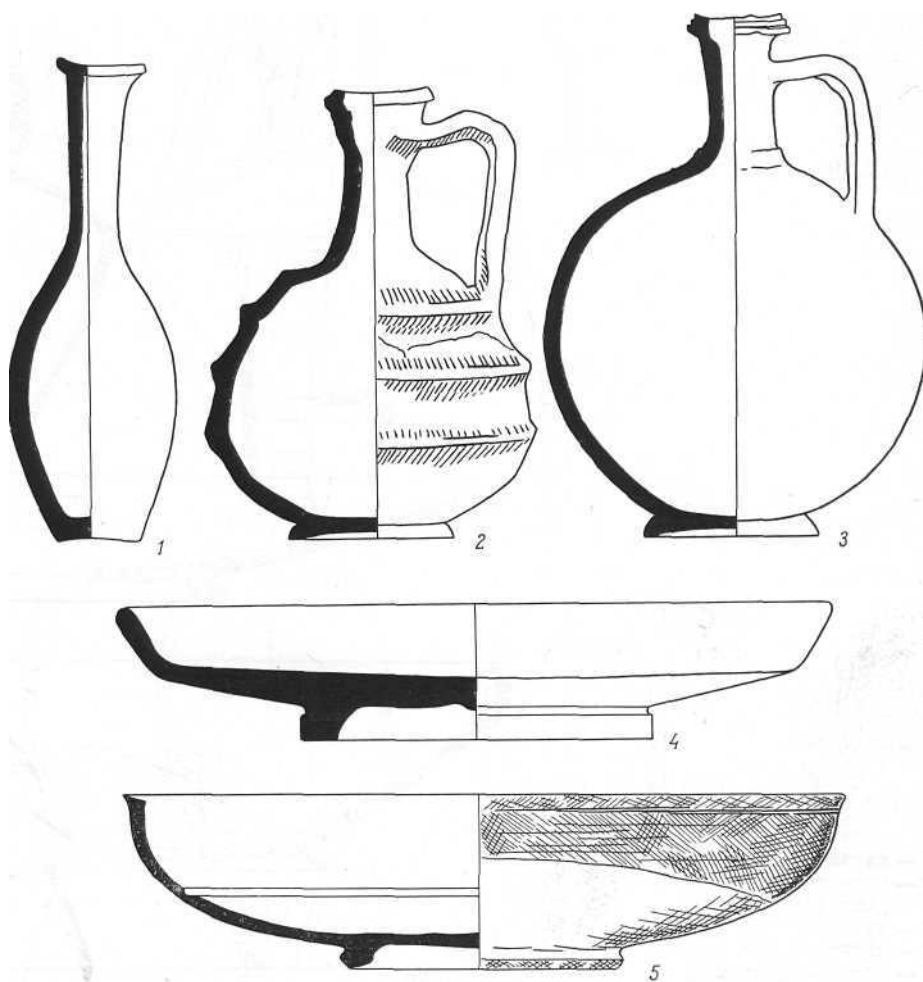
⁵⁶² ОАК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLVIII.

⁵⁶³ Архив ЛОИА АН СССР, Д. АК 4/1879.

Приложение II

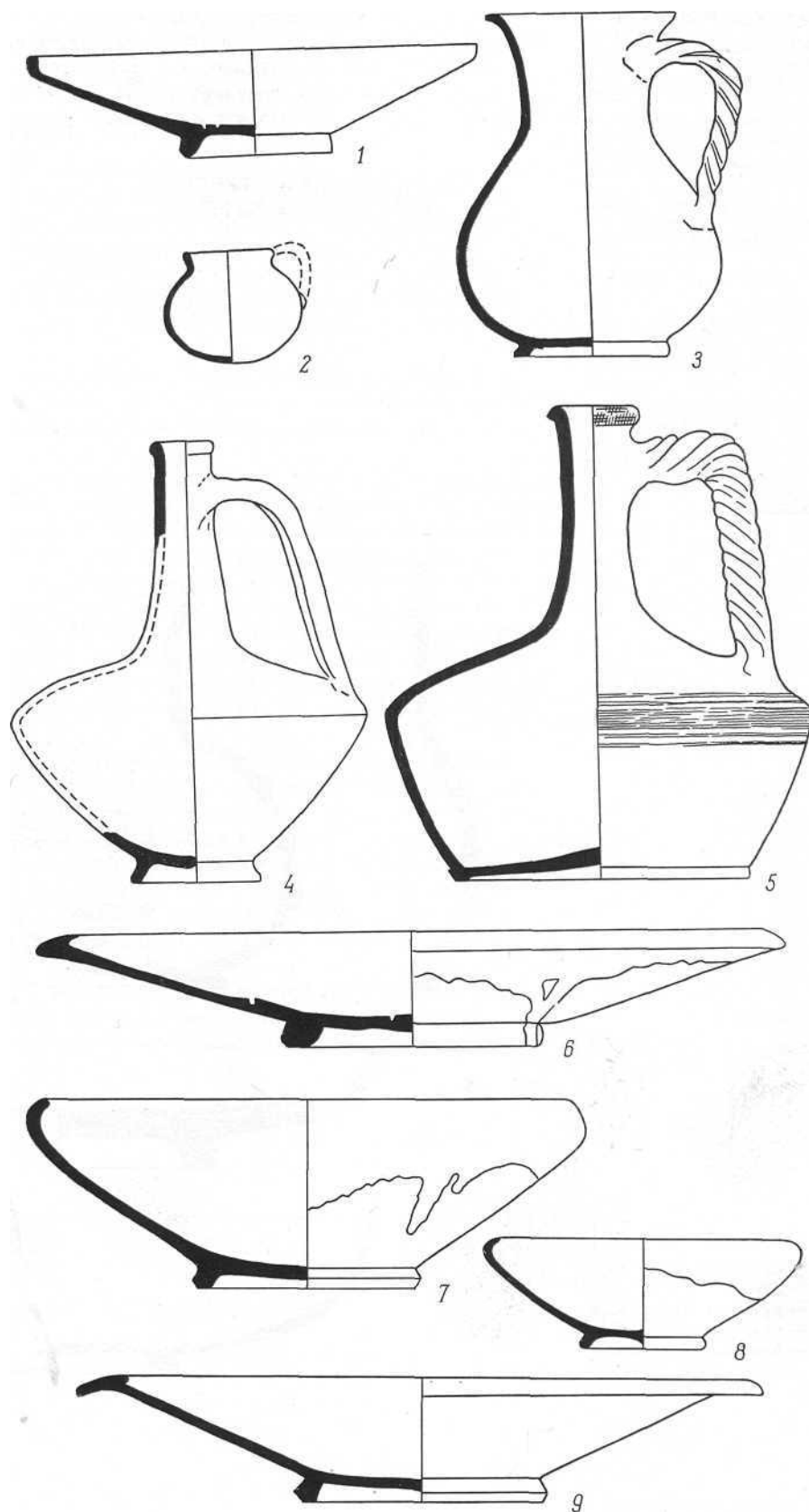
КЕРАМИКА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ
АРТЮХОВСКОГО КУРГАНА

Таблица I

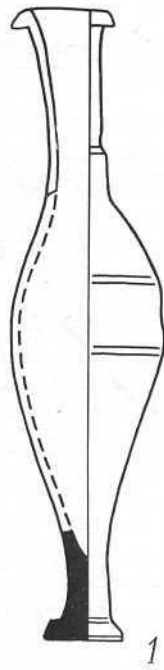
- 1 — бальзамари (Арт. 138),
 2 — кувшин (Арт. 132),
 3 — кувшин (Арт. 133),
 4 — блюдо (Арт. 134),
 5 — чаша (Арт. 135)

Таблица II

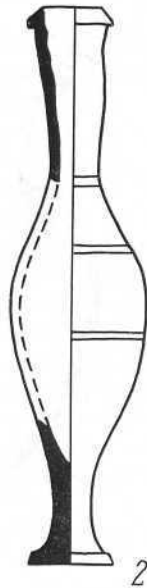

- 1 — тарелка (Арт. 29),
 2 — кувшинчик
 (Арт. 116),
 3 — кувшин (Арт. 96),
 4 — лагинос (Арт. И3),
 5 — лагинос (Арт. 95),
 6 — тарелка (Арт. 28),
 7 — миска (Арт. 30),
 8 — чашка (Арт. 31),
 9 — тарелка (Арт. 97)

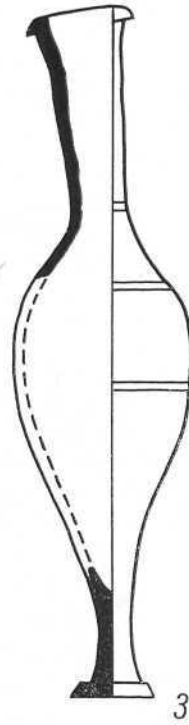
Таблица III

1

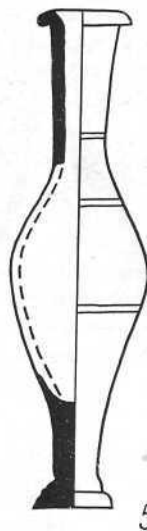
2

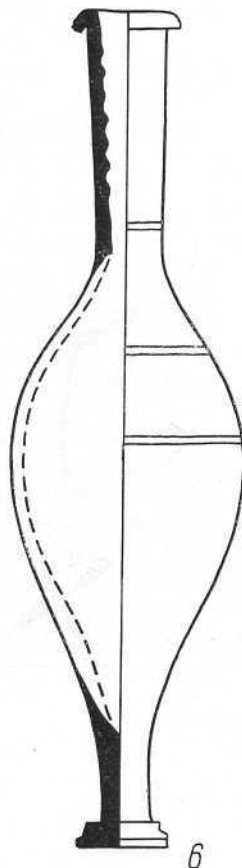
3

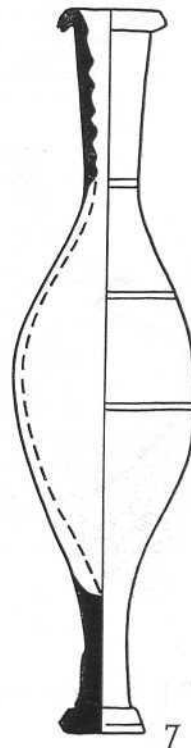
4

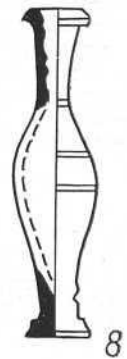
5

6

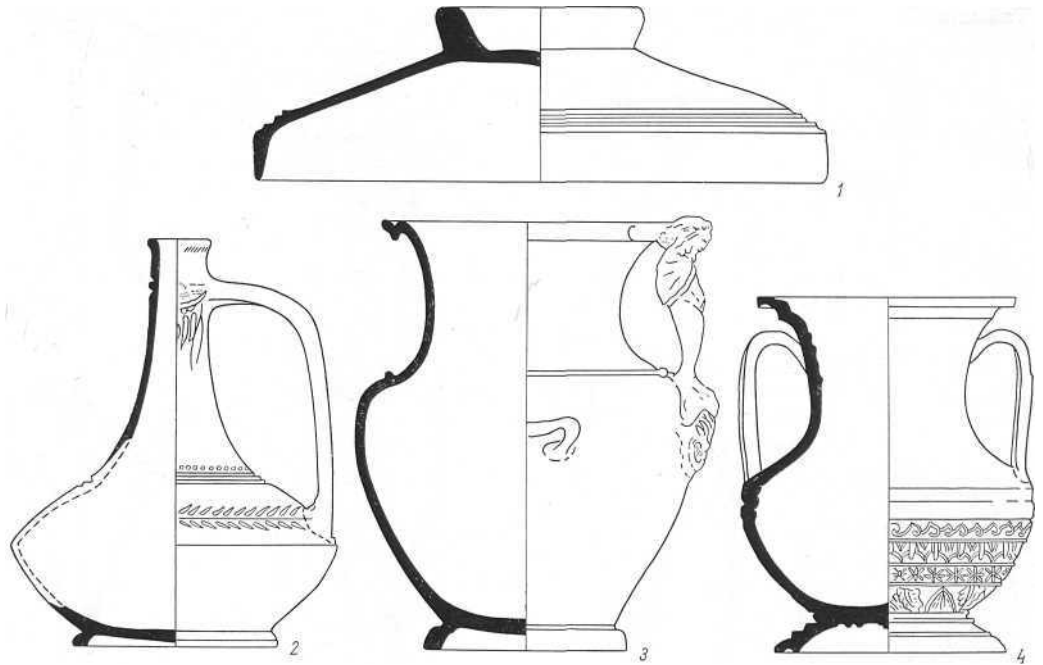
7

8

Унгентарии:
 1 — Арт. 32,
 2 — Арт. 33,
 3 — Арт. 34,
 4 — Арт. 115,
 5 — Арт. 91,
 6 — Арт. 92,
 7 — Арт. 90,
 8 — Арт. 79

Таблица IV

- 1 — крышка леканы
(Арт. 125),
2 — лагипос (Арт. 87)
3 — гидрия (Арт. 123),
4 — амфора (Арт. 27)

Таблица V

- 1 — чаша (Арт. 88),
2 — нижняя часть
пиксиды (Арт. 89),
3 — чашка (Арт. 114),
4 — стамнос (Арт. 124),
5 — амфора (Арт. 78),
6 — амфора (Арт. 86)

Приложение III

Мы публикуем здесь списки предметов по месту находки в трех нетронутых погребениях Артюховского кургана. Необходимо предпослать им несколько вводных замечаний.

Подобные списки и перечни публиковались уже неоднократно, а именно: в печатных отчетах о раскопках Артюховского кургана⁵⁶⁴; в тексте, сопровождающем первое издание этих памятников⁵⁶⁵; в книге М. М. Ростовцева⁵⁶⁶. Как было замечено Ростовцевым, данные отчета неоднократно расходятся с данными Стефани. Ростовцев считал первые более достоверными и придерживался их в своем тексте. К архивным документам Ростовцев в данном случае не обращался. А между тем, некоторая путаница, наблюдающаяся в отчетах и в тексте Стефани, восходит к тем документам, на основании которых составлялись упомянутые печатные списки. В них также имеются отдельные противоречия, что, надо думать, объясняется главным образом тем, что ни Тизенгаузен, ни Верebrюсов в процессе полевых работ, видимо, не вели подробных дневников и не фиксировали обстоятельства находки вещей при помощи чертежей и рисунков. Текст официальных отчетов о раскопках составлялся спустя значительный промежуток времени после окончания работ. Что касается гробницы I, дело усложняется еще тем, что обстоятельный отчет Верebrюсова перед опубликованием был не только сильно сокращен Тизенгаузеном, но и несколько им переделан, и в результате имеются налицо расхождения между печатным текстом и рукописью Верebrюсова.

При таком состоянии документации вряд ли можно в настоящее время составить совершенно точные и полные списки предметов, входивших в состав каждой из трех нетронутых гробниц кургана, с указанием места их находки. К счастью, упомянутые неполадки немногочисленны, и они касаются только второстепенных предметов, и поэтому состав инвентаря отдельных погребений, несмотря на отдельные неясности в деталях, в целом не вызывает сомнений.

В основу публикуемых ниже списков положена эрмитажная инвентарная опись, составленная в 1950 г. с учетом документальных данных. Мы добавляем в наши списки указания на вещи, найденные в Артюховском кургане, но впоследствии разрушившиеся или утерянные, и в особой графе отмечаем обстоятельства находки всех памятников.

Гробница I. Главным источником для восстановления инвентаря этой гробницы является дневник Верebrюсова, где гробница I описана под № 7. Однако и в дневнике упомянуты не все найденные здесь вещи. Ценными добавлениями поэтому служат: рапорт Верebrюсова № 23 от 18 сентября 1879 г.⁵⁶⁷, посланный в Петербург через несколько дней после открытия гробницы I; передаточная опись, сопровождавшая отправку вещей из гробницы I в Петербург при рапорте Верebrюсова № 64 от 17 октября 1879 г.⁵⁶⁸ В обоих этих документах значатся предметы, происходящие из гробницы I и упущенные в дневнике (Арт. 11, 12, 27).

При пользовании списком вещей из гробницы I следует иметь в виду, что многие найденные там мелкие вещи оказались при раскопках не на своих первоначальных местах, так как они были перенесены поселившимися в могиле суликами.

Гробницы II и III. Источниками для восстановления инвентаря этих двух раскопанных Тизенгаузеном гробниц являются: печатный отчет Тизенгаузена⁵⁶⁹, который почти в точности повторяет его рукописный отчет⁵⁷⁰, передаточная опись (она приложена к рукописному отчету, помеченному 25 сентября 1879 г.)⁵⁷¹.

Как показывает дата, вещи из раскопок Тизенгаузена и Верebrюсова были отправлены в Археологическую комиссию в разное время. В Эрмитаж они, по-видимому, были сданы одновременно, в ноябре 1879 г.

⁵⁶⁴ ОЛК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLIV.

⁵⁶⁵ ОЛК за 1880 г. Спб., 1882, с. 7—24 (Стефани).

⁵⁶⁶ Ск. и Б., с. 272—275.

⁵⁶⁷ Архив ЛОИА АН СССР, д. АК 6/1879, л. 58.

⁵⁶⁸ Там же, л. 69—71, 73—75.

⁵⁶⁹ ОЛК за 1878—1879 гг. Спб., 1881, с. XLIV—XLVIII.

⁵⁷⁰ Архив ЛОИА АН СССР, д. АК 4/1879, л. 9—12.

⁵⁷¹ Там же, л. 13—15, 17—20.

**СВОДНЫЕ ТАБЛИЦЫ НАХОДОК В НЕТРОНУТЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ
АРТЮХОВСКОГО КУРГАНА**

ГРОБНИЦА I

Инвентарный номер	Наименование предмета	Место находки (по дневнику Верebreюсова)	Примечание
Арт. 1	Золотая диадема	На голове женщины	В дневнике Верebreюсова среди вещей, найденных в этой гробнице в верхнем слое земли, названа «кисть мелких гранатных и голубых бус на привесках из тонкой золотой витой проволоки с сердечком из граната в золотой оправе и с обломанным крючком». Этот предмет в других документах не значит. Надо думать, это была поломанная крайняя кисточка от диадемы
Арт. 2	Золотая гривна	На груди	
Арт. 3	Золотое ожерелье в виде плетенки с затворами в форме головы барана	На груди	
Арт. 4	Ожерелье из золотых и сердоликовых бус	Рассыпаны в земле со стороны левого бока	
Арт. 5	Ожерелье из золотых и гранатовых бус с затворами в форме головы бычка	В земле у костяка	
Арт. 6	Ожерелье из золотой плетенки, двух золотых головок рыси, гранатов и изумруда	На груди	
Арт. 7	Золотая булавка с кисточкой	Там же	
Арт. 8	Золотой медальон с рельефным изображением Афродиты и Эроса		
Арт. 9	Золотая серьга с розеткой	и и	
Арт. 10	Пара золотых серег с подвесками в виде Эроса	Одна серьга найдена в верхнем слое земли гробницы; другая — на груди женщины	
Арт. 11, 12	Пара золотых змеевидных браслетов	В дневнике Верebreюсова и в печатном отчете не упоминается	
Арт. 13	Золотой перстень с цветком из стеклянной мозаики в жуковине	На пальцах левой руки	
Арт. 14	Золотой перстень с гранатом	На пальцах правой руки	

(см. продолжение)

Продолжение

Инвентарный номер	Наименование предмета	Место находки (по дневнику Веребрюсова)	Примечание
Арт. 15	Золотой перстень со стеклянной вставкой	На пальцах правой руки	В печатном отчете значатся только две пластинки, найденные, якобы, в ногах остова. В передаточной описи четыре бляшки упомянуты под № 15
Арт. 16	Четыре круглые золотые бляшки с тисненым орнаментом	Две найдены у пояса, две — у ног женщины в земле	
Арт. 17	Серебряный канфар	У женского остова	Судя по дневнику и передаточной описи № 16, у него была ныне утраченная крышка
Арт. 62 (18)	Серебряный тимнаторий и фрагменты от его чашечки и крышки	Там же	Тимнатории из гробницы II и гробницы I, видимо, были впоследствии спутаны. Мы помещаем Арт. 62 в гробнице I, а Арт. 18 в гробнице II
Арт. 19	Серебряная пиксида	" "	Упомянуты Стефани (ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 10, № 29, 30). Принадлежность этих вещей к гробнице I сомнительна. Стефани называет их кольцами, принадлежащими сосуду
Арт. 20	Серебряный флакон	" "	
Арт. 21	Серебряный черпак	" "	
Арт. 22	Две серебряные трубочки с ободками	В архивных документах не значатся	
Арт. 23	Серебряное веретено	У женского остова	Относительно распределения бус по низкам в настоящее время см. с. 123
Арт. 24	Низка пастовых и стеклянных бус с амулетами из «египетского фаянса»		
Арт. 25	Бусы из халцедона и хрусталя	У женского остова	См. предыдущее примечание
Арт. 26	Бронзовое зеркало	Было приставлено к голове женщины с левой стороны	Значится в передаточной описи под № 25 и в рапорте Веребрюсова № 23. В дневнике не упоминается. Может быть, она там ошибочно названа «кувшином», стоявшим за перегородкой. Неправильные обозначения ваз в этих документах часты, а никакого кувшина среди вещей в гробнице I нет
Арт. 27	Чернолаковая пелика с рельефным орнаментом		
Арт. 28	Глиняная чернолаковая тарелка	Была приставлена к голове женщины с левой стороны	

(см. продолжение)

Продолжение

Инвентарный номер	Наименование предмета	Место находки (по дневнику Веребрюсова)	Примечание
Арт. 29	Глиняная чернолаковая миска	Была приставлена к голове женщины с левой стороны	В дневнике не значится. Названа в передаточной описи под № 30
Арт. 30	Глиняная миска	Там же	
Арт. 31	Глиняная чашка		
Арт. 32	Глиняный унгентарии	У левого бока	
Арт. 33	То же	Там же	
Арт. 34	" "	" "	
Арт. 35	Костяные шарниры	У левого бока, в земле	В дневнике значатся как найденные за перегородкой: «медный замочек с железным ключиком и остатками внутреннего железного механизма». Эти железные предметы, вероятно, соответствуют Арт. 36, но медного замка в комплексе Артюховского кургана ныне нет
Арт. 36	Фрагменты железных ключей	В ногах женщины, за перегородкой	

Среди серебряных вещей из гробницы I в дневнике, а также в передаточной описи под № 19 упоминается еще «солонка». В описании Стефани и в инвентаре Эрмитажа она отсутствует.

ГРОБНИЦА II

Инвентарный номер	Наименование предмета	Место находки (по отчету Тизенгаузена)	Примечание
Арт. 37	Золотой веночек	На голове женщины	Стефани говорит, что нитки этих ожерелий истлели и поэтому «нельзя утверждать, что первоначально все эти бусы составляли одно целое и были наизаны в таком порядке» (ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 63)
Арт. 38	Золотой начельник	Там же	
Арт. 39	Золотая булавка	" "	
Арт. 40	Пара золотых серег с подвесками в виде голубей	" "	
Арт. 41	Статер Лисимаха	" "	
Арт. 42	Золотая гривна, витая	На шее женщины	
Арт. 43	Золотое ожерелье: плетенка с застежками в виде голов бычков	Там же	
Арт. 44	Ожерелье из золотых проинок разных типов	Гробница II	

(см. продолжение)

Продолжение

Инвентарный номер	«Наименование предмета	Место находки (по отчету Тизенгаузена)	Примечание
Арт. 45	Ожерелье из золотых бус	Гробница II	
Арт. 46	Золотой медальон с рельефным изображением Афродиты и Эрота	На груди женщины	
Арт. 47	Три золотые круглые бляшки с тисненым орнаментом	Там же	
Арт. 48, 49	Пара золотых змеевидных браслетов	На руках женщины	
Арт. 50, 51	Пара золотых витых браслетов	Там же	
Арт. 52	Золотой перстень с халцедоном	На левой руке женщины	
Арт. 53	Золотой перстень с жемчужиной в форме подошвы сандалии и с надписью	Там же	
Арт. 54	Золотой перстень с резным гранатом	» »	
Арт. 55	Золотой перстень с камеей	»	
Арт. 56	Золотой перстень с куском железа в жемчужине		
Арт. 57	Золотой перстень в виде змеи	На правой руке женщины	
Арт. 58	Золотой перстень в виде обруча	Там же	
Арт. 59	Тонкие золотые нити	Вдоль костяка женщины	Значатся в передаточной описи под № 71. Не значится ни в отчете, ни в описи. Может быть, она принадлежит к набору бляшек Арт. 47
Арт. 60	Золотая круглая бляшка	У женского остова	
Арт. 61	Серебряный канфар с растительным орнаментом	В ногах женщины	
Арт. 18 (62)	Серебряный тимпаторий	Там же	См. примечание к Арт. 62 (18), гробница I
Арт. 63	Серебряная чаша	У ног женщины	
Арт. 64	Серебряная чаша	Там же	
Арт. 65	Серебряная пиксида	У женского костяка	
Арт. 66	Серебряный кувшинчик	Там же	
Арт. 67	Серебряный черпак	У ног женщины	
Арт. 68	Серебряный черпак	Там же	
Арт. 69	Серебряная ложечка	У женского костяка	
Арт. 70	Серебряное веретено	Там же	
Арт. 71	Серебряное веретено	» »	
Арт. 72	Серебряная палочка	» »	
Арт. 73	Бусы различных форм из разных материалов	«	

(см. продолжение)

Продолжение

Инвентарный номер	Наименование предмета	Место находки (по отчету Тизенгаузена)	Примечание
Арт. 74	Стеклянная пластина	У женского костяка, при окончательной расчистке склепа	Согласно передаточной описи (№ 92), здесь нашли 2 золотые, 2 стеклянные и 3 сердоликовые пластинки. Ныне в наличии только Арт. 74
Арт. 75	Бронзовое зеркало с изображением Сидллы	В ногах женщины	
Арт. 76	Бронзовый светильник	Там же	
Арт. 77	Бронзовая ладанка	" "	
Арт. 78	Глиняная расписная амфора	" "	
Арт. 79	Глиняный унгентарий	" "	
Арт. 80	Кусок кожаной пленки	" "	
Арт. 81	Золотой венчик	На голове мужчины	
Арт. 82	Статер Перисада	На груди мужчины	
Арт. 83	Золотой медальон с гранатами и эмалью	У пояса мужчины	
Арт. 84	Золотой перстень с куском железа в жуповине	На левой руке мужчины	
Арт. 85	Четыре серебряных колпачка	Справа от мужчины	
Арт. 86	Глиняная расписная амфора	В преддверии склепа со стороны женщины	
Арт. 87	Глиняный лагинос	Там же	
Арт. 88	Чернолаковая чашка	" "	
Арт. 89	Чернолаковая пиксида (без крышки)	" "	
Арт. 90—92	Глиняные унгентарии	" "	
Арт. 93	Бронзовая чаша	" "	
Арт. 94	Бронзовая ухвертка	" "	
Арт. 95	Глиняный лагинос	В преддверии склепа со стороны мужчины	
Арт. 96	Глиняный кувшин	Там же	
Арт. 97	Краснолаковое блюдо с остатками орехов	" "	
Арт. 98	Серебряная пряжка от пояса	" "	
Арт. 99	Железный стригиль	" "	
Арт. 100	Железный стригиль	" "	

В передаточной описи значатся еще: под № 38—серебряное ситечко, под № 49—кусочки листового золота, а в отчетах Археологической комиссии за 1880 г., с. 13, № 4—остатки серебряного киятоса. В инвентаре Эрмитажа этих предметов нет.

ГРОБНИЦА III

Инвентарный номер	Наименование предмета	Место находки (по отчету Тизенгаузена)	Примечание
Арт. 101	Золотой венок	На голове женщины	
Арт. 102	Золотое ожерелье с застежками в виде голов рогатых львов	На шее женщины	
Арт. 103	Пара золотых серег в виде колечка, часть которого составляет фигура Эрота	Около ушей женщины	
Арт. 104	4 золотые круглые бляшки с тисненым орнаментом	На груди женщины	
Арт. 105	Золотой перстень с изображением Геракла	На левой руке женщины	
Арт. 106	Серебряный канфар с растительным орнаментом	В нише у головы женщины	
Арт. 107	Серебряный унгентарий	В ногах женщины	Значится в передаточной описи под № 15
Арт. 108	Ожерелье из каменных и стеклянных бус	На шее женщины	О низках бус см. примечание к № 24 списка гробницы I
Арт. 109	Низка мелких сердоликовых и стеклянных бус	На левой руке женщины	О низках бус см. примечание к № 24 списка гробницы I
Арт. 110	Фрагмент железного перстня с куском железа в жуковине	Там же	Значится в отчете Тизенгаузена как «железный перстень, сильно перержавевший»
Арт. 111	Бронзовое зеркало	В ногах женщины	
Арт. 112	Чаша бронзовая	Там же	
Арт. 113	Глиняный лагинос	" "	
Арт. 114	Чашка чернолаковая	" "	
Арт. 115	Глиняный унгентарий	" "	
Арт. 116	Глиняный кувшинчик	" "	
Арт. 117	Алебастровая вазочка	" "	
Арт. 118	Бронзовая ухвертка	" "	
Арт. 119	Бронзовое колечко	" "	В передаточной описи названы три колечка. Стефани добавляет: «на одном из них помещена была кажется... форма гераклова узла. В настоящее время налицо имеется одно колечко»
Арт. 120	Фрагменты костяного веретена	" "	
Арт. 121	Половина створчатой раковины с остатками румян	" "	
Арт. 122	Золотой венок	На голове мужчины	
Арт. 123	Гидрия с ручкой в виде фигуры Приана	В ногах мужчины	
Арт. 124	Ваза чернолаковая ребчатая	Там же	

(см. продолжение)

Продолжение

Инвентарный номер	Наименование предмета	Место находки (по отчету Тизенгаузена)	Примечание
Арт. 125	Расписная крышка лещины	В ногах мужчины	
Арт. 126	Железный стригиль	Там же	
Арт. 127	Железный нож	» II	
Арт. 128	Железный перстень с суставом пальца и куском железа в жуковине	На левой руке мужчины	
Арт. 129	Бронзовые части деревянного ложа	В насыпи кургана над гробницей III	Стефани говорит, что эти части найдены над гробницей II. Во избежание недоразумений, указываем, что гробница II по нумерации Тизенгаузена соответствует гробнице III по нашей нумерации (ОАК за 1880 г., Спб., 1882, №92)

В гробнице III, кроме того, были найдены: меховая повязка, висевшая на гвозде у ниши близ головы женщины (повязка распалась), и кусочки тонкого листового золота в нише у головы мужчины и в других местах гробницы (см. Арт. 28 в передаточной описи — ОАК за 1880 г. Спб., 1882, с. 2). В инвентаре Эрмитажа отсутствуют.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДЖ	Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. Спб., 1913
АК	Археологическая комиссия
ВДИ	Вестник древней истории
ДБК	Древности Боспора Киммерийского. Спб., 1854. Переиздание на французском языке с сохранением прежней пагинации: Reinach S. <i>Antiquités du Bosphore Cimmerien</i> . Paris, 1892
ЖМВД	Журнал Министерства внутренних дел
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей
ИАИМК	Известия Академии истории материальной культуры
ИАК	Известия Археологической комиссии
Книпович. К вопросу	Книпович Т. Н. К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья.— СА, 1949, XI
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛЮИА АН СССР	Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАК	Материалы по археологии Кавказа
МАР	Материалы по археологии России
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК	Отчет Археологической комиссии
Русск. древн.	Толстой И. И. и Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Спб., 1889, вып. I
СА	Советская археология
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа
Ск. и Б.	Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925
Смела	Бобринский А. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. Спб., 1901, т. 3
Танаис	Книпович Т. Н. Танаис . М.—Л., 1949
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
Тр. ОАМ	Труды отдела античного мира Государственного Эрмитажа
АА	«Archäologischer Anzeiger»
ААН	«Acta archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae»
ААА	"American Journal of Archaeology"
АМ	«Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Institute». Athenische Abteilung
Amandry, <i>Coll. Stathatos</i>	Amandry P. <i>Collection Hélène Stathatos</i> . Strasbourg, 1953
<i>Annali del Ist.</i>	<i>Annali del Istituto di corrispondenza archeologica</i>
ВСН	«Bulletin de Correspondance Hellenique»
Becatti, <i>Oreficerie</i>	Becatti G. <i>Oreficerie antiche dalle minoiche alle barbariche</i> . Roma, 1955
Beck, <i>Beads</i>	Beck H. <i>Classification and Nomenclature of Beads and Pendants</i> .— "Archaeology", series 2, 1928, vol. 27
Breglia, <i>Catal.</i>	Breglia L. <i>Catalogo delle oreficerie del Museo Nazionale di Napoli</i> . Roma, 1941
Coche de La Ferté <i>Bijoux</i>	Coche de La Ferté B. <i>Les Bijoux antiques</i> . Paris, 1956

- Coll. de Clercq* Ridder A. de. *Collection de Clercq. Catalogue*. Paris, 1911, vol. 7, 1 (*Les Bijoux*).
- Corinth* *Corinth. Results of the Excavations Conducted by the American School of Classical Studies in Athens*. Cambridge (Mass.)
- Courby, Vases* Courby W. F. *Les Vases grecs a reliefs*. Paris, 1922
- D.-S. Dict.* Daremberg Ch., Saglio E. *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*. Paris, 1877—1919
- Delos* *Explorations archeologiques de Delos*. Paris, 1938, vol. 18
- Eph. Arch.* *Ephemeris Archeologica*
- Furtwangler, A. G.* Furtwangler A. *Die antiken Gemmen*. Leipzig, 1900
- Furtwangler, Beschreibung* Furtwangler A. *Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium*. Berlin, 1898
- JdI* «Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Institute»
- IOSPE* Latyshev B. *Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini*. СПб., 1890, т. 2; 1901, т. 3.
- Kiithmann, Beiträge* Kiithmann H. *Beiträge zur Hellenistisch-Römischen Toreutik*.—«Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums», Mainz, 1958
- Marshall, Finger-rings* Marschall F. H. *Catalogue of Finger-rings in the British Museum*. London, 1907
- Marshall, Jewellery* Marshall F. H. *Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman. .. in the British Museum*. London, 1911
- Minns, Sc. and Gr.* Minns E. H. *Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913
- Mon. ant.* *Monumenti antichi pubblicati per cura della Accademia Nazionale del Lincei*. Roma
- Not. d. scavi* *Notizie degli scavi*
- Olynthus* Robinson D. *Excavations at Olynthus*. Baltimore — London — Oxford. Part 1, 1929
- Pollack, Samml. Nelidow* Pollack L. *Klassische antike Goldschmiedearbeiten im Besitz A.J. von Nelidow*. Leipzig, 1903
- Priene* Wiegand Th., Schrader H. *Priene*. Berlin, 1904
- RE* Pauly—Wissowa—Kroll. *Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1893.—
- RM* «Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts». Römische Abteilung
- Rostovtzeff, Ir. and Gr.* Rostovtzeff M. I. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922
- Samml. Vogell* Boehlau J. *Griechische Altertümer des Sudrussischen Fundorts aus dem Besitze des Herrn A. Vogell*. Kassel, 1908
- Segall, Museum* Segall B. *Museum Benaki. Katalog der Goldschmiedearbeiten*. Athen, 1938
- Thompson, Two Centuries* Thompson H. *Two Centuries of Hellenistic Pottery*.— "Hesperia", 1934, vol. 3
- Zahn, Samml. Schiller* Zahn R. *Sammlung Baurats Schiller*. Berlin, 1929

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

Артюховский курган — памятник истории культуры Боспорского царства

I. История раскопок	5
II. Датировка Артюховского кургана	7
III. Погребальные сооружения	9
IV. Погребальный обряд	13
V. Инвентарь захоронений	16
VI. Заключение. Артюховский курган — яркий памятник культуры местной знати Таманского полуострова накануне восстания Савмака	22

Часть вторая

Описание и исследование памятников, происходящих из трех нетронутых погребений Артюховского кургана

I. Общая характеристика ювелирных изделий из золота	33
II. Отдельные виды ювелирных изделий из золота	41
Венки	41
Диадема	44
Начельник	48
Булавки	49
Монеты	50
Серьги	51
Ожерелья	54
Гривны	60
Браслеты	62
Перстни	64
Медальоны	68
Бляшки	71
III. Изделия из серебра. Общий очерк	71
IV. Отдельные виды изделий из серебра, происходящих из Артюховского кургана	78
V. Изделия из бронзы	89
VI. Изделия из железа	99
VII. Изделия из алебаstra, кости, раковины, кожи, стекла	101
VIII. Керамика	104
Простая бытовая керамика	104
Художественная керамика	111
IX. Бусы и амулеты	123
Классификация бус из Артюховского кургана	124
<i>Приложение I.</i> Разграбленные погребения Артюховского кургана (гробницы IV—VIII)	129
<i>Приложение II.</i> Керамика из погребений Артюховского кургана	137
<i>Приложение III.</i> Сводные таблицы находок в нетронутых погребениях Артюховского кургана	141
Список сокращений	149

Мария Ивановна Максимова

АРТЮХОВСКИЙ КУРГАН

Художник В. С. Итальянцев. Редактор Н. Г. Обновленская

Художественный редактор Г. Г. Ябкевич

Технический редактор И. Н. Исаков

Корректоры А. И. Быстрова, В. О. Алексеева

ИБ № 743. Сдано в набор 06.03.79. Подписано в печать 23.10.79. М07917.
Формат 84×108^{1/16}. Бумага мелованная. Гарнитура обыкновенная. Печать
высокая. Усл. печ. л. 15,96. Уч.-изд. л. 15,69. Изд. № 358. Тираж 5000.
Заказ 4084. Цена 2 р. 30 к. Издательство «Искусство» Ленинградское от-
деление. 191186, Ленинград, Невский, 28. Ордена Трудового Красного Зна-
мени Ленинградская типография № 3 имени Ивана Федорова Союзполи-
графпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, по-
лиграфии и книжной торговли. 191126, Ленинград, Звенигородская ул. И